

Марианна Ильинична КОВАЛЬСКАЯ

**ИТАЛИЯ в БОРЬБЕ
за НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ и ЕДИНСТВО
От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.**

Москва: «Наука». 1981

Ответственный редактор
доктор исторических наук К. Ф. МИЗИАНО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. Италия в XIX века

Социально-экономическая и политическая обстановка.

Национально-освободительное движение

Передовая итальянская политическая мысль на рубеже 20–30-х годов

XIX в.

Революция 1831 г. в Центральной Италии

ГЛАВА 2. Дж.Мадзини и возникновение «Молодой Италии» (1831–

1834 гг.)

Дж.Мадзини в эмиграции. «Молодая Италия»

Политическая обстановка в Италии после революции 1831 г.

Мадзинистское движение в Италии

ГЛАВА 3. Либералы в борьбе за гегемонию в итальянском

освободительном движении

Социально-экономические проблемы в программе умеренных

Политические установки либералов

ГЛАВА 4. Италия накануне революции 1848 г.

Возрождение «Молодой Италии»

Демократическое движение в Южной Италии в 1835–1846 гг.

Обострение политического кризиса в Папском государстве. Пий IX

Демократическая публицистика 40-х годов

Пролог революции

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru/) и [Век Просвещения](http://www.vostlit.ru/), 2010. Расположение авторских ссылок и примечаний изменено по сравнению с оригиналом. Тематические ссылки даны нами.

М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.

текст: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/carbognari.pdf>

иллюстрации, дополнения: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p73551112.htm>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто
текст: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lit_risorgimento.pdf
иллюстрации, дополнения: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/beriti1.pdf>

Феличе Орсини. Мемуары (с комментариями и статьей Г.Сандомирского)
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/orsini.pdf>

Либерализм Запада 17-20 вв.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p55932199.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57232261.htm>

А.Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm#410334653>

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.
http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина 19 в.
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_s-simon.pdf

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

П.Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений / пер. с франц. Е.Успенской под ред и с предисл.М.Зеликмана
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ф.Буонарротти. Заговор во имя Равенства / вступит.статья В.П.Волгина, комментарии В.М.Далина

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon1.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon2.pdf>

Теодор Дезами. Кодекс общности / Перевод с франц. Э.А.Желубовской и Ф.Б.Шуваевой). Комментарии В.С.Алексеева-Попова. Вступительная статья В.П.Волгина

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона / вступит.статья В.П.Волгина

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Подборки материалов о 1830-1849 гг. (от Июльской революции во Франции до европейских революций 1848-49 гг.)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p119138462.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

См. также записи с темой «Италия» в нашем сообществе:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=8099>

Ссылки на материалы о Джузеппе Мадзини: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>

о Джузеппе Гарибальди: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>

о Никола Уго Фосколо: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#foscolo>

Введение

В изучении проблематики буржуазных революций, особенно в типологическом аспекте, привлекающем в последние годы большое внимание советских и зарубежных историков, итальянское Рисорджименто занимает весьма важное место. В силу специфических условий исторического развития Италии — государственной раздробленности и иноземного гнета — общественные движения и революции, происходившие на Апеннинском полуострове с конца XVIII в., неизбежно принимали национальную форму. Вместе с тем важнейший для Италии национальный вопрос являлся составной частью более широкой проблемы преобразования феодального строя. По своему содержанию Рисорджименто было буржуазным движением, отражавшим назревшие потребности восходящего класса — буржуазии в утверждении своего экономического и политического господства и в изменении устаревшей структуры общества. В основе Рисорджименто, таким образом, лежали те же причины, которые ранее привели к буржуазным революциям в Англии и во Франции. Однако особые условия рождения нового буржуазного общества на Апеннинском полуострове чрезвычайно осложнили этот процесс. Он протекал мучительно и долго: начавшись в конце XVIII в. под сильным воздействием Великой французской буржуазной революции, эпоха Рисорджименто завершилась лишь к 1870 г., когда было создано единое итальянское государство.

Рисорджименто представляло собой целую, «эпоху социальной революции»¹, состоявшую из отдельных звеньев — буржуазных революций, подлинное значение которых может быть понято лишь если они рассматриваются не сами по себе, а как часть общего революционного процесса. К Рисорджименто полностью применима мысль В.И.Ленина о «цикле» буржуазных революций как целой цепи революционных «волн», каждая из которых «бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций», пока не будут решены объективные исторические задачи буржуазной революции вообще². Двигаясь от поражения к поражению, через революции 1799 г., 1820—1821 и 1831 гг., происходившие в отдельных итальянских государствах, Италия пришла затем к общенациональным революциям 1848—1849 и наконец 1859—1860 гг., когда на политическую арену вышли миллионы итальянцев.

Настоящая работа посвящена сложному и своеобразному этапу Рисорджименто, периоду 1831—1847 гг., остающемуся до сих пор, пожалуй, наименее изученным как в итальянской, так и особенно в советской историографии. Время это, казалось бы, небогато событиями: вслед за бурным 1831 годом наступило пятнадцатилетие относительного затишья и торжества реакции почти во всех итальянских государствах. Вместе с тем именно в этот период шел процесс напряженной работы передовой общественной мысли, вырабатывались новые программные установки освободительного движения, происходило формирование двух

основных течений Рисорджименто — демократического и умеренно либерального.

Одна из центральных задач настоящего исследования состояла в том, чтобы показать важнейшие идейные концепции итальянского Рисорджименто в неразрывной связи с конкретно-исторической ситуацией, сложившейся как в Италии, так и во всей Европе. В этом плане в работе рассматривается зависимость идеологии освободительного движения от уровня развития в Италии капиталистических отношений, экономических и политических позиций буржуазии.

Автор стремился осветить особенности передовой итальянской идеологии в ее развитии, на основе накопленного опыта — итальянского и общеевропейского — через осмысление уроков Великой французской революции и последовавших затем революционных событий.

Основное внимание при этом уделялось, с одной стороны, истокам и особенностям идеологии и практики национального демократического течения, возглавлявшегося Дж.Мадзини, а с другой — почти не изученной советской в историографии программе умеренного течения ее воздействию на экономическую и культурную жизнь итальянских государств накануне 1848 г., выявлению как точек соприкосновения, так и принципиальных различий в программах этих течений, порождавших острую идейную борьбу между демократами и либералами. Немаловажная цель монографии состояла, наконец, в том, чтобы дать представление об исторической роли отдельных личностей, внесших наиболее значительный вклад в идеологию обоих течений, познакомив читателя как с позитивными, так и с негативными сторонами их деятельности.

*

Методологической основой монографии являются труды классиков марксизма-ленинизма. Великие современники эпохи Рисорджименто Маркс и Энгельс обратились к изучению итальянского освободительного движения накануне и во время революции 1848—1849 гг., проявив глубокий интерес и горячее сочувствие к борьбе итальянцев за единство и независимость своей родины. «Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как в Германии и в Польше» — писал Маркс в обращении к редакции итальянской демократической газеты «Alba». Бичуя вековую политику национального угнетения австрийского реакционного государства, Энгельс в начале 1848 г. говорил о необходимости устранить «...препятствия, стоящие на пути к свободе славян и итальянцев»⁴. Суждения и оценки, касающиеся как итальянского Рисорджименто в целом, так и его раннего этапа, имеются во многих произведениях Маркса и Энгельса, а также в их переписке. Весьма важной для понимания исследуемого нами периода является мысль Маркса о том, что «революция побеждает даже тогда, когда она терпит поражение»⁵. В том же ключе оценивал итальянское движение и Энгельс, отмечавший, что оно «начиная с 1820 г. выходит из каждого поражения

обновленным и все более сильным»⁶.

Особое внимание уделяли Маркс и Энгельс итальянским буржуазным демократам, выявляя как сильные, так и слабые стороны их деятельности и воззрений. Это ярко обнаружилось в оценках деятельности Дж.Мадзини. «...В течение почти тридцатилетнего периода итальянская революция связана с его именем и... в течение того же промежутка времени Европа признает его лучшим выразителем национальных чаяний своих соотечественников»⁷, — писал Маркс в 1859 г., признавая, таким образом, его решающую роль в деле борьбы за единство и независимость Италии. Вместе с тем Маркс и Энгельс подвергали суровой критике непоследовательность и ограниченность демократизма Мадзини. Упрекая Мадзини в том, что он отрывает проблему национального воссоединения от проблем социального переустройства, Маркс решительно осуждал его ошибочные позиции в отношении крестьянства. Маркс не раз отмечал, что мадзинисты забывают о «материальных потребностях итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки»⁸, что они не придают достаточного значения необходимости радикального преобразования материальных условий сельских жителей.

Чрезвычайно важное значение для понимания проблем данного исследования имеют труды В.И.Ленина. В полной мере могут быть отнесены к истории Рисорджименто ленинские характеристики эпохи краха феодализма и складывания буржуазного общества и государства. В.И.Ленин отмечал первостепенную значимость пробуждавшихся в эту эпоху национальных движений⁹. В ленинских работах, посвященных непосредственно Италии, говорилось, в частности, о тянувшихся в Италии десятилетиями «народных движениях национально-освободительного типа». Ленин подчеркивал, что в ту эпоху буржуазия была еще «прогрессивна а иногда... даже революционна»¹⁰.

Проблематика Рисорджименто нашла глубокое отражение в трудах выдающегося итальянского революционера и мыслителя А.Грамшии. Особенно существенна для темы монографии трактовка Грамши двух течений Рисорджименто с точки зрения их гегемонии в национально-освободительном движении. Считая демократов «подлинно национальным элементом»¹², Грамши усматривал коренную причину слабости и непоследовательности их политической линии в разнородности социального состава демократического лагеря. Важны и интересны суждения Грамши о таких деятелях, как Мадзини, Феррари, братья Бандьера и др.

Оценивая роль умеренных, Грамши подчеркивал их органическую связь с крупной буржуазией и обуржуазившимся дворянством, «подлинным авангардом» которых они являлись. Большой интерес представляют его характеристики представителей этого течения.

Основными источниками для настоящей монографии явились сочинения и письма ее главных действующих лиц — представителей итальянской передовой общественной мысли того времени. Центральное место здесь занимают сочинения Дж.Мадзини, а также труды других

деятелей демократического лагеря¹³. Возможности изучения демократической мысли 30—40-х годов XIX в. значительно расширились благодаря публикациям сочинений итальянских демократов, осуществленным видным итальянским историком Ф. Делла Перута¹⁴. Особый интерес представляет хранящийся в отделе редкой книги Государственной библиотеки им. В.И.Ленина почти полный (пять томов из шести изданных) комплект мадзинистского журнала «Молодая Италия», издававшегося в Марселе в 1832—1834 гг.¹⁵

Взгляды и деятельность умеренных в исследуемую нами эпоху с большой полнотой отражены в их сочинениях и переписке¹⁶.

В работе использованы также неопубликованные документы, хранящиеся в архивах Москвы и Ленинграда. В частности, богатые материалы, отражающие политическую обстановку в Италии, состояние национально-освободительного движения исследуемых лет, содержатся в Архиве внешней политики России. Это и донесения русских дипломатов из Италии, и прилагавшиеся к ним брошюры, листовки, газеты. Весьма важной для нашего исследования оказалась хранящаяся здесь коллекция материалов, относящаяся к революции 1831 г.

Ряд ценных документов обнаружен автором в рукописных отделах Государственной библиотеки им. Ленина (ГБЛ) и Института русской литературы (ИРЛИ) в Ленинграде, в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА), Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР), Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ).

В итальянской исторической литературе существует значительное число общих трудов по Рисорджименто, содержащих, в частности, богатый фактический материал по первому его периоду. Среди подобных трудов, которые начали появляться еще в середине XIX в. и выходили до конца второй мировой войны, преобладали сочинения, написанные в традициях идеалистической «этико-политической школы». В них, как правило, затушевывались проблемы социально-экономического развития, содержание Рисорджименто сводилось преимущественно к решению политических задач. Таковы работы Ч.Спелланцона, Р.Сорига, Ф.Гуальтерию, К.Тиварони и др.¹⁷ Эту традицию продолжали и в послевоенные годы некоторые историки, в частности такие крупные исследователи общественной мысли, как Л.Сальваторелли и А.Омодео¹⁸.

Вместе с тем еще задолго до войны некоторые, хотя и немногочисленные историки обращались к проблемам социально-экономической истории Италии интересующего нас периода. До сих пор не утратили своего значения работы итальянских исследователей Дж.Прато и Р.Часка и американского — К.-Р.Гринфилда¹⁹. Однако лишь в послевоенные годы социально-экономическая проблематика оказалась в центре внимания итальянской исторической науки²⁰. Это отразилось на характере ряда общих трудов по истории Италии, среди которых наиболее значительными являются многотомная «История современной Италии» историка-марксиста Дж.Канделоро и завершенный в 1975 г.

коллективный труд «История Италии»²¹.

На трактовку проблем Рисорджименто в этих работах оказало влияние и другое важное направление, которое плодотворно развивают итальянские историки в последние десятилетия. Речь идет об изучении деятельности крупнейших представителей итальянского освободительного движения и общественной мысли первой половины XIX в.²² Особенностью этих трудов (как, впрочем, и вообще всей современной итальянской исторической литературы, посвященной проблемам Рисорджименто) является включение итальянской проблематики в рамки общеевропейской истории, глубокое изучение связей и взаимозависимости освободительного движения Италии и других стран Европы, прежде всего Франции. Подобный подход отличает глубокие и содержательные труды историка-марксиста Дж.Берти²³. В работе, посвященной итальянской демократии, содержится анализ идейных концепций и политической деятельности Дж.Мадзини, К.Пизакане и других, их взаимосвязи с идейными системами передовых европейских мыслителей.

В 1974 г. вышла в свет работа Ф. Делла Перута — одного из ведущих современных исследователей Мадзини, которая на основе многочисленных дотоле неизвестных историкам архивных документов обогатила и расширила представления о влиянии идей Мадзини и «Молодой Италии» по всему Апеннинскому полуострову в первой половине 30-х годов XIX в.²⁴

Интересный, хотя подчас и спорный подход к решению проблем Рисорджименто отличает труды Р.Ромео, крупного ученого, принадлежащего к либеральному направлению. Для нашего исследования особенно важны две его последние работы²⁵. Первая из них посвящена Кавуру. Автор тщательно исследует все факторы, которые оказали влияние на формирование взглядов этого деятеля, сыгравшего столь значительную роль в истории итальянского Рисорджименто.

В центре внимания второй книги — особенности социально-экономической и политической жизни Сардинского королевства.

История Рисорджименто, особенно период 1848—1870 гг., получила весьма широкое освещение в советской исторической литературе. Наиболее значительные труды советских историков отличаются глубокой постановкой как социально-экономических, так и политических проблем этой эпохи, серьезным анализом итальянского национально-освободительного движения²⁶. Здесь особо следует выделить главы по Италии, написанные К.Э.Кировой и К.Ф.Мизиано в двухтомнике «Революции 1848—1849 гг.», доклад К.Ф.Мизиано «Некоторые проблемы истории воссоединения Италии» на X Международном конгрессе исторических наук в Риме в 1955 г., содержащий глубокий и четкий методологический анализ особенностей итальянского Рисорджименто, а также второй том «Истории Италии» (автор глав по истории Рисорджименто до 1848 г. В.С.Бондарчук, с 1848 г. — В.Е.Невлера).

Однако ранний период Рисорджименто в советской историографии до сих пор изучен слабо. Этому периоду посвящено лишь несколько

статей. К.Э.Кирова рассматривает взгляды Дж.Мадзини периода существования «Молодой Италии»²⁷. Деятельность Мадзини по созданию «Молодой Европы» и экспедиция братьев Бандьера — темы статей В.Е.Невлера²⁸.

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.13, с.7.

2 Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.19, с.247.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.5, с.4.

4 Там же, т.4, с.478.

5 Там же, т.8, с.552.

6 Там же, т.13, с.261.

7 Там же, с.381.

8 Там же, т.27, с.507.

9 См., в частности: Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн.собр.соч., т.24, с.113—150; Он же. О праве наций на самоопределение. — Полн.собр.соч., т.25, с.255—320 и др.

10 Ленин В.И. Под чужим флагом. — Полн.собр.соч., т.26, с.138, 144; Он же. Империализм и социализм в Италии. — Полн.собр.соч., т.27, с.14—23 и др.

11 Gramsci A. Il Risorgimento. Roma, 1971; Грамши А. Избранные произведения. Т.3. Тюремные тетради. М., 1959.

12 Gramsci A. Op.cit., p.46.

13 Mazzini G. Scritti editi ed inediti. Imola, Vol.1—94; Appendi, Vol.1—6. 1906—1943. Bandiera A., Bandiera E. Lettere inedite dei fratelli Bandiera. Catania, 1894; Ferrari G. La rivoluzione e i rivoluzionari in Italia (dal 1796 al 1844). Palermo; Milano, 1901; Mazzini A.L. De l'Italie dans ses rapports avec la liberie et la civilisation moderne. T.1—2. Paris, 1847; Settembrini L. Opuscoli politici editi ed inediti (1847—1851). Roma, 1969; etc.

Delia Peruta F. Note e documenti per la storia delle idee sociali in Italia 1830—1849. — In: Annali dell'Istituto G. Feltrinelli. 1962. Milano, 1963; Scrittori politici dell'Ottocento. vol.1. Giuseppe Mazzini e i democratici. Milano; Napoli, 1969.

15 La Giovine Italia, 1832—1834, fasc.1—5.

16 D'Azeglio M. Degli ultimi casi di Romagna. Italia, 1846; Idem. I miei ricordi. Roma, 1955; Idem. Scritti postumi. Firenze, 1871; Balbo C. Delle speranze d'Italia. Capolago, 1844; Idem. Meditazioni storiche. Firenze, 1854; Cavour c.B. di. Epistolario. Bologna, 1962. Idem. Scritti di economia (1835—1850). Milano, 1962; Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani. Bruxelles, 1845; Idem. Ricordi biografici e carteggio. vol.1. Torino, 1860; Petitti di Roreto I. Lettere di Petitti di Roreto a Vincenzo Gioberti (1841—1850). Roma, 1936; etc.

17 Spellanzon c. Storia del Risorgimento e dell'Unita d'Italia. vol.2—3. Milano, 1933; Soriga R. L'idea nazionale italiana dal secolo XVIII all'unificazione. Modena, 1941; Idem. Le societa segrete. l'emigrazione politica italiana e i primi moti per l'indipendenza. Modena, 1942; Gualterio F.A. Gli ultimi rivolgimenti italiani. vol.1—4. Firenze, 1852; Tivaroni C. L'Italia durante il dominio austriaco (1815—1849). t.1—3. Torino; Roma, 1892—1894.

18 Salvalorelli L. Il pensiero politico italiano dal 1700 al 1870. Torino, 1949; Idem. Spiriti e figure del Risorgimento. Firenze, 1961; Idem. Pensiero e azione del Risorgimento. Torino, 1950; Omodeo A. Difesa del Risorgimento. Torino, 1951.

19 Prato G. Fatti e dottrine alia vigilia del 1848: l'Associazione agraria subalpina e Camillo Cavour. Torino, 1921; Ciasca R. Le origini del programme per l'Opinione

- nazionale italiana del 1847–1848. Milano; Roma; Napoli, 1916; Greenfield K.R. Economics and Liberalism in the Risorgimento. A Study of Nazionalism in Lombardy 1814 to 1848. Baltimore, 1934.
- 20 Barbagallo C. Le origini della grande industria contemporanea. Firenze, 1951; Detnarco D. Il tramonto dello Stato Pontificio. Torino, 1949; Quazza G. La lotta sociale nel Risorgimento. Torino, 1951; Romeo R. Risorgimento e capitalismo. Bari, 1959; Villari R. Mezzogiorno e contadini nell'eta moderna. Bari, 1961; etc.
- 21 Candeloro G. Storia dell'Italia moderna. vol.1–7. Milano, 1956–1974. (Имеется русский перевод: Ксмделоро Дж. История современной Италии. т.1–7. М., 1961–1979); Storia d'Italia. vol.1–7. Torino, 1972–1976. (См.: vol.3. Dal primo Settecento all'Unita. Torino, 1973).
- 22 Galante Garrone A. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell' Ottocento (1828–1837). Torino, 1951; Saitia A. F.Buonarroti. Contribute alia storia della sua vita e del suo pensiero. vol.1–2. Roma, 1950–1951; Idem. Sinistra hegeliana e problema italiano negli scritti di A. L. Mazzini. Roma, 1968; Mastellone S. Mazzini e la «Giovine Italia». vol.1–2. Pisa, 1960; Idem. Victor Cousin e il Risorgimento italiano. Firenze, 1955; Francovich C Albori socialisti nel Risorgimento. Firenze, 1962; Idem. Idee sociali e organizzazione operaia nella prima meta dell'800 (1815–1847). Milano; Roma, 1959; Pitocco F. Utopia e riforma religiosa nel Risorgimento. Il sansimonismo nella cultura toscana. Bari, 1972; etc.
- 23 Berti G. I democratici e l'iniziativa meridionale nel Risorgimento. Milano, 1962. (Имеется русский перевод: Берти Дж. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965); Idem. Russia e Stati italiani nel Risorgimento. Torino, 1957. (Имеется русский перевод: Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М. 1959).
- 24 Delia Peruta F. Mazzini e i rivoluzionari italiani. Il «Partito d'azione». 1830–1845. Milano, 1974.
- 25 Romeo R. Cavour e il suo tempo. vol.1 (1810–1842); vol.2, Pt.1– 2 (1842–1854). Bari, 1969–1977; Idem. Dal Piemonte sabauda all'Italia liberale. Roma; Bari, 1974.
- 26 Сказкин С.Д. Кавур и воссоединение Италии.— Историк-марксист, 1935, № 56; Революции 1848–1849 гг. М., 1952. т.1–2; Мизиано К.Ф. Некоторые проблемы истории воссоединения Италии. — В кн.: Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации. М. 1956, с.531–591; Невлер В.Е. К истории воссоединения Италии. М., 1936; Он же. Даниэле Манин и Венецианская республика 1848–1849. М., 1978; История Италии. М., 1970. т.2.
- 27 Кирова К.Э. Концепция итальянской революции в работах Мадзини (1831–1833 гг. Первый период «Молодой Италии»). — В кн.: Из истории социально-политических идей: К 75-летию акад. В.П.Волгина. М, 1955; Она же. Дж.Мадзини и утопический социализм (1830–1840). — В кн.: История социалистических учений. Памяти акад. В.П.Волгина. М., 1964.
- 28 Невлер В.Е. Мадзини и «Молодая Европа». — Вопросы истории, 1972, № 7; Он же. Восстание братьев Бандьера и Мадзини. — Новая и новейшая история, 1972, № 3. Он же. Дж.Мадзини и создание первых организаций итальянских рабочих. — Новая и новейшая история, 1980, № 6.

ГЛАВА 1. ИТАЛИЯ в ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX века

Социально-экономическая и политическая обстановка.

Национально-освободительное движение

Италия к началу 30-х годов XIX в. оставалась отсталой аграрной страной. В деревне преобладали полуфеодальные отношения: в большинстве районов господствующей системой являлась испольщина или аналогичные формы, фактически закреплявшие личную зависимость крестьян от землевладельцев. Вместе с тем в стране, хотя и медленными темпами, и неравномерно (главным образом в Северной Италии), развивались капиталистические отношения. В Ломбардии и Пьемонте начали возникать крупные земледельческие хозяйства капиталистического типа, где применялся наемный труд. Внедрялись интенсивные методы ведения хозяйства. В промышленности этих областей также наблюдался заметный прогресс: наряду с наиболее распространенной формой — рассеянной мануфактурой начали появляться предприятия фабричного типа, в шелковой промышленности стали применяться ткацкие станки системы Жаккара. Однако даже здесь темпы развития промышленности не шли ни в какое сравнение с передовыми странами Европы.

Значительно более отсталым, чем на Севере, было хозяйственное развитие Южной Италии. Не только могущественный здесь слой феодальных землевладельцев-латифундистов, но и земельная буржуазия, как правило, продолжала вести хозяйство старыми методами, приспособляясь к полуфеодальным отношениям. Росту промышленного производства препятствовали отчаянная нищета южного крестьянства, преобладание полунатуральных хозяйств, слабое развитие коммуникаций из-за отсутствия дорог.

Специфика развития капитализма в итальянских государствах в исследуемый период порождала особенности их социальной структуры. Господствующим классом по-прежнему оставались землевладельцы. Вместе с тем проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство вызывало расслоение помещичьего класса: наряду с феодальными землевладельцами складывалась значительная прослойка дворян, связанных с капиталистическим производством и воспринявших буржуазную идеологию. Значительный вес в экономике страны приобрела с конца XVIII в. буржуазия. Но в отличие от наиболее развитых государств Европы в ее составе преобладала земельная, торговая и банковская буржуазия, тогда как слой предпринимателей-промышленников еще только зарождался. Особенно многочисленной была в Италии мелкая буржуазия. Неустойчивое положение этой категории порождало в ней активное стремление к переменам — ее представители, в первую очередь лица свободных профессий, составляли основные кадры итальянского освободительного движения.

Внедрение капиталистических отношений вело к глубоким изменениям в положении непосредственных производителей. Росла дифференциация крестьянства и его пролетаризация, разорялись

ремесленники. В результате шло образование резервной армии рабочих. Условия жизни трудящихся масс были крайне тяжелыми: чрезвычайно продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, особенно за женский и детский труд, отсутствие охраны труда, безработица, болезни, голод, нищета.

Экономическая отсталость, нищета народных масс, особенно крестьянского населения, преобладавшего в Италии, ограничивали спрос на промышленную продукцию и тем самым препятствовали созданию в стране емкого внутреннего рынка — одного из решающих условий капиталистического развития. Итальянская буржуазия и обуржуазившееся дворянство, заинтересованные в создании такого рынка, но в большинстве своем не желавшие пойти на радикальное преобразование полуфеодальной системы земельных отношений, придавали решающее значение расширению внутреннего рынка.

Это должно было означать прежде всего ликвидацию экономической обособленности, т.е. создание единого национального рынка¹.

Важнейшей предпосылкой создания итальянского национального рынка должны были стать ликвидация политической раздробленности, создание единой Италии. Некоторые шаги в этом направлении были сделаны в период наполеоновского господства в Италии, охватившего более полутора десятилетий (с конца XVIII в. до 1815 г.). Под эгидой Франции было достигнуто относительное единство страны, проведены прогрессивные преобразования, подрывавшие феодально-абсолютистские порядки и укрепившие экономические позиции буржуазии. Вместе с тем экономическая политика Наполеона в Италии разоряла страну: огромные денежные контрибуции на содержание оккупационной армии, фискальный гнет превратили Италию в аграрный и сырьевой придаток французской империи. Любые устремления итальянцев к политической самостоятельности решительно пресекались.

После крушения наполеоновской империи на Апеннинском полуострове были восстановлены старые политические системы. Решения Венского конгресса закрепляли государственную раздробленность Италии. Вновь было воссоздано восемь государств: Ломбардо-Венецианское и Сардинское королевства, Пармское, Моденское и Тосканское герцогства, небольшое княжество Лукка, Папское государство и Королевство Обеих Сицилии. Во всех этих государствах (некоторое исключение составляло лишь Тосканское герцогство, где правители продолжали придерживаться реформаторских традиций просвещенного абсолютизма) царили самые реакционные порядки.

Почти все ведущие посты в административном, военном и церковном аппарате большинства итальянских государств занимали представители феодального дворянства, в Папском же государстве эти посты отдавались исключительно священнослужителям. Ретроградная экономическая политика повсюду препятствовала свободному капиталистическому развитию хозяйства. Огромные таможенные пошлины, запрещения на ввоз и вывоз ряда товаров мешали нормальному развитию внешней

торговли, внутренняя торговля также сковывалась различными ограничениями. Мелочной регламентации подвергались промышленные предприятия даже в наиболее развитой области Италии — Ломбардии. Население повсюду страдало от тяжелого налогового бремени. Множество устаревших косвенных налогов сохранялось в Сардинском королевстве. Папское правительство пыталось покрывать все возрастающий бюджетный дефицит увеличением налогов. Огромных размеров, в частности, достигли разорительные для трудящихся налоги на соль, вино и на помол зерна. Население Ломбардо-Венецианской области платило вдвое большие налоги, чем в среднем подданные других итальянских государств². Тяжелое финансовое положение Королевства Обеих Сицилий приводило к тому, что там не хватало средств на строительство дорог, а отсутствие последних пагубно отражалось на экономике страны.

Если в Папском государстве духовенство было господствующей силой во всех областях жизни, то в Сардинском королевстве и Моденском герцогстве ему на откуп были отданы прежде всего культура и школа. Большим влиянием в обоих государствах пользовался богатый и могущественный Орден иезуитов³.

На смену французскому господству пришла унижительная зависимость от Австрии. По решению Венского конгресса Ломбардо-Венецианское королевство стало частью Австрийской империи. Добровольно отдались под покровительство Австрии владельцы Тосканского, Пармского, Моденского герцогств, связанные с ней династическими узами. Австрия получила право держать гарнизоны в нескольких крепостях Папского государства. По секретной статье договора между австрийским императором и королем Обеих Сицилии последний признавал за Австрией право вмешиваться во внутренние дела королевства⁴.

Особенно остро испытывали на себе тяжесть австрийского гнета жители Ломбардо-Венецианской области. Управление итальянскими владениями Австрии целиком сосредоточилось в руках австрийцев, на их территории постоянно находился австрийский оккупационный корпус. Всемогущая полиция проникала во все сферы жизни итальянских владений Австрийской империи.

Таким образом, Италия находилась под двойным гнетом — внутренней и внешней феодально-абсолютистской реакции. Чем сильнее с годами становился этот гнет, тем острее была реакция на него: росло итальянское национально-освободительное движение. Истоки его восходят к концу XVIII в., когда под влиянием Великой французской революции начали борьбу итальянские республиканцы. Основные кадры их составляли представители буржуазии. К этому же классу принадлежали руководители карбонарского движения, возникшего в Италии в начале XIX в. и достигшего широкого размаха в эпоху Реставрации. Важнейшим требованием карбонариев была национальная независимость. До 1815 г. этот лозунг носил антифранцузский, а после Венского конгресса — антиавстрийский характер. Программа карбонариев

(впрочем, весьма расплывчатая) включала в себя требование конституционного преобразования абсолютистских государств. Выдвигалось также требование единства Италии, хотя это последнее в тот период не становилось практическим лозунгом движения.

Средством достижения своих целей карбонарии считали революцию, но революцию политическую, которая не затрагивала бы социальных отношений. Однако в понимании задач такой революции у них не было единства. Преобладавшие в движении сторонники умеренного пути полагали, что революцию следует ограничить провозглашением конституционной монархии. Значительно более слабое и малочисленное радикальное крыло высказывалось за свержение королевской власти и провозглашение республики.

Карбонарское движение было преобладающей силой в освободительном движении Южной и Центральной Италии. В северной же части Апеннинского полуострова наряду с тайными обществами еще со времен наполеоновского владычества существовало либеральное Движение, превратившееся в эпоху Реставрации в значительную силу. Его участники — известные литераторы, философы, экономисты — полагали, что решения задач национального освобождения, буржуазных преобразований и единства Италии следовало добиваться путем соглашения с монархией или в крайнем случае путем верхушечных переворотов. Неприятие ими подлинно революционного пути вызывалось прежде всего страхом перед угрозой массовых крестьянских движений. «Зачем быть якобинцами, если можно достичь больших успехов с меньшими потерями? Из такой постановки вопроса, — замечает современный итальянский историк общественной мысли Ф.Вентури, — родился умеренный либерализм»⁵.

Умеренно либеральные деятели оказались во главе революций 1820—1821 гг. в Неаполитанском королевстве и Пьемонте. Начатые по инициативе карбонарских организаций, эти революции на первых порах развивались успешно. В Неаполе карбонариев поддержала подавляющая часть населения. Под давлением патриотических сил король вынужден был провозгласить конституцию по образцу испанской 1812 г., которую, по словам К.Маркса, отличало стремление «тщательно ограничить королевскую власть»⁶. Принятие столь прогрессивной конституции было следствием решающего влияния карбонариев в первые дни революции. Однако карбонарскому обществу, раздираемому внутренними противоречиями, не удалось удержать свои руководящие позиции. Управление королевством вскоре оказалось в руках так называемых мюратистов — лиц, занимавших государственные должности еще в эпоху наполеоновского господства в Италии, приверженцев умеренной политики и, как правило, врагов карбонарского общества, хотя его умеренное крыло и оказывало им поддержку. В еще большей мере эти тенденции проявились в пьемонтской революции, где с самого начала одержали верх умеренно либеральные силы.

Непоследовательная, нерешительная и склонная к консерватизму линия руководителей обеих революций, их разобщенность, а также все

возраставшее безразличие народных масс к судьбам переворотов (поскольку в их интересах почти ничего не было сделано) привели к крушению конституционных режимов. Решающую роль в этом сыграла австрийская интервенция. Вторжение австрийских войск на территории Неаполитанского и Сардинского королевств (в Южной Италии они оставались до 1827 г.) и жестокие расправы над итальянскими патриотами, предпринятые властями Австрии в Ломбардо-Венецианской области, вызвали рост антиавстрийских настроений по всей Италии.

Несмотря на разгул террора после поражения революций 1820—1821 гг., властям Королевства Обеих Сицилии и Папского государства не удалось окончательно подавить освободительное движение. Официально распущенное карбонарское общество вскоре начало возрождаться (хотя подчас и под новыми названиями)⁷. Вспышки недовольства и заговоры влекли за собой новые репрессии. Так, в Папском государстве неудачное покушение на жизнь ярого врага карбонариев кардинала Риварола в 1828 г. вызвало новую волну массового террора против лиц, подозревавшихся в причастности к карбонарскому движению. В Королевстве Обеих Сицилии после подавления революции пост министра юстиции занял крайний реакционер Ф.Каноза. Его жестокие расправы над участниками революции и всеми либерально настроенными людьми вызвали такой взрыв массового недовольства, что он по требованию австрийских оккупационных властей, опасавшихся новой революции, был отставлен в 1822 г. от должности и выслан из Неаполя во Флоренцию. Однако и после смещения Канозы и прихода к власти в 1825 г. короля Франциска I террор на Юге не утихал. В частности, в 1828 г. потопил в крови восстание в горах провинции Чиленто будущий министр полиции, а тогда полковник жандармерии Дель Карретто⁸.

В период разгула террора после подавления движений 1821 г. по всей Италии активизируются силы крайней реакции. Это были главным образом фанатичные католики, непримиримые противники любого прогресса. Вслед за Де Местром и пропагандировавшим его идеи в Пьемонте обществом «Амичиция каттолика» («Католическая дружба») они ратовали за сохранение привилегий абсолютистской власти, феодального дворянства и церкви. Немалое влияние на реакционные круги в Италии оказывали идеи французского публициста и философа Фелисите Робера де Ламенне, содержащиеся в его ранних сочинениях, в частности в работе «Опыт о безразличии в вопросах религии», единственным источником истины и справедливости объявлявшей папу и обвинявшей передовые европейские государства того времени в либерализме⁹.

Один из ведущих идеологов лагеря реакции в Италии — Ф.Каноза, опубликовавший в 1820 г. свою контрреволюционную брошюру «Дудочники с гор» («I pifiari di montagna»). По его инициативе в Неаполе начал издаваться в июле 1821 г. журнал «L'enciclopedia ecclesiastica» («Церковная энциклопедия»), который возглавил его сторонник сицилийский священник Дж.Вентура. В Турине с 1822 г. выходил журнал «L'amico d'Italia» («Друг Италии»), орган общества «Амичиция каттолика», в Модене — «Le memorie di religione, di morale e di letteratura» («Научные

записки по вопросам религии, морали и литературы»). В Риме в 1825–1826 гг. переехавший туда Вентура руководил изданием «Il giornale ecclesiastico» («Церковная газета»).

Однако реакционная мысль не сумела занять господствующее положение в итальянской общественной и культурной жизни. Это было связано прежде всего со слабостью идейных позиций этого течения, а также с отсутствием среди его идеологов ярких самобытных талантов. Они не сумели, по словам Дж.Канделоро, «высказать ни одной собственной мысли или написать что-либо новое, не изреченное еще столпами реакционной идеологии по ту сторону Альп»¹⁰. Не случайно их выступления вызывали недовольство не только государственных деятелей итальянских государств, но и представителей держав Священного союза, опасавшихся, что их деятельность может привести к обострению внутривосточной ситуации в Италии и к новым революционным всплескам. Следствием подобных опасений были смещение и высылка Канозы, закрытие в 1822 г. журнала Вентуры в Неаполе, а позднее – отстранение его от сотрудничества в Римском университете и в «Il giornale ecclesiastico».

Передовая итальянская политическая мысль на рубеже 20–30-х годов XIX в.

В отличие от крайне реакционной идеологии, позиции которой к началу 30-х годов оказались ослабленными, итальянская передовая общественная мысль неуклонно развивалась и завоевывала новые позиции. Отмеченные выше особенности политики тосканского правительства позволили Флоренции в 20-х годах стать общеитальянским центром распространения либеральных взглядов. Вокруг журнала «L'Antologia», издававшегося там виднейшими тосканскими либералами Дж.Вьессе и Дж.Каппони, сплотились в тот период передовые и наиболее яркие представители итальянской культуры. На протяжении более чем десятилетия (он издавался с 1821 по 1833 г.) журнал по существу задавал тон культурной и научной жизни всей Италии. В центре его внимания, по словам А.Грамши, «стояли такие важнейшие проблемы, интересовавшие передовых людей того времени, как школа и народное образование, сельскохозяйственное производство, литература и историческая наука»¹¹.

Немалое воздействие на развитие итальянской политической мысли оказывала передовая европейская идеология. Этому способствовало пребывание во Франции, Англии, Бельгии и Швейцарии многих итальянских эмигрантов, численность которых резко возросла после революций 1820–1821 гг., а также участие итальянцев в освободительной борьбе в Испании и Греции.

Большое влияние на идейные позиции эмигрантов (а именно в эмиграции могла в тот период наиболее свободно развиваться идеология итальянского освободительного движения) оказала передовая французская мысль. С одной стороны, это была эклектическая доктрина философа-идеалиста и государственного деятеля Виктора Кузена. Доктрина эта, ставшая идейной базой буржуазного либерализма,

утверждала, в частности, что все философские истины уже высказаны учеными прошлого, поэтому задача современной философии состоит в их критическом отборе из прежних философских систем. Метод этого отбора, по мнению Кузена, должен быть подчинен «здравому смыслу», т.е. меняющимся требованиям жизни. Эта сторона учения Кузена, толковавшаяся в прогрессивном духе (утверждалось, что из традиционных философских систем следует извлекать обновляющие, передовые идеи), привлекала к себе в конце 20-х годов XIX в. умы и сердца французской и итальянской свободолюбивой молодежи¹². С другой стороны, известная часть передовой итальянской интеллигенции испытала на себе влияние идей социалистов-утопистов, прежде всего Сен-Симона. А это, в свою очередь, оказывало воздействие на все более четкое размежевание между умеренным и демократическим течениями как среди эмигрантов, так и внутри Италии.

Представители передовой итальянской общественной мысли на рубеже третьего и четвертого десятилетий XIX в., как и в 20-х годах, считали важнейшими задачами патриотического движения освобождение от иноземного гнета, конституционные преобразования и объединение Италии. Вместе с тем в подходе к важнейшему для раздробленной Италии вопросу о единстве передовая общественная мысль обнаруживала большую зрелость, чем десять лет назад. Немалое значение здесь имели уроки революций 1820–1821 гг. Если раньше это требование звучало в карбонарских документах абстрактно и риторически и его не выдвигали в качестве практической цели движения, то теперь задача борьбы за объединение Италии, поставленная в неразрывную связь с борьбой за национальную независимость, осознавалась наиболее дальновидными деятелями итальянского освободительного движения как центральная. Именно в этот период рождается знаменитая формула «Единство, Независимость, Свобода» («Unione, Indipendenza, Liberta», в документах того времени часто обозначавшаяся тремя начальными буквами – UIL).

Однако содержание понятий, входивших в эту формулу, появившуюся в 1830 – начале 1831 г. на страницах выходивших во Франции итальянских эмигрантских изданий, существенно различалось в зависимости от того, к каким взглядам тяготели их авторы – к умеренным или демократическим. Уже в этот период ясно обозначились два пути решения проблемы объединения Италии – республиканский и монархический. В большинстве своем приверженцы республики были сторонниками унитаристского принципа решения проблемы объединения Италии. Их идеалом было полное слияние раздробленных частей страны в единую республику. Существовала и другая точка зрения, признававшая наиболее приемлемым федеративный путь объединения, т.е. сохранение известной автономии отдельных республик при существовании центральной власти. Обоснование преимуществ унитаризма содержалось в брошюре «Размышления о федеративном устройстве применительно к Италии», принадлежавшей перу патриарха европейского революционного движения Филиппе Буонарротти¹³, вернувшегося в августе 1830 г. в Париж из Бельгии после более чем 35-летнего отсутствия.

Вокруг Буонарроти — революционера и заговорщика, авторитет которого как среди французских республиканцев, так и среди итальянских эмигрантов во Франции был чрезвычайно высок, сплотились, правда ненадолго, в конце 1830 — начале 1831 г. сторонники демократических взглядов. Вместе с тем фактический разрыв Буонарроти с родиной вскоре после начала Великой французской революции и принятие им французского гражданства, близость к Бабефу определили своеобразие его позиции по сравнению с остальными итальянскими эмигрантами. Несмотря на духовную связь с родиной и горячую заинтересованность в ее судьбе, все же в центре его внимания были не итальянские политические проблемы, а социальные вопросы, разработка идей преобразования общества в духе эгалитаризма. С этих позиций Италия интересовала его в той же мере, как и другие европейские страны. Всеми своими помыслами связанный с передовыми идеями французской революции, Буонарроти считал, что судьбы Италии зависят от революционной Франции, что Италия должна стать одной из «дочерних» республик возрожденной Франции, где будут царить свобода и равенство. Буонарроти, далеко опередивший других представителей итальянской освободительной мысли в социальных вопросах, в известной мере обнаружил абстрактный подход к животрепещущим итальянским проблемам, которые, по словам современного исследователя А.Галанте Гарроне, ему «не удалось постичь во всей их глубине»¹⁴.

Один из самых значительных документов итальянской демократической мысли той поры принадлежит перу ближайшего сподвижника Буонарроти графу Карло Бьянко ди Сен-Жорио. Активный участник пьемонтской революции 1821 г., заочно приговоренный к смерти, Карло Бьянко в 1822 г. защищал в Испании дело свободы. После поражения испанской революции он эмигрировал на остров Мальта, а затем переехал в Париж, где познакомился с Буонарроти¹⁵. Еще на Мальте в конце 1829 г. Бьянко завершил работу над книгой «О национальной повстанческой борьбе», которая была опубликована в Марселе в 1830 г. В ней Бьянко — рьяный поборник «триады»: «Италии необходимы слияние воедино всей нации, независимость и свобода»¹⁶. Раздробленность Италии — главная причина всех ее бед. Но осуществления единства, независимости и свободы нельзя добиться ни с помощью монархов, ни с помощью какой-либо иностранной державы. «У итальянцев достаточно энергии и воли, чтобы освободиться от ига собственными силами», — заявлял автор. Исходя из опыта борьбы республиканцев в период наполеоновского господства в Италии, он утверждал: «Сегодня итальянцы уже хорошо знают, что им нечего ждать от иностранцев, кроме бесполезных добрых слов»¹⁷. Лишь пережив поражение революции 1831 г., придут к подобному же выводу другие деятели итальянского освободительного движения. Единственный путь создания единой республиканской Италии — это революция, всеобщее восстание, которое в итальянских условиях должно осуществиться в форме партизанской гверильи (по типу испанской, в которой участвовал сам Бьянко). Итальянское революционное движение, полагал Бьянко, не

может надеяться на успех в регулярной «большой» войне с австрийцами. Лишь мелкими отрядами, избегая фронтальных столкновений, рассеивая и изматывая вражеские силы, применяя тактику горящей земли, итальянцы могут победить. Главная сила в такой войне — крестьяне, «доблестные жители полей и гор»¹⁸.

Разделяя иллюзии, присущие даже самым радикально мыслящим деятелям Рисорджименто (и на более поздних его этапах), Бьянко считал, что главными побудительными мотивами для участия в борьбе всех итальянцев являются любовь к родине и стремление к свободе. Вместе с тем он вынужден был признать тот «прискорбный», по его мнению, факт, что для вовлечения низов, особенно крестьянства, этих мотивов может оказаться недостаточно и потребуются иные, материальные стимулы. Поэтому он предлагал после победы раздать участникам партизанской войны определенные денежные суммы или же земельные участки за счет домениальных земель, а также владений монархов и их союзников. Однако при этом Бьянко не стремился к углублению революции в социальном плане. У него не было и тени эгалитарных стремлений, присущих всем революционным проектам Буонарроти. Близость к идеям Буонарроти обнаруживается в сочинении Бьянко в разработке вопроса о структуре и задачах органов революционной власти. По его убеждению, в ходе борьбы и сразу после победы революции необходимы насилие, истребление враждебных элементов и, следовательно, диктатура. Власть должна быть сосредоточена в руках «человека с твердым сердцем, которого не смогут смягчить никакие призывы к милосердию»¹⁹.

Брошюра Бьянко вызвала широкий отклик во Франции и Италии. Ее появление в Тоскане привлекло внимание поверенного в делах России во Флоренции, будущего министра иностранных дел князя А.М.Горчакова, который в донесении графу К.В.Нессельроде от 18(30) октября 1830 г. изложил содержание книги. Наиболее опасной представлялась Горчакову та часть, где автор говорил «о средствах, с помощью которых можно залить все итальянские троны кровью их монархов». По мнению великого герцога Тосканского, внимательно ознакомившегося с этой брошюрой, сообщает Горчаков, наибольшую угрозу для порядка в Италии таит в себе прежде всего тактическая ловкость, с которой «партия» принаравливается к уровню понимания народных низов²⁰. Поскольку книга Бьянко была издана анонимно, то русские дипломаты (на помощь Горчакову пришел посланник в Неаполе Г.О.Штакельберг) проводили специальные изыскания, чтобы выяснить (и то предположительно) имя ее автора²¹.

Республиканско-унитаристскими принципами была проникнута опубликованная в 1830 г. в Марселе книга «Размышления об Италии» маркиза Доменико Николаи, южанина из г.Бари, участника неаполитанской революции 1820—1821 гг., сражавшегося затем, как и Бьянко, в Испании, а с 1826 г. поселившегося во Франции. Свой идеал Николаи сформулировал в неопубликованном диалоге типа катехизиса, созданном одновременно с «Размышлениями»: «Я бы хотел, чтобы

Италия могла управляться без монархов, чтобы функции избираемых всеми гражданами правителей не оставались бы в руках пожизненно. Следовало бы, чтобы эти люди затем вновь возвращались к состоянию рядовых граждан. Тогда бы они опасались злоупотреблять властью, которую им доверила родина»²².

Популярное обоснование республиканско-демократических идей содержалось в анонимно опубликованном во Франции в 1830 г. «Новом катехизисе для 1831 года», автором которого был Алессандро Бонакossi. Брошюра эта получила широкое распространение в Пьемонте и Ломбардии, о чем сообщал в Петербург русский посланник в Сардинском королевстве И.И.Воронцов-Дашков 28 октября (9 ноября) 1830 г. К донесению был приложен экземпляр катехизиса²³.

Катехизис был адресован самым широким кругам итальянского народа, прежде всего молодежи. Автор обличает абсолютистские порядки и правительства, которые «на словах называли себя отцами народов, а на деле являлись их гонителями». Правительства не заботятся о благосостоянии народа (они не обеспечивают нормальных условий для развития промышленности и сельского хозяйства, торговли), о его образовании. Всего этого можно достичь, по мнению автора, лишь учредив представительное правление, предусматривающее различные права и свободы подданным: свободу совести, свободу печати, публичные суды. Тюрьмы, по мнению автора катехизиса, следует уничтожить, так как только из-за их существования совершаются многие преступления. В основе подобного государственного устройства должна лежать «мудрая конституция». А поскольку монархи всегда являются врагами конституций, так как конституции служат уздой для их воли и ограничивают их власть, то их следует свергнуть. В катехизисе утверждается, что добиться своих требований народ может только путем всеобщего вооружения, создания национальной гвардии в каждом городе, в каждой деревне, причем методы борьбы, изложенные в катехизисе, близки к способам ведения партизанской войны, проповедовавшимся Бьянко.

Сторонником не унитаристского, а федеративного пути объединения Италии был адвокат из г.Тренто Джоакино Прати, участник карбонарского движения, затем, на недолгое время, сподвижник Буонарроти, а с 1830—1831 гг. активный пропагандист сенсимонистских идей. В 1830—1831 гг. он находился в Лондоне. В письме к видному деятелю итальянской эмиграции Дж.Ф. Де Меестеру (от 29 ноября 1830 г.) Прати писал: «Я глубоко убежден, что для объединения различных частей, на которые разделена Италия, нет другого пути, как создание федеративной республики». Программа Прати включала следующие положения: «народный суверенитет, отделение законодательной власти от исполнительной, всеобщее избирательное право, отмена феодальных привилегий, прогрессивные налоги, свобода совести, свобода печати, публичный суд, бесплатное всеобщее образование, единое национальное собрание, переизбираемое в определенные сроки». Необходимое условие достижения подлинной свободы и политического равенства,

подчеркивал Прати, — поддержка масс, за которыми — «сила и право»²⁴.

К началу 30-х годов XIX в. «трудный процесс дифференциации демократии и либерализма»²⁵ еще далеко не завершился. Многие итальянские эмигранты занимали промежуточные позиции, колеблясь в формулировке непосредственных целей движения между республикой и конституционной монархией. Для некоторых республиканская форма правления оставалась далекой конечной целью. Они полагали, что современная Италия еще не созрела для республиканского строя. Вот что писал, например, участник революции 1821 г., пьемонтский эмигрант, заочно приговоренный к смертной казни, адвокат Джован Баттиста Марокетти: «Что касается чистой демократической республики... соответствующей идеям Руссо, то это блюдо слишком неудобоваримое, по крайней мере сегодня, для наших слабых "расстроенных" желудков... Сразу перескочить от концентрированного иезуитского режима к республике — это опасное сальто...» Итак, монархия, но монархия, представлявшаяся автору в соответствии с формулой Лафайета: «Трон, окруженный республиканскими институтами...»²⁶ Подобных взглядов придерживался и известный ломбардский литератор и патриот Франческо Саверио Сальфи, находившийся в Париже. В оставшейся неизданной брошюре «Три дня Парижа», написанной в конце 1830 г., он утверждал, что возрождение Италии должно быть в первую очередь делом не высших классов, но народных низов — ремесленников, крестьян, даже лаццарони. Но по вопросу о форме правления Сальфи высказывался за монархию, поскольку «республиканские идеи, слишком чистые и совершенные, не смогут воспринять еще не созревшие для этого массы»²⁷.

Сторонники конституционной монархии не были едиными в том, на какого монарха следует ориентироваться. Чаще всего в тот период назывались имена пьемонтского принца Кариньянского и герцога Моденского. Так, в пьемонтской конституционной монархии видели главную опору в борьбе за достижение независимости и свободы Дж.Б.Марокетти²⁸ и известный миланский экономист, участник пьемонтской революции 1821 г., граф Джузеппе Пеккьо. В опубликованном им в 1830 г. «Итальянском катехизисе» он утверждал, что следовало создать единое государство Северной Италии во главе с пьемонтским монархом на основе конституции, являющейся «торжественным соглашением между королем и народом...». Заканчивался катехизис своеобразной молитвой во имя национального освобождения Италии: «О милостивый боже, отец всех итальянцев! Ты, вдохновивший Де Прадта, Биньона, Сисмонди, Джойю, Монти, Альфьери, Берше на боевую прозу и громовые стихи, призванные воспламенить в итальянских сердцах неистовую ненависть к постыднейшему игу и святую страсть к Независимости, просвети все пламенные умы Италии, чтобы они направили своих сограждан, наполнили их непримиримой яростью и подготовили их к войне не на жизнь, а на смерть. О ты, беспредельно мудрый! Сделай так, чтобы правительства Петербурга, Лондона и Парижа в соответствии с естественными законами и во искупление вины

правительства Вены признали наконец итальянскую независимость правым делом, полезным для итальянцев, и прочной гарантией мира для всей Европы. Аминь»²⁹.

В освободительном движении в самой Италии, действующем в условиях конспирации, преобладали сторонники конституционно-монархических взглядов. Таковы были идеалы пьемонтской группы «Кавалеры свободы». Тосканские заговорщики в начале 1831 г. готовились к выступлению, с тем, чтобы добиться от великого герцога провозглашения конституции³⁰. В кругах подпольщиков Моденского герцогства и Папского государства, руководимых жителями Модены Чиро Менотти и Энрико Мисли³¹, в 1825 г. возникла идея поставить моденского герцога Франциска IV д'Эсте во главе движения за единство и независимость Италии³². Этот проект мог показаться осуществимым Мисли и его единомышленникам (его поддержали группы эмигрантов в Париже и Лондоне) потому, что Франциск IV издавна лелеял мечту о расширении своих крошечных владений. Известно было о его планах (правда, неосуществившихся) захвата сардинского престола³³. Вокруг Мисли и Менотти сплотилась группа принадлежавшей к карбонарскому обществу свободолюбивой молодежи из мелкой и средней буржуазии. С конца 1830 г., поскольку Мисли находился во Франции, руководство подпольным движением оказалось в руках Менотти, начавшего подготовку к восстанию в Центральной Италии. В программной брошюре «Идеи о достижении согласия между всеми городами Италии с целью завоевания независимости, единства и свободы».

Менотти писал, что жители всей Италии стремятся к переменам в политическом строе, и прежде всего к объединению страны. Для осуществления этих чаяний необходимо провозгласить представительную монархию со столицей в Риме, причем монарха изберет затем национальная ассамблея или конгресс. Менотти подчеркивал, что залогом успеха должно быть объединение национальных сил, установление связей между «лучшими и наиболее влиятельными жителями всех итальянских городов»³⁴.

Программа Менотти предусматривала создание комитетов по подготовке восстания в каждом итальянском городе. Главным центром восстания предполагалось сделать г.Болонью. Большая роль отводилась также итальянскому комитету, который намеревались организовать в Париже. Восстание должно было начаться в Центральной Италии (в герцогствах Модена, Парма и Романье), а затем распространиться на остальные районы Папского государства, Ломбардию и Пьемонт³⁵. Менотти незамедлительно приступил к реализации своего плана восстания. Его сторонники в конце 1830 г. стали организаторами комитетов по подготовке восстания в Модене, Болонье и ряде других городов Романьи, во Флоренции, Парме и Мантуе³⁶.

Хотя в центральный комитет Болоньи и вошел ближайший сподвижник Менотти адвокат Филиппо Канути, там все же преобладали, по выражению Менотти, «старые либералы», в большинстве своем выходцы из либерально-помещичьей среды. Многие из них сотрудничали

еще с французской администрацией в эпоху наполеоновского господства в Италии. Менотти в своих письмах к Мисли постоянно жаловался на то, что эти деятели тормозят подготовку к восстанию, что от них трудно добиться финансовой поддержки³⁷. В свою очередь «старые либералы» с недоверием относились к «молодым» руководителям из Модены. Однако во имя достижения главной цели Менотти старался не обострять отношений и поддерживать согласие между всеми участниками подпольных организаций. С нетерпением ждал он приближения момента восстания. «Я не сплю и не ем, не знаю ни минуты покоя», — писал он Мисли 28 января 1831 г.³⁸

Революция 1831 г. в Центральной Италии

Конец 1830 — начало 1831 г. ознаменовались активизацией освободительного движения по всему Апеннинскому полуострову, что было связано как с обострением внутренних противоречий, так и с воздействием революционных событий в Европе. Первой и самой значительной в цепи революций 1830 г. явилась июльская буржуазная революция во Франции, в результате которой к власти пришел король Луи Филипп. Новый монарх вынужден был предпринять реформы, способствовавшие усилению власти буржуазии, прежде всего, как отмечал К.Маркс, одной ее фракции — «так называемой финансовой аристократии»³⁹. Ведущую роль в управлении страной теперь играли умеренные либералы, видевшие свою задачу в том, чтобы максимально ограничить социальные и политические последствия революции. С самого начала конституционная монархия Луи-Филиппа ясно обнаружила свою реакционно-буржуазную сущность. Ухудшение положения трудящихся в городе и деревне вело к росту народных волнений, которые жестоко подавлялись.

Вместе с тем июльская революция объективно нанесла серьезный удар легитимистским устоям системы Священного союза. У власти во Франции оказался «король баррикад». Новое французское правительство, вдохновляемое идеей утверждения господствующего положения Франции в Европе, провозгласило принцип невмешательства в противовес постоянно осуществлявшемуся Священным союзом вмешательству во внутренние дела других стран во имя защиты законных монархий. Декларация французского правительства о поддержке принципа невмешательства была проведена им в жизнь в отношении Бельгии. Франция поддержала революцию 25 августа 1830 г. в Брюсселе, приведшую к отделению Бельгии от Голландии, заявив о своей готовности даже прибегнуть к оружию, если какая-либо держава начнет военные действия против нового государства. Отделение Бельгии было признано конференцией великих держав в Лондоне в декабре 1830 — январе 1831 г.⁴⁰

В то время как европейским народам казалось, что Франция вновь после мрачных лет Реставрации выполняет свою прогрессивную миссию в мире, правящие круги государств Священного союза воспринимали события 1830 г. с великой тревогой. «Мое самое сокровенное мнение, — писал

австрийский канцлер Меттерних министру иностранных дел России К.В.Нессельроде в сентябре 1830 г., — это то, что наступает начало конца старой Европы. Решив умереть вместе с ней, я буду знать, что выполнил свой долг. С другой стороны, новая Европа только-только нарождается. Между концом и началом будет хаос»⁴¹.

Революционные события 1830–1831 гг. в Европе оказали значительное воздействие на Италию. Естественно, что наибольший отклик здесь получила июльская революция во Франции. «С того момента, как разразилась революция во Франции, — писал Буонарроти в парижской газете «La Revolution» 14 октября 1830 г., — у окружающих ее угнетенных народов... стали возрождаться надежды на свободу... Нет никакого сомнения, что священный огонь тлеет под пеплом, и сегодня этот огонь чувствуется сильнее, чем когда-либо, на всей территории Италии. Июльские дни вызвали у всех мыслящих людей Италии большое и радостное волнение; теперь думают только о революции, которая опрокинет иностранные и национальные тиранические правительства, опустошающие страну»⁴².

С призывом следовать примеру французов обратиться к населению Пьемонта итальянские политические Мигранты. Изданная ими во Франции листовка, тайно переправленная в Пьемонт, была обнаружена полицией. Экземпляр ее получил русский посланник в Турине граф Воронцов-Дашков, сообщивший 27 августа (8 сентября) ее текст в Петербург. «Храбрые пьемонтцы! Наступило время возродить Италию... сбросить иго тирана (сардинского короля. — М.К.) Карла-Феликса... Следуйте примеру Франции...», — говорилось в прокламации. Ее авторы подчеркивали, что главная задача — добиться от будущего короля (имелся в виду принц Кариньянский) гарантированных «гражданских свобод и национальной независимости...». Листовка заканчивалась словами: «Да здравствует Франция! Да здравствует Италия! Да здравствует свобода!»⁴³.

Сардинское правительство, напуганное соседством революционной Франции, всеми средствами стремилось ослабить ее «вредоносное» воздействие на жителей королевства. Был запрещен ввоз французских газет, увеличен личный состав королевского войска, усилено вооружение туринаской цитадели⁴⁴. Власти закрыли Туринский университет, являвшийся средоточием вольномыслия. «Чтобы не было излишнего скопления студентов в столице», был введен новый порядок, по которому отдельные факультеты были переведены в другие города. Так, в Новаре открыли факультет права, в Верчелли — медицинский факультет и т.д. По новым правилам приема в университет от поступающих требовалось свидетельство приходского священника о хорошем поведении и тщательном выполнении религиозных обязанностей⁴⁴.

В те же дни Воронцов-Дашков в своей депеше Нессельроде рассказывал, что под влиянием французских событий наблюдается возбуждение в Милане. Он одобрял такую меру предосторожности, как увеличение контингента австрийских войск в Ломбардо-Венецианской области до 50 тыс. человек⁴⁵.

Любопытное свидетельство о воздействии польской революции на итальянское движение содержится в письме Менотти к Мисли (от 15 октября 1830 г.): «Сюда пришла весть о революции в Варшаве... Эта новость воодушевит итальянцев. С польской революцией началась великолепная пора. Что будет говорить и делать Россия? Что предпримет Австрия, чтобы сохранить спокойствие в Галиции? Радостные времена»⁴⁶. О солидарности с восставшими французами и поляками говорилось в листовке, переправленной «Итальянской освободительной джунтой» из Франции в Тоскану в январе 1831 г. В прокламации шла речь о «благородной цели — свержении ига феодализма и теократии, о трехцветном знамени, которое напоминает итальянцам о братских узах, связывающих жителей различных итальянских провинций...». Заканчивалась листовка призывом к итальянцам готовить оружие, так как «великое выступление приближается»⁴⁸.

Особенно остро чувствовалось революционное возбуждение в Центральной Италии. Донесения агентов австрийской полиции сообщали о влиянии событий во Франции на настроения умов в «центре либерального движения» — Болонье, о росте оппозиционных настроений в Ферраре в связи с революцией в Брюсселе⁴⁹. Во многих городах, как уже отмечалось, были созданы комитеты по подготовке восстания. Горчаков в сентябре 1830 г. сообщал Нессельроде, что «Романья является самым опасным очагом революционной инфекции в Италии; ее население почти целиком заражено пагубными принципами»⁵⁰.

О мятежных настроениях в Парме говорили события, происшедшие там в ноябре 1830 г. 15 ноября, в день открытия занятий в университете, торжественную речь по этому поводу произнес профессор физики Мачедонио Меллони, только что вернувшийся из Парижа, где он был свидетелем июльской революции. Он заявил, что «немного времени остается существовать этому царству насилия, что близится момент, когда оно должно будет пасть и восторжествует истинный патриотизм».

Речь профессора была с восторгом встречена студенческой аудиторией. Правительство же немедленно отстранило Меллони от преподавания в университете. В знак протеста студенты отказывались посещать лекции по физике других профессоров, срывали занятия. 8 января 1831 г. правительство закрыло физический факультет университета, а восемь «главных зачинщиков заговора» были заключены в крепость Кюмпьяно. Начавшаяся в Парме в феврале 1831 г. революция вернула этим студентам свободу.

*

По плану, разработанному Чиро Менотти, революция в Центральной Италии должна была начаться 5 февраля восстанием в Модене. Однако моденский герцог Франциск IV, которому стала известна эта дата, решил предупредить события. На рассвете 3 февраля был арестован один из руководителей заговора — Никола Фабрици, одновременно был отдан приказ о высылке из герцогства генерала Карло Цукки и офицера Акилле Монтанелли, также причастных к подготовке восстания. Стремясь разрушить замысел герцога, Менотти немедленно разослал своим

сторонникам новое распоряжение: начать восстание в полночь 3 февраля. Его доверенные лица разъехались по городам герцогства с призывом к населению разоружать солдат герцогской армии и посылать вооруженных солдат в Модену, где будут открыты городские ворота, звенеть колокола, а на городских стенах — зажжены факелы. Восставшие горожане должны были затем захватить стражу герцогского дворца.

В середине дня 3 февраля руководители заговорщиков собрались в доме Чиро Менотти, где находилось оружие и снаряжение. Однако в 8 часов вечера дом был окружен солдатами герцога. При попытке к бегству был ранен и арестован хозяин дома. Обстрелянные из пушки, были вынуждены сдаться и 43 сподвижника Менотти. Так — весьма своеобразно, с ареста руководителей — началась революция в Центральной Италии.

Вооруженные горожане Модены, лишённые руководства и пораженные «предательством» герцога⁵¹, находились в нерешительности. 4 февраля герцог опубликовал манифест о подавлении заговора. Однако в тот же день, 4 февраля, несколько жителей Модены добрались до Болоньи и сообщили Ф.Канути о событиях в Модене. По призыву комитета восстания вечером 4 февраля жители Болоньи с оружием в руках собрались у дворца губернатора Романы монсиньора Кларелли с возгласами «Да здравствует свобода!».

Восстание в Папском государстве произошло в крайне неблагоприятной для властей обстановке. О всеобщей ненависти к правительству этого «государства без будущего» не раз писали русские дипломаты в Италии в конце 1830 — начале 1831 г. Причины обострения недовольства А.М.Горчаков усматривал в низком урожае 1830 г. и неудовлетворительной организации власти. Вновь и вновь возвращался он к перечню «старинных и многочисленных злоупотреблений» в областях, где «нет ни безопасности для общества, ни порядка, ни правильно понятой свободы»⁵². «Здесь нет заговора, — писал в январе 1831 г. Горчакову посланник в Риме . Г.И.Гагарин, — но дело обстоит много хуже, поскольку царит всеобщее недовольство, отвращение и презрение к правительству. Освищут его теперь или оно погибнет иным путем, кто будет тому виною? Уверяю Вас, что "церковно-старческая" система власти не может долее существовать»⁵³.

Ситуация осложнилась еще и тем обстоятельством, что в конце 1830 г. умер папа Пий VIII, а новый папа Григорий XVI вступил на престол лишь 3 февраля. Не удивительно, что в этих условиях представитель папской администрации управляющий провинцией монсиньор Кларелли добровольно согласился на создание в Болонье временного правительства из представителей либеральных сил.

В свою очередь, бескровная победа революции в Болонье оказала решающее влияние на ход событий в Моденском герцогстве, где продолжались волнения. Франциск IV, обратившийся за помощью к австрийскому губернатору Вероны генералу Фримону, получил отказ, поскольку последний не мог действовать без указания центральных властей. Все это вынудило моденского монарха 5 февраля бежать с

семьей в Мантую (Ломбардия), под защиту австрийских властей, в руки которых он передал Чиро Менотти. Назначенное герцогом регентское правительство вынуждено было под напором массовых волнений освободить политических заключенных (свыше 90 человек), объявить об организации национальной гвардии и принятии итальянского трехцветного флага. После того как в Модену вступили повстанцы из окрестных районов во главе с Челесте Менотти, братом Чиро, регентское правительство сложило с себя полномочия и передало 9 февраля власть временному правительству, возглавленному адвокатом Бьянжо Нарди и тремя консулами. Тогда же была опубликована составленная адвокатом Винченцо Борелли декларация о свержении герцогской власти⁵⁴.

Тем временем восстание охватило все Моденское герцогство. В городе Реджо-Эмилия 7 февраля было создано самостоятельное временное правительство, объединившееся 18 февраля с моденским. С 10 февраля начались волнения в Парме. После того как 14 февраля герцогиня Мария-Луиза покинула город, власть там также перешла к временному правительству.

В Папском государстве после того, как монсиньор Кларелли бежал из Болоньи в Рим, временная комиссия провозгласила себя временным правительством города Болоньи и провинции. Возглавлял его адвокат Джованни Вичини., Власть в Болонье оказалась в руках «старых либералов», к которым еще накануне революции Менотти, как уже отмечалось, относился с большим недоверием. Сторонники Менотти, в частности Ф.Канути, практический ум и решительный характер которого должны были обеспечить ему, по мысли Менотти, руководство в болонском правительстве⁵⁵, даже не вошли в его состав.

Среди первых законодательных актов правительства важнейшим был опубликованный 8 февраля торжественный указ о лишении папы светской власти — «на деле и навсегда»⁵⁶ — на всех восставших территориях. В эти дни пламя восстания охватило всю территорию Романы. В городах Форли, Имола, Чезена, Фаэнца, Римини, Равенна напуганные представители папской администрации без сопротивления передавали власть в руки местных повстанческих комитетов. В Ферраре, несмотря на присутствие австрийского гарнизона, повторилось то же самое. В движение оказалась вовлеченной и область Марке. Столица ее, крепость Анкона, капитулировала перед натиском сил повстанцев во главе с бывшим наполеоновским офицером (выходцем из солдат) полковником Джузеппе Серконьяни. Анконский повстанческий комитет поручил ему организовать в городе гражданскую гвардию. Обращаясь прежде всего к молодежи, Серконьяни призывал ее быть достойной героев июльской революции во Франции: «Мы первыми в Италии сбросили самое гнусное иго. Мы первые служим для всех итальянцев образцом доблести и единства. Да здравствует наша Италия и наша независимость!»⁵⁷ Выполнив поручение комитета Анконы, Серконьяни во главе своей армии продолжал продвижение по восставшим областям Папского государства и вскоре вступил в Умбрию.

Папская армия на всех восставших территориях разваливалась.

Солдаты либо переходили на сторону восставших, либо отдавали им оружие и сохраняли невмешательство. Практически верность папе сохранял только римский гарнизон. Да и в Риме среди властей в первой половине февраля царило такое замешательство, что, казалось, небольшого усилия достаточно, чтобы свергнуть власть папы. «Столица трепещет и ждет с минуты на минуту, что ее захватит армия мятежников»⁵⁸, — сообщал в Петербург 14(26) февраля сотрудник русского посольства в Риме Фурман (посланник Гагарин в эти дни бежал в Неаполь).

Для понимания причин первоначальных успехов движения и особенностей его дальнейшего развития недостаточна констатация крайней слабости и беспомощности верхов как в Папском государстве, так и в герцогствах. Нужно разобраться в том, какие социальные силы участвовали в движении, выяснить по мере возможности вопрос о роли народных «низов» в революции 1831 г. Главной движущей и руководящей силой восстания в Центральной Италии была буржуазия, прежде НИ средняя и мелкая. Немалую роль в нем (со временем, как мы увидим ниже, все более негативную) сыграли представители либерального дворянства, интересы которого во многом совпадали с интересами буржуазии. О практической поддержке восстаний этими силами можно судить, в частности, по регулярно публиковавшимся правительством Болоньи спискам лиц, вносивших пожертвования на вооружение национальной гвардии, учрежденной одним из первых его декретов. В каждом из списков соотношение помещиков и представителей буржуазии в среднем 1:7. Так, в одном из них назывались имена восьми дворян (signori) и 55 представителей торгового сословия (ceto di negozianti)⁵⁹.

Движение носило более ярко выраженный буржуазный характер, чем события 1820—1821 гг. Свидетельство тому — целый ряд важных мер в интересах буржуазии, декретированных временными правительствами. Это прежде всего снижение таможенных тарифов на восставших территориях Папского государства (и там же — упразднение фискального суда по просьбе торговцев Болоньи)⁶⁰ и в Пармском герцогстве. Программа моденского правительства, опубликованная 12 февраля, обещала в будущем процветание торговли, поддержку промышленности и искусствам, улучшение системы сельского хозяйства. «Положение собственников земли будет улучшено благодаря сокращению поземельных налогов...»⁶¹

Временное правительство Болоньи, придавая большое значение улучшению системы образования, издало ряд указов о реорганизации структуры и управления университета. Провозглашалось его непосредственное подчинение правительству, создавалась новая кафедра «для изучения идеологической науки», во главе которой был поставлен известный ученый Паоло Коста, а также кафедра общественного права⁶².

Крайняя умеренность, присущая болонскому правительству, стремление во что бы то ни стало избежать беспорядков сказались и в его декретах, утверждавших новые, буржуазные устои. Обещая в

будущем издать закон о свободе печати, оно пока приняло декрет об ответственности автора за содержание публикуемого труда. В этом акте запрещались выступления в печати против религии, общественной морали, а также по вопросам, которые могли бы «скомпрометировать наши отношения дружбы и мира с соседними и отдаленными правительствами»⁶³.

Умеренная, близкая к консерватизму позиция болонского правительства проявлялась в его политике в отношении народных масс. А между тем народные массы (прежде всего городские «низы») были значительной силой в событиях 1831 г. Об этом говорят дошедшие до нас списки участников революции (по профессиям), где мы встречаем типографов и грузчиков, портных и парикмахеров, чулочников и шляпных дел мастеров, маляров и каменщиков, старьевщиков и поваров, столяров и плотников, мельников и ювелиров, зеленщиков, обойщиков и т.д. и т.п.⁶⁴ Среди 43 арестованных в доме Менотти 25 человек были представителями трудящихся, в основном ремесленниками⁶⁵.

Что касается крестьянства, то его консерватизм и приверженность религии далеко не всегда были столь прочны, чтобы привести его в лагерь контрреволюции. Этому способствовало и то обстоятельство, что многие представители папской администрации и служители церкви к тому времени сумели скомпрометировать себя даже в глазах забитых и невежественных крестьян. Ослабление традиционных связей между крестьянством и папским правительством было подмечено таким внимательным наблюдателем, как А.М.Горчаков, который в начале марта 1831 г. писал в Петербург, что привязанность сельских жителей к правительству «недостаточно крепка, чтобы без внешнего толчка она спонтанно приводила их в действие. Повсюду они остаются пассивными подчиняются сильнейшему или тому, кого они считают таковым в данный момент»⁶⁶.

Эпизоды, когда крестьяне активно выступали против новой власти под влиянием контрреволюционной агитации духовенства, имели место в провинциях Папского государства Форди и Монтефельтре, но были весьма немногочисленными. Вместе с тем известны факты иного характера. Так, в первые дни после начала революции в селах Пармского герцогства по приказу герцогини ее представители ходили из дома в дом и раздавали по 5 франков, чтобы жители деревень не участвовали в движении. Однако, по свидетельству очевидца Ф.Пастори, многие все же отправлялись в город и просили оружия, «но получали отказы от негодяев и дураков из временного правительства!»⁶⁷. В основной же своей массе крестьянство, как правило, сохраняло в ходе революции нейтралитет.

Руководители движений 1831 г. в Центральной Италии, подобно деятелям революций прошлых лет начиная с конца XVIII в., не сумели превратить народные «низы» в прочную опору революции, ибо в их интересах было сделано крайне мало. В Папском государстве одним из первых декретов (от 5 февраля) были понижены цены на соль, поскольку существовавшие цены, по словам Г.И.Гагарина, «ложились слишком

тягостным бременем на класс бедняков». Однако понижение это на деле оказалось весьма скромным: фунт соли теперь стоил лишь на один байокко (т.е. на самую мелкую монету, порядка русского гроша) дешевле⁶⁸. 19 февраля был отменен налог на очаг⁶⁹. Должникам следовало вернуть мелкие залоги стоимостью до 1 скудо, чтобы «самые бедные почувствовали преимущества нового режима»⁷⁰.

Ухудшение экономического положения восставших провинций Папского государства и вытекавшее отсюда ухудшение материального положения «низов», которые практически почти ничего не выиграли в результате революции, повлекли за собой ряд социальных конфликтов. 20–21 февраля в Ферраре произошли волнения из-за высоких цен на зерно. «Многие дома в Ферраре и окрестностях разграблены чернью», — отмечала 10 марта 1831 г. русская газета «Северная пчела», подробно освещавшая события тех дней в Италии. В Болонье городские низы выражали недовольство по поводу растущей безработицы. На стенах города появились надписи: «Мы все хотим работать, мы все имеем право жить!». Быть может, эти осложнения в немалой мере способствовали тому, что в отношении к народным массам руководящие силы восставших провинций проявляли все большую настороженность. Необразованные массы не способны осуществлять законодательную власть, в связи с чем избирательные права следует предоставить дворянам, духовенству и представителям средних слоев, но только не беднякам, утверждалось в ряде газет Болоньи, требовавших создания представительного органа, который состоял бы из «землевладельцев» и «ученых»⁷¹.

Однако в прессе Болоньи можно было встретить и совершенно иное отношение к «низам», по-видимому, свидетельствовавшее о наличии внутренних противоречий среди руководства движением. Так, газета «La sentinella della liberta» («Часовой свободы») отчетливо обнаружила свое сочувствие им, поместив под названием «Класс трудящихся» статью о нищете сельских жителей. Автор призывал землевладельцев «улучшить положение безработных батраков». Не случайно эта газета быстро прекратила свое существование: вышло в свет всего два номера⁷².

Моденское временное правительство, в составе которого преобладали представители средней буржуазии, обнаруживало в целом ряде аспектов политики большую широту и радикальность, чем болонское. Это проявилось, в частности, и в социальной политике, хотя в целом и в Модене она носила также достаточно ограниченный характер. 11 февраля был опубликован указ, отменявший подушные подати и налоги на домашних животных. «Для поддержки бедняков» учреждалась бесплатная раздача одежды. Декретом от 17 февраля беднота освобождалась от всех налогов и судебных издержек⁷³.

Расхождения между «молодыми» в Модене и «стадами» в Болонье особенно отчетливо обнаружились в подходе к самому острому в те дни вопросу о единстве итальянского освободительного движения. Моденское правительство, следуя программе Менотти, заявляло о необходимости согласованных действий во имя создания единой Италии, тогда как правители Болоньи, прикрываясь принципом невмешательства,

с первых дней революции постоянно декларировали свой отказ от солидарности с другими восставшими государствами. Они отклонили предложение Канути послать в Модену силы на помощь восставшим⁷⁴. «Единственный известный акт нового правительства Болоньи, — писал по этому поводу Горчаков 7 февраля 1831 г., — это утверждение принципа невмешательства. Они отказались отправить два полевых орудия, о которых просили повстанцы Модены»⁷⁵.

Листовка главы моденского правительства от 12 февраля являлась, по-видимому, откликом на декларации Болоньи о невмешательстве. «Не следует бояться, что мы нарушим принцип невмешательства, как это делают подчас робкие люди. Существует только одна Италия и итальянская нация, следовательно, всем жителям Италии принадлежит эта классическая земля, и прекрасный итальянский язык объединяет в сех итальянцев в одну большую семью, состоящую примерно из 16 миллионов жителей»⁷⁶.

Таким образом, унитаристскому подходу моденцев, силы которых были крайне слабы, противостоял «муниципалистский», узкоместный, ограниченный рамками Папского государства подход к задачам движения болонского правительства. Кроме того, оно верило в то, что соблюдение принципа невмешательства, с одной стороны, обеспечит помощь Франции, а с другой — обезопасит от австрийской интервенции. Ниже мы увидим, сколь недальновидны были эти расчеты.

В торжественном акте болонского правительства от 8 февраля о лишении папы светской власти содержалось также постановление о созыве всеобщих избирательных собраний народа для выборов депутатов, которые войдут в новое правительство. На деле, однако, в связи с необходимостью срочных согласованных действий со стороны руководителей всех восставших областей Папского государства по существу без выборов 26 февраля в Болонье собралась ассамблея представителей буржуазных и дворянских кругов, назначенных временными правительствами. Ассамблея приняла решение о слиянии восставших областей в единое государство — Объединенные итальянские провинции. На одном из последующих заседаний было решено в ближайшее время провести выборы в Учредительное собрание, которому предстояло определить форму правления объединенных провинций и выработать окончательный проект конституции. Пока же был принят и опубликован 4 марта временный статут⁷⁷. Ассамблея избрала правительство Объединенных провинций во главе с Дж.Вичини. Министром внутренних дел в нем стал видный литератор и философ Теренцио Мамиани, военным министром — бывший наполеоновский офицер, генерал Пьер Дамиано Арманди, министром народного образования — профессор Франческо Ориоли⁷⁸. Состав этого правительства predeterminedил ту же умеренную нерешительную политическую линию, которая была свойственна ранее временному правительству.

Особенно ярко это сказалось в деле организации военных действий. Ко времени созыва ассамблеи армия генерала Серконьяни, продвигаясь

по территории Умбрии, достигла границы области Лацио, откуда открывался путь на Рим. Чтобы начать наступление на столицу, Серконьяни необходимо было подкрепление, которого он безуспешно добивался от правительства. Опасаясь, что захват Рима мог бы вызвать иностранную интервенцию, военный министр Арманди приказал Серконьяни воздержаться от непосредственного похода на Рим под тем предлогом, что силы неравны и необходимо дожидаться дальнейшего ослабления папского правительства⁷⁹.

А между тем в конце февраля фактически началась австрийская интервенция в Центральную Италию. В битве у Фьоренцуолы потерпели поражение от австрийцев силы восставшей Пармы. Вторая победа австрийцев совместно с войском моденского герцога Франциска IV была одержана 5 марта у г. Нови над моденским отрядом из 300 бойцов против 5-тысячного корпуса противника. Во главе моденского отряда стоял Карло Цукки. Получив весть о начале революции в Центральной Италии, преданный делу итальянской свободы 54-летний генерал (генеральский чин он получил еще от Наполеона), служивший в австрийской армии, в женском платье бежал из Милана⁸⁰. Возглавив по просьбе временного правительства Модены вооруженные силы Моденского, а затем и Пармского герцогства, Цукки пытался подготовить их к обороне, но ввиду скудости средств и людских ресурсов не смог надолго задержать австрийцев. 9 марта Франциск IV вернулся в Модену, а временное правительство бежало в Болонью. Цукки во главе своей армии также двинулся к Болонье в надежде присоединиться к более внушительным силам Объединенных провинций и оказать сопротивление австрийским интервентам. Но болонское правительство разрешило ему вступить на территорию Объединенных провинций лишь при условии, что он разоружит свою армию. Сообщая об этом 6 марта, правительство обратилось к жителям Объединенных провинций со следующими призывами: «Сограждане! Дела моденцев не касаются нас. Священный принцип невмешательства диктует свои законы не только нам, но и нашим соседям... Никто из жителей не должен откликаться на призывы соседей, никто не перейдет с оружием в руках наших границ...»⁸¹. 12 марта австрийские войска вступили в Парму.

Правительство Объединенных провинций не решалось начать активные действия до тех пор, пока 14 марта австрийцы не вторглись в пределы Папского государства. Но и тогда генерал Арманди продолжал свою линию проволочек и задержек. Чтобы успокоить возрастающее недовольство населения, главнокомандующим вооруженными силами 15 марта был назначен генерал Цукки. Моденскому отряду вернули оружие. Представители средней буржуазии, главным образом молодежь, по собственной инициативе создали «Батальон Паллады». Но им не хватало вооружения. Сил для сопротивления австрийцам оказалось совершенно недостаточно. 20 марта австрийцы подошли к Болонье, а 21 марта вступили в город. Правительство решило перебраться в Анкону. Туда же направил свою армию Цукки. Продвижение к Анконе было чрезвычайно сложным для плохо экипированного и вооруженного итальянского

войска, которое преследовала отлично снаряженная австрийская армия.

25 марта на подступах к г. Римини австрийские силы атаковали части Цукки. Итальянцы доблестно сражались с превосходящими силами врага в течение нескольких часов. Выведя войско из-под ударов австрийцев, Цукки в полном порядке продолжал продвижение, намереваясь соединиться с находившимся у г. Нарни отрядом генерала Серконьяни. Однако 26 марта правительство, находившееся в Анконе, подписало Акт о капитуляции. Армии Цукки и Серконьяни вынуждены были сложить оружие. Революция в Центральной Италии потерпела поражение.

До последнего момента руководители итальянского движения сохраняли надежду на то, что Франция окажет им помощь. 20 марта, когда австрийские войска уже вступили на территорию провинции Болонья, правительство, находившееся в Анконе, обратилось к жителям Объединенных провинций со следующими словами: «Франция поможет нам. Ее многочисленное и непобедимое войско движется сюда. Дело свободы победит!»⁸²

Основанием для подобных надежд, как уже отмечалось, были неоднократные официальные декларации французского правительства в декабре 1830 и январе 1831 г. о поддержке принципа невмешательства во внутренние дела других государств и его позиция в отношении бельгийской революции. «Скорее война, чем отказ от наших принципов», — заявлял глава кабинета министров Жак Лаффит⁸³. Не только участники революции в Италии, но и итальянские политические эмигранты, и многие представители либеральной Европы были уверены, что Франция защитит итальянскую революцию от австрийской интервенции.

«О Франция! Именно к тебе всегда обращается с доверием Италия, а теперь, с момента твоей великой июльской победы, это доверие возросло, как никогда раньше, — писал в конце 1830 г. Дж. Б. Марокетти. — На твою помощь она уповает в своих мечтах об освобождении. Помогии ей добиться наконец независимости... Это для тебя — дело чести... "Плохое сердце у того, кто покидает в цепях друга... Он не заслуживает свободы"» — такими строками из стихов Винченцо Монти, где автор призывал Наполеона помочь итальянцам, заканчивалось это обращение⁸⁴. Близкий по своей идеологии к итальянским демократам швейцарский экономист и историк Жан Шарль Леонар Симон де Сисмонди, с нетерпением ожидавший начала итальянской революции, не сомневался в том, «что французские войска перейдут Альпы, чтобы поддержать итальянцев»⁸⁵.

На первых порах французские власти достаточно благосклонно отнеслись к деятельности в Лионе итальянского эмиграционного комитета. Сразу по получении вестей о восстаниях в Италии этот комитет начал готовить экспедицию для вторжения в Пьемонт через Савойю. Руководство подготовкой экспедиции было в руках эмигрантов умеренно либеральных взглядов, уповавших на поддержку принца Кариньянского⁸⁶. К ним примкнули многие республиканцы, стремившиеся активно участвовать в начавшейся в Италии революции. (Среди них были только что приехавший во Францию молодой адвокат Джузеппе Мадзини, Карло

Бьянко и др.) В экспедиции должны были участвовать также деятели французского демократического движения и многие жители Лиона, прежде всего рабочие⁸⁷. В городе создавались вооруженные группы «Волонтеры Роны»⁸⁸.

Однако в момент, когда сформированный в Лионе отряд уже отправлялся в Савойю (24 февраля), его задержала полиция. Большую группу итальянцев выслали в Марсель, где несколько человек было арестовано. Теперь уже не могло быть и речи о какой-либо военной помощи итальянской революции. Французское правительство, напротив, дало понять Австрии, что оно не будет препятствовать австрийской интервенции в Италию. Этот крутой поворот внешнеполитического курса Франции отражал прежде всего настроения господствовавшей в стране верхушки крупной буржуазии, стремившейся укрепить свою власть в мирной обстановке. Известную роль сыграло и непосредственное воздействие на Луи-Филиппа Меттерниха, убедившего французского короля, что в случае оказания им помощи итальянской революции стране угрожает активизация бонапартистов.

26 февраля министр иностранных дел Франции Себастьяни уже прямо сообщил французскому послу в Вене Мэзону, что Франция не будет противодействовать австрийской интервенции. Глава правительства Лафитт, не предупрежденный заранее об этом решении, в знак протеста подал 9 марта в отставку⁸⁹. Его место занял Казимир Перье, заявивший в парламенте: «Мы не признаем ни за каким народом права принуждать нас к борьбе за его дело; кровь французов принадлежит только Франции»⁹⁰.

Формальные ноты протеста, переданные Францией спустя некоторое время в Вену и в Рим в связи с австрийской интервенцией в Папское государство, не могли ничего изменить, да и не были рассчитаны на какой-либо эффект, поскольку они были вручены в то время, когда все восставшие провинции уже были оккупированы. Их целью было лишь несколько ослабить бурный протест оппозиции во французской палате депутатов, вызванный открытым переходом правительства к политике соглашательства. Среди множества крайне резких выступлений, суть которых сводилась к тому, что вследствие предательства дела итальянской независимости Франция поставила под сомнение собственную честь, с особой силой прозвучали слова генерала Ламарка о горькой судьбе итальянцев, оказавшихся в страшных австрийских тюрьмах, «вдали от родины, которую мы помогли им потерять. Итальянские патриоты проклинают нас, и проклятья эти раздаются с небес!»⁹¹.

В оппозиционных газетах публиковались письма из Центральной Италии, клеймившие предательство французских правителей. В 1831 г. — во время и сразу после революционных событий — Стендалю довелось проехать значительную часть Апеннинского полуострова — из Триеста, где он был французским консулом до конца 1830 г., в Чивита-Веккью, куда он получил новое назначение. В своих официальных донесениях он многократно сообщал, что повсюду в Италии единодушно осуждают Францию за ее предательскую политику⁹². С наглядным свидетельством

подобного отношения итальянцев к правителю Франции столкнулся русский литератор и видный деятель культуры А.И.Тургенев, когда он в 1833 г., находясь в Риме, обнаружил в саду виллы Медичи (где была расположена Французская академия художеств) «на белом мраморе следующую надпись карандашом: "Луи-Филиппу, королю Франции — смерть и позор! Честная и свободная Италия призывает на голову тирана гнев божий!"»⁹³.

Неизменно доброжелательная и активно сочувствовавшая освободительной борьбе итальянцев оппозиционная печать Франции освещала ход событий до самого последнего дня. Дань глубокого восхищения была отдана генералу Цукки и его отряду, оказавшим 25 марта упорное сопротивление превосходящим силам врага в последней битве революции 1831 г. Бойцы «умирали, как герои...» — читаем в газете «Le National» от 4 мая 1831 г.

Условий капитуляции, подписанной со стороны папского правительства кардиналом Бенвенути, предусматривали амнистию всем участникам движения. Однако австрийцы захватили корабль, на котором находились 70 патриотов, и в качестве пленных отправили их в Венецию, где те содержались в тюрьме до 1832 г. Генерал Цукки, формально являвшийся австрийским офицером, был приговорен к смертной казни, замененной затем 20-летним тюремным заключением. Он оставался в австрийской тюрьме до начала революции 1848 г., причем первые два года его держали закованным в цепи⁹⁴. Вопрос об амнистии участникам движения в Папском государстве стал предметом переговоров между папским правительством и великими державами наряду с вопросом о реформах, необходимых для того, чтобы предотвратить новые революционные взрывы⁹⁵.

В Моденском герцогстве после поражения революции воцарилась жесточайшая реакция. Перепуганный герцог распорядился закрыть в стране все школы. В ответ на возражения по поводу этой меры он отвечал: «Какая учеба! Какая учеба! Я хотел бы, чтобы у нас были люди менее образованные, но более преданные мне»⁹⁶. Расправы с участниками движения приобрели здесь особенно свирепый характер. 26 мая в Модене были казнены Чиро Менотти и адвокат Винченцо Борелли, составивший акт о лишении герцога власти. Многие моденские патриоты оказались в тюремном заключении. Однако и после этого герцог Франциск IV не был уверен в лояльности своих подданных. Своими опасениями он делился с русским императором Николаем I в письме от 31 июля 1831 г. «К несчастью, в Моденском герцогстве, — писал он, — имеется значительное число лиц, чьи принципы настолько испорчены, что нельзя надеяться на их исправление. Однако всех их нельзя приговорить к смерти или к тюремному заключению ввиду их многочисленности». Считая необходимым удаление этих лиц «без надежды на возвращение», Франциск обратился к Николаю I с просьбой, чтобы император разрешил хотя бы сотню из этих людей переселить в Южную Сибирь. «Там, удаленные от своего окружения, не знающие языка, они были бы парализованы, — развивал он свою идею, — ..., быть

может, оказались бы даже полезными, занимались бы ремеслом... Пример этих первых ссыльных оказал бы огромное оздоравливающее влияние на всех остальных». Однако эта «дерзкая идея» моденского герцога не могла вызвать положительной реакции Николая I. В ответе герцогу он выражал надежду, что его корреспондент «сможет понять мотивы, которые не позволяют ему удовлетворить эту просьбу»⁹⁷.

В судьбе революции 1831 г. немалую роль сыграли внешние силы. Положение оказалось бы иным, если бы ей оказала помощь Франция, а Австрия воздержалась от интервенции. Однако поражение революционного движения в Центральной Италии прежде всего было предопределено коренными слабостями итальянского освободительного движения той эпохи, среди которых одной из самых существенных являлась слабость руководства.

Еще во время революции наиболее дальновидные участники движения выступали в печати с критикой политики временных правительств, в первую очередь болонского правительства, игравшего лидирующую роль. Цитировавшаяся уже выше демократическая газета Болоньи «La sentinella della liberta» противопоставляла «муниципалистской» линии правительства стремление создать из всех восставших областей Центральной Италии «единую семью»⁹⁸. Радикальная моденская газета «Il monitore modenese» в конце февраля призывала руководителей движения рассчитывать на собственные силы и не надеяться на помощь Франции или милосердие Австрии. «Речь идет о том, — говорилось далее, — чтобы быть итальянцами и чтобы иметь единую родину». «Почему так медлят с осуществлением единства, которое является мечтой истинного итальянца? Мы больше не жители Романьи, Болоньи, Модены, Пармы: мы хотим быть итальянцами, и итальянцами мы будем, потому что стремимся к этому!» — вновь обличала газета болонские власти в начале марта. Особенно горячо демократические органы печати Папского государства нападали на инертность и нерешительность правительства в организации обороны, на его тактику пассивного выжидания. Так, газета Равенны «Amico della liberte» («Друг свободы») подчеркивала, что правительство «не обнаружило в своих действиях той быстроты и той жизненной силы, которую ему следовало проявлять...». А газета «Precursore» («Предвестник»), требуя немедленных и решительных действий по примеру бельгийцев и поляков, писала 17 марта: «В случае необходимости возведем баррикады на улицах... Свободный народ, решивший победить или умереть, располагает множеством средств для борьбы... Если правительство медлит предписывать срочные меры, мы сами начнем осуществлять их...»⁹⁹.

Революция 1831 г. давала серьезную пищу для размышлений представителям итальянского освободительного движения в эмиграции. Над ее уроками они начали задумываться еще в то время, когда судьбы революции не были решены. Так, ломбардский поэт Джованни Берше, участвовавший в подготовке первой Савойской экспедиции, писал 5 марта из Женевы маркизе Арконати-Висконти, жене ломбардского

патриота Джузеппе Арконати-Висконти, находившейся вместе с мужем в эмиграции в Бельгии: «Если бы в Романье обладали по крайней мере здравым смыслом, они должны были бы подчиниться руководству генерала Цукки и действовать сообща. Но боюсь, что там еще очень много муниципализма. Если австрийская интервенция в самом деле состоится, нам нет спасения»¹⁰⁰.

В марте 1831 г. Буонарроти в уже упоминавшейся выше брошюре «Размышления о федеративном устройстве применительно к Италии»¹⁰¹ дал анализ причин поражения итальянской революции 1831 г. Автор пришел к выводу о необходимости установления в ходе борьбы «временной диктатуры», которая должна возглавить движение и подготовить создание нового демократического строя как в Италии, так и в любой другой стране, поднявшейся на революционную борьбу¹⁰². Близкий к Буонарроти итальянский эмигрант, уроженец Арето Джузеппе Герарди, непосредственно участвовавший в событиях в Болонье, после поражения революции издал в Париже брошюру, посвященную событиям февраля 1831 г. в Италии. Эпиграфом к ней он избрал слова Макьявелли: «В Италии сколько угодно материи, чтобы внести в нее любую форму. Здесь великая сила в теле, даже если пусто в головах». Революция в Центральной Италии показала, подчеркивал Герарди, что «нельзя связывать судьбы народа, стремящегося к освобождению, с игрой дипломатии, которая в наше время более чем когда-либо является искусством лжи и предательства»¹⁰³.

В мае 1831 г. одновременно на итальянском и французском языках появилась в Париже еще одна брошюра — «Герцог Орлеанский и французские эмигранты из Сицилии, или оправданные итальянцы». Ее автор — сицилийский эмигрант республиканец Микеле Пальмери ди Миччикё, участник революционных событий 1820—1821 гг. в Палермо, — резко нападал на членов болонского правительства, этих «ничтожных людей», предавших дело итальянской свободы. Во имя «святого принципа невмешательства» они разоружили жителей Модены, отослали домой юношей Романьи, пришедших предложить свои руки и жизнь для защиты родины. «Если бы во главе правительства болонцы поставили новых энергичных людей, утверждал Пальмери, они бы поняли, что Болонья и Романья ничего не смогут сделать одни... что речь идет о независимости и свободе всей Италии. Они бы поняли, что в революции надо рассчитывать не на покровительство той или иной державы, а на силу и смелость... Они бы поняли, что революция — это неординарное состояние общества, и, следовательно, обычные средства непригодны для того, чтобы ею руководить»¹⁰⁴.

Итак, деятели итальянского освободительного движения уже сами во многом верно нащупывали его коренные слабости. Любопытно, что важнейшие причины, приведшие к поражению революции, подметил злейший ее враг ярый реакционер князь Каноза. «Без народа не делаются революции»¹⁰⁵, — отмечал Каноза с проницательностью, которой подчас не хватало многим деятелям Рисорджименто.

Пройдет немного времени, и Дж.Мадзини и его сподвижники по

«Молодой Италии», как мы увидим ниже, придавая огромное значение урокам прошлых революций в деле формирования демократического общенационального движения, значительно расширят и углубят критический анализ этих уроков.

На протяжении одного десятилетия в Италии, как мы видели, произошли три революции, являвшиеся существенными звеньями в цепи итальянских буржуазных революций XIX в., в конечном счете приведших к объединению Италии в 1870 г. Многие сближало революции 1820–1821 и 1831 гг.: легкость, с которой опрокидывались старые режимы, оказывавшие весьма вялое сопротивление восставшим; отсутствие координации действий революционных сил в пределах всей Италии, плохая их организация, слабое руководство, отсутствие прочных связей с народными массами. И в 1821 и в 1831 гг. восстания очень быстро, почти без сопротивления, оказались задушенными австрийскими войсками. Вместе с тем в событиях 1831 г., хотя они по своим масштабам и были скромнее, чем революция 1820–1821 гг. (которая охватила более обширную территорию и продолжалась значительно дольше), выявились некоторые новые черты и тенденции, пробивавшие себе дорогу в итальянском национально-освободительном движении. В 1831 г. итальянские революционные силы, среди которых армия не играла решающей роли, впервые без поддержки извне попытались ликвидировать монархические режимы путем низложения моденского герцога и лишения римского папы светской власти. Постановлением о созыве Учредительного собрания в Объединенных итальянских провинциях (хотя и не осуществленным на практике) был намечен новый, демократический метод решения вопроса о государственном устройстве.

Революция 1831 г. являла собой одновременно завершение карбонарского этапа итальянского освободительного движения и вместе с тем переходную ступень к новому этапу – развитию общенационального демократического движения, связанного с именем Джузеппе Мадзини.

1 Подробнее об этом см.: Мизиано К.Ф. Некоторые проблемы истории воссоединения Италии. – В кн.: Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г.: Доклады советской делегации. М., 1956, с.556–559.

2 L'Italia dopo il Congresso di Vienna.— La Giovine Italia, 1832, fasc 3, p.55.

3 Romeo R. Dal Piemonte sabauda all'Italia liberata. Ban, 1974, p.61–62; Quazza G. La lotta sociale nel Risorgimento. Torino, 1951, p.91.

4 Канделоро Дж. История современной Италии. т.2. От Реставрации до Национальной революции. М., 1961, с.18–19.

5 Venturi F. La circolazione delle idee tra l'Europa e l'Italia nel Risorgimento. – Rassegna storica del Risorgimento, 1954, N 23, p.213.

6 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.10, с.465.

7 Берти Дж. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965, с.186–188.

8 Берти Дж. Указ.соч., с.186.

9 Gambaro A. Sulle orme del Lamennais in Italia. vol.1. Il lamennaisismo a Torino. Torino, 1958; Lamennais F. R. de. Essai sur l'indifference en matiere de religion. t.1–4. Paris, 1817–1823. Со времени революции 1830 г. произошел резкий поворот

во взглядах Ламенне. Он становится главой европейского либерального католицизма. - В. 1834 г. он порвал с церковью, после того как был отлучен от нее папой.

10 Канделоро Дж. Указ.соч., с.165.

11 Gramsci A. Il Risorgimento. Roma, 1971, p.195.

12 Mastellone S. Victor Cousin e il Risorgimento italiano. Firenze, 1955, p.5–21.

13 Эта брошюра («Riflessi sul governo federativo applicato all'Italia») была опубликована во Франции в 1831 г. Подробнее о ней см. ниже, с.71.

14 Galante Garrone A. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento (1828–1837). Torino, 1951, p.154.

15 Позднее Бьянко сблизился с Мадзини и стал одним из руководителей «Молодой Италии». Поражение организованной Мадзини в 1834 г. Савойской экспедиции, о которой пойдет речь ниже (см. с.113–115), привело к глубокому разочарованию и отходу Бьянко от освободительного движения. В 1843 г. в Брюсселе он покончил жизнь самоубийством.

16 Delia Peruta F. Note e documenti per la storia delle idee sociali in Italia 1830–1849. – In: Annali dell'Istituto G.Feltrinelli. 1962. Milano, 1963, p.52.

17 Ibid., p.59–60.

18 Ibid., p.42.

19 Ibid., p.45.

20 АВПР, ф. Канцелярия, 1830 г., д.81, л. 155 об.–156 об.

21 Там же, д.160, л. 114 с об.

22 Delia Peruta F. Mazzini e i rivoluzionari italiani. Il «Partito d'azione». 1830–1845. Milano, 1974, p.33–35.

23 АВПР, ф.Канцелярия, 1830 г., д. 263, л. 329–331 об. По-видимому, это редкий, если не уникальный экземпляр. На эту мысль наталкивает тот факт, что итальянский исследователь с.Мастел-лоне, излагая его суть, ссылается не на катехизис, а на книгу Р. Барбьера (Barbiera R. Passioni del Risorgimento. Milano, 1903). См.: Mastellone S. Mazzini e la «Giovine Italia». Pisa, 1960, vol.1, p.257–258.

24 Saitta A. F. Buonarroti. Contributo alla storia della sua vita e del suo pensiero. Roma, 1951, vol.2, p.178–179.

25 Берти Дж. Указ.соч., с.230.

26 Galante Garrone A. Op.cit., p.162.

27 Delia Peruta F. Mazzini..., p.30–31.

28 Marochetti J. B. Indépendance de l'Italie. Moyen de l'établir, dans l'intérêt général de l'Europe: ou partage de la Turquie. Paris, 1830, p.79.

29 Soriga R. L'idea nazionale italiana dal secolo XVIII all'unificazione. Modena, 1941, p.262–270.

30 Delia Peruta F. Mazzini..., p.26–27.

31 Оба они были выходцами из буржуазной среды. Менотти успешно занимался предпринимательской деятельностью в качестве владельца шелкопрядильни и экспедиционной конторы в Модене. Мисли, сын университетского профессора ветеринарии, был юристом.

32 Подробное изложение этого плана, известного под названием «Заговор д'Эсте», содержится, в частности, в цитируемой выше книге Дж.Канделоро «История современной Италии» (М., 1961, т.2, с.197–205).

33 Ferrari A. L'Italia durante la Restaurazione. Milano, 1935, p.136.

34 Solmi A. Ciro Menotti e l'idea unitaria dell'insurrezione del 1831. Modena, 1931,

р.142. Таким образом, к этому времени Менотти уже отказался от выдвижения кандидатуры Франциска IV в качестве будущего итальянского короля. Вместе с тем, стремясь не слишком раздражать моденского герцога, он продолжал поддерживать с ним определенные контакты.

35 Solmi A. *Op.cit.*, p.29.

36 Galante Garrone A. *Op.cit.*, p. 161.

37 Solmi A. *Op.cit.*, p.151, 153, 158.

38 *Ibid.*, p.159.

39 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.7, с.8.

40 Внешнеполитические установки французского правительства уже очень скоро претерпели весьма существенные изменения. Оно не предприняло никаких серьезных шагов в защиту польской революции, вспыхнувшей в ноябре 1830 г. и подавленной царским правительством в сентябре 1831 г. Особенно наглядно эта эволюция, как мы увидим ниже, обнаружилась в отношении официальной Франции к революции в Центральной Италии.

41 Metternich с. *Memoires, documents et ecrits divers*. Paris, 1882, t.5, p. 23.

42 Delta Peruta F. *Mazzini...*, p.24–25.

43 АВПР, ф.Канцелярия, 1830 г, д. 263, л. 184 с об.

44 Romeo R. *Savour e il suo tempo (1810–1842)*. Bari, 1969, vol.1, p.341–342.

45 АВПР, ф.Канцелярия, 1832 г., д.272, л.100 об. Там же, 1830 г., д.263, л.158–159; д.81, л.111 об.

47 Solmi A. *Op.cit.*, p.149.

48 Saitia A. *Op.cit.*, vol.2, p.188–189.

49 *Carte secrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1848*. vol.1–3. – Vol.2. Capolago, 1852, p.400, 404, 406.

50 АВПР, ф.Канцелярия, 1830 г., д.81, л.143 об.

Ненависть населения Модены была направлена не на Франциска IV, а на его министров, и прежде всего на одиозную фигуру Канозы. «Да здравствует Франциск IV!» и «Смерть министрам!» – таковы были первые лозунги восставших моденцев.

52 АВПР, ф.Канцелярия, 1830 г., д.81, л.169; 1831 г., л. 55 с об.

53 ЦГАОР, ф.828, д.370, л.233 об.

54 Natali G. *La rivoluzione italiana del 1831–1832 e le sue immediate conseguenze*. Bologna, 1956, p.43–51.

55 Solmi A. *Op.cit.*, p.111.

56 АВПР, ф. Посольство в Риме, 1831–1832 гг., оп.525а, д.318, л.37.

57 АВПР, ф.Канцелярия, 1831 г., д.230, л.12.

58 АВПР, ф.Канцелярия, 1831 г., д.230, л. 24 об.

59 АВПР, ф. Посольство в Риме, 1831–1832 гг., оп. 525а, д.318, л. 65-67.

60 Там же, л.56, 80.

61 Catalano P., Moscati R., Valsecchi F. *L'Italia nel Risorgimento*. Milano, 1964, p.366.

62 АВПР, ф. Посольство в Риме, 1831–1832 гг., оп. 525а, д. 318, л. 70, 102, 105.

63 Vicirri G. *La rivoluzione dell'anno 1831 nello Stato Romano. Memorie storiche e documenti editi ed inediti*. Imola, 1889, p.84.

64 Sorbelli A. *Libro dei compromessi politici nella rivoluzione del 1831–1832*. Roma, 1935, p.XIX–XX; Demarco D. *Il tramonto dello Stato Pontificio*. Torino, 1949, p.233.

65 Soltni A. *Op.cit.*, p.126.

66 АВПР, ф.Канцелярия, 1831 г., д.101, л.114 об.

67 Delia Peruta F. *Mazzini...*, p.56.

68 АВПР, ф. Посольство в Риме, 1831–1832 гг., оп.525а, л.30.

69 Там же, л.71.

70 Vicini G. *Op.cit.*, p.84.

71 Delia Peruta F. *Mazzini...*, p.57.

72 Catalano F., Moscati R., Valsecchi F. *Op.cit.*, p.370.

73 *Ibid.*, p.369.

74 Natali G. *Op.cit.*, p.54.

75 АВПР, ф.Канцелярия, 1831 г., д.101, л.21 с об.

76 Catalano F., Moscati R., Valsecchi F. *Op.cit.*, p.370.

77 Канделоро Дж. Указ.соч., с.221,

78 Vicini G. *Op.cit.*, p.148–149.

79 *Ibid.*, p.166.

80 АВПР, ф. Посольство в Риме, 1831–1832 гг., оп.525а, д.318, л.5 об.

81 Там же, л.113.

82 АВПР, ф. Посольство в Риме, 1831–1832 гг., оп.525а, д.318, л.147.

83 Laffitte J. *Memoires de Laffitte (1767–1844)*. Paris, 1932, p.268.

84 Marochetti J.-B. *Op.cit.*, p.74–75.

85 Galante Garrone A. *Op.cit.*, p.159.

86 Подробнее об организации первой Савойской экспедиции см.: Soriga R. *Le societa secrete, l'emigrazione politica e i primi moti per l'indipendenza*. Modena, 1942, p.246–252.

87 Об этом сообщал министру иностранных дел префект департамента Роны (Mastellone S. *Mazzini e la «Giovine Italia»*, vol.1, p.21). «В первых числах февраля месяца, – писала в связи с этим газета «Северная пчела» 18 марта 1831 г., – правительство Савойское узнало, что значительное число выходцев разных наций, прибыв в Лион, набирает там всенародно работников и других людей в намерении произвести нападение на сие княжество...»

88 Galante Garrone A. *Op.cit.*, p.183.

89 Laffitte J. *Op.cit.*, p.267–288.

90 Канделоро Дж. Указ.соч., с.226; см. также: Северная пчела, СПб., 1831, 24–25 апр.

91 Mastellone S. *Mazzini e la «Giovine Italia»*, vol.1, p.37; «За Альпами т.е. в Италии. – М.К. верность пуническая и верность французская имеют одно и то же значение», – цитировала то же выступление Ламарка «Северная пчела» от 25 апреля 1831 г.

92 Farges L. *Stendhal diplomate. Rome et l'Italie de 1829 a 1842 d'apres sa correspondance officielle inedite*. Paris, 1892, p.49, 51, 136, 196.

93 Рукописный отдел Института русской литературы (ИРЛИ), ф.309, д.14, л.83 об.

94 Gualterio F. *Gli ultimi rivolgenti italiani*. Firenze, 1850, vol.1, pt. 1, p.79.

95 См. об этом в следующей главе.

96 Gualterio F. *Op.cit.*, p.88.

97 АВПР, ф. Канцелярия, 1831 г., д. 162, л. 7–9, 14.

98 Catalano F., Moscati R., Valsecchi F. *Op.cit.*, p.370.

99 Delia Peruta F. *Mazzini...*, p.58–59.

100 Soriga R. Op.cit., p.253.

101 См. о ней с.23, 71 настоящей работы.

102 Galante Garrone A. Op.cit., p.316–317.

103 Saitta A. Op.cit., vol.2, p.198–199.

104 Palmieri di Micciche M. Il duca d'Orleans e gli emigrati francesi in Sicilia o gli italiani giustificati. Parigi, 1831, p.31–32, 34, 40.

105 Maturi W. Il principe di Canosa. Firenze, 1944, p.276–277.

ГЛАВА 2. Д. Ж. М А Д З И Н И и ВОЗНИКНОВЕНИЕ «МОЛОДОЙ ИТАЛИИ» (1831-1834 гг.)

Дж.Мадзини в эмиграции. «Молодая Италия»

К 1831 г. у 25-летнего Джузеппе Мадзини за плечами был уже немалый опыт политической борьбы и публицистической деятельности. Он родился в 1805 г. в Генуе в мелкобуржуазной семье, где культивировались идеи свободы, неприятие католических догм, убеждение в равенстве всех людей, вера в идеалы добра. Отец его – профессор анатомии Генуэзского университета и практикующий врач – в эпоху наполеоновского господства активно участвовал в итальянском патриотическом движении. Впоследствии, однако, он отказался от идеалов молодости и осудил деятельность сына. Значительно ближе по духу Дж.Мадзини всегда была мать, до конца жизни оказывавшая сыну моральную и материальную поддержку. Окончив в 1827 г. юридический факультет Генуэзского университета, Мадзини работал в бесплатной адвокатуре для бедных и одновременно выступал в печати с литературно-критическими статьями. В борьбе с отжившими канонами классицизма он отстаивал позиции романтизма и проповедовал необходимость национального возрождения Италии.

Тогда же, в 1827 г., Мадзини вступил в общество карбонариев. Вскоре он получил звание «мастера», обладавшего правом вербовать новых членов. Он вовлек в ряды карбонариев немало людей, причем не только в Генуе, но и в Ливорно, где в 1829 г. основал новую ветвь.

Однако уже в ту пору Мадзини начал размышлять о несоответствии карбонарского общества с его туманной и крайне засекреченной программой, сложной символикой и космополитическими тенденциями новым условиям борьбы за национальную независимость и объединение Италии. Понимание необходимости создания более современной и дееспособной политической организации, по свидетельству самого Мадзини¹, пришло к нему во время тюремного заключения в Савонской крепости. Попал он туда вместе с еще шестью активными карбонарскими деятелями по доносу авантюриста и шпиона Раймондо Дориа, который ранее сам принял Мадзини в ряды карбонариев. Через два с половиной месяца из-за отсутствия улики Мадзини был освобожден и поставлен перед выбором: безвыездно жить в захолустном уголке Пьемонта, отказавшись от политической деятельности, или отправиться в эмиграцию.

В феврале 1831 г. Мадзини покинул родину. Так началось его

первое, семнадцатилетнее изгнание. Он отправился сначала в Женеву. Деятельная натура молодого Мадзини толкнула его на участие в подготовке Савойской экспедиции. Он прибыл в Лион, затем на Корсику в надежде организовать оттуда высадку вооруженного отряда в Центральную Италию. После того как планы эти потерпели крушение, Мадзини в конце марта 1831 г. поселился в Марселе и вернулся к разработке проекта создания новой революционной организации. У него установились теснейшие связи с итальянскими демократами, находившимися в эмиграции во Франции. Их республиканско-унитаристские идеи, творчески воспринятые Мадзини, вошли в программу новой организации как центральная ее часть. Дружеские отношения связывали Мадзини с К.Бьянко ди Сен-Жоржо (в его доме Мадзини прожил до осени 1831 г.), Д.Николаи, Ф.Буонарроти, с которым его познакомил Бьянко. Общение с Буонарроти и его приверженцами способствовало усвоению Мадзини ряда якобинско-демократических идей.

На взгляды и настроения Дж.Мадзини в период выработки программы задуманного им общества оказала влияние сложная политическая обстановка в Европе в 1831–1832 гг. В Италии, Польше, Бельгии, Швейцарии и Германии еще не улеглись волнения, порожденные июльской революцией 1830 г. во Франции. В Англии развертывалось массовое демократическое движение, приведшее к избирательной реформе 1832 г. Наконец, Мадзини был очевидцем подъема республиканского движения во Франции, сочетавшегося с первыми самостоятельными выступлениями рабочих, из которых самым ярким было Лионское восстание 1831 г.

Во многих существенных чертах структура задуманной Мадзини организации совпадала с организацией и установками французских демократических обществ². Так, привлекавшее особое внимание Мадзини «Общество друзей народа» с его четкой демократической программой видело главное средство привлечения новых членов не в конспирации, а в открытой пропаганде своих политических взглядов. «Время карбонариев и других подобных им тайных обществ прошло... Самое могучее средство воздействия – это публичность...»³ – заявил на судебном процессе один из руководителей общества – Улисс Трела. Эту мысль разделял и Мадзини. Он с восхищением писал о молодых людях, «друзьях и воспитателях народа», сплотившихся в рядах этого общества в ходе июльской революции.

Во время процесса против «Общества друзей народа», проходившего в Париже с апреля 1831 г., руководители общества Трела, Годфруа Кавеньяк и Огюст-Жозеф Гинар смело обличали контрреволюционную сущность политики Священного союза, которая, по их мнению, неизбежно должна была породить войну народов. Естественными союзницами Франции в этой борьбе они считали Италию и Испанию. Эти идеи также не могли не вызвать сочувствие у Джузеппе Мадзини. Особенно близкой ему была мысль Кавеньяка о том, что участники республиканского движения молоды и готовы к будущим битвам⁵.

Наряду с непосредственным влиянием, которое оказывал на

Мадзини опыт республиканских обществ, весьма значительным было также воздействие на него передовой французской общественной мысли, прежде всего утопического социализма. Мадзини разделял разочарование многих последователей Сен-Симона в результатах июльской революции, их раздражение против пришедшей к власти «праздной» буржуазии, живущей за счет «самого многочисленного и бедного класса»⁶. В своих работах Мадзини развивал такие широко обсуждавшиеся в сенсимонистской литературе темы, как создание строя, основанного на «ассоциации трудящихся», ведущая роль интеллигенции в освободительном движении, единство мысли и действий, необходимость религиозного «оформления» социально-политической революции⁷.

Очень скоро Мадзини становится заметной фигурой среди итальянских эмигрантов во Франции. Об этом говорят, в частности, донесения полицейских агентов и информаторов, внимание которых «адвокат Мадзини», «более смелый и опасный, чем другие»⁸, привлек уже весной 1831 г. «Он мечтает только о возрождении Италии, – говорилось в одном из донесений, – и готов преодолеть любую преграду, пожертвовать всем, даже жизнью... если это может пойти на пользу Италии»⁹. Этому агенту нельзя отказать в проникательности: он подметил главное в Мадзини – самоотверженную, безграничную преданность делу единства и освобождения Италии.

Горячий энтузиазм Мадзини в сочетании с большим пропагандистским мастерством оказывал огромное воздействие на тех, кто с ним соприкасался. Особенно велико было влияние Мадзини на молодежь. Он сумел чутко уловить духовный разлад между двумя поколениями, участвовавшими в освободительном движении, – старым, связанным с традициями и устоями прошлого, и новым, которое только еще вступало в борьбу. Именно на это поколение прежде всего рассчитывал Мадзини, создавая свою организацию.

В мае-июне 1831 г. Дж.Мадзини приступил к созданию новой организации, которую он назвал «Молодая Италия». Он представлял ее себе сначала как «братство молодежи», цель которого – союз («слияние, объединение путем взаимных уступок») всех существовавших в эмиграции и в Италии патриотических обществ под эгидой «Молодой Италии»¹⁰. В августе Мадзини отказался от термина «братство» и стал называть организацию «Национальной ассоциацией «Молодой Италии»»¹¹.

Структура организации отличалась предельной простотой: две степени членов – «простые федераты» и «федераты-распространители», имевшие право принимать новых членов. В отличие от тайных обществ карбонариев, где конечные цели борьбы оставались засекреченными для рядовых участников движения, программа новой организации провозглашалась публично и была общей для всех ее членов. Возраст членов «Молодой Италии», по ранним ее документам, не должен был превышать сорока лет¹².

На первых порах членам «Молодой Италии» разрешалось принадлежать и к другим обществам¹³. Сам Мадзини, в апреле 1831 г. вступивший в общество «Апофазимени», возглавлявшееся Бьянко, сразу

после создания «Молодой Италии» заявлял о своем полном согласии с руководителями «Апофазимени» и одобрении принципов и целей этого общества¹⁴, построенного по образцу карбонарских организаций. Однако спустя некоторое время Мадзини пошел на более решительное размежевание с подпольными организациями старого типа, что проявилось, в частности, в запрещении членам «Молодой Италии» уже в начале 1832 г. вступать в такие организации.

Одновременно с организационным оформлением нового общества Мадзини опубликовал ряд документов, где излагалась концепция освободительного движения. Первым из них было обращение к только что вступившему на престол пьемонтскому королю Карлу-Альберту (опубликованное в виде брошюры в мае-июне 1831 г.) с призывом возглавить итальянское национальное движение. Мадзини, уверенный в его отказе, стремился показать беспочвенность надежд некоторых патриотов на то, что Карл-Альберт согласится пойти на либеральные преобразования в Сардинском королевстве¹⁵.

Это письмо, тайно распространявшееся не только в Пьемонте, но и по всей Италии, вызвало самый живой отклик, особенно среди молодежи. Так, ломбардец Агостино Каджоли, позднее ставший членом «Молодой Италии», писал: «...меня утешает надежда, что подобные письма явятся зернами, которые принесут плоды и помогут быть деятельными тем людям, которые пробудились сегодня от глубокого сна...». Пистойский священник Пьетро Контруччи также отмечал огромное впечатление, произведенное письмом Мадзини на молодежь, которая, как он писал, из-за отсутствия опыта не могла «судить об осуществимости подобного предприятия (освобождения Италии. – М.К.)... Она до небес вознесла Мадзини, с восторгом встретила его обращение к Карлу-Альберту, которое она восприняла скорее сердцем, чем умом...»¹⁶. Не удивительно, что обращение вызвало ярость правительства и полицейских органов. За хранение его многие патриоты были брошены в тюрьмы. Пьемонтское правительство отдало распоряжение об аресте Мадзини в случае, если он попытается проникнуть в королевство¹⁷. Таков был ответ Карла-Альберта на обращение Мадзини.

Вслед за письмом к Карлу-Альберту Мадзини опубликовал ряд программных документов «Молодой Италии». Среди них прежде всего следует назвать первую редакцию «Общей инструкции братьям по «Молодой Италии», статут «Молодой Италии», появившиеся в июне 1831 г., а также вторую редакцию «Общей инструкции», написанную в начале 1832 г.¹⁸ Большое значение для популяризации программы Мадзини имел журнал «Молодая Италия», который начал выходить в Марселе в марте 1832 г. Само основание журнала явилось свидетельством новых методов деятельности мадзинистской организации, отличающих ее от карбонариев и других тайных обществ. Главную цель журнала Мадзини видел в том, чтобы публично заявить о принципах организации и задачах грядущей революции своим соотечественникам и привлечь их к своему обществу. Эпиграфами к журналу были взяты строки из Вергилия:

«Itaiam! Itaiam!» («В Италию! В Италию!») — и из Уго Фосколо: «О вы, одинокие и преследуемые, те, кого возмущают старинные несчастья нашей Родины, почему вы не рассказываете потомству о наших бедах? Возвысьте голос от имени нас всех и скажите миру, что мы обездолены, но не слепы и не трусливы... Пишите. Бичуйте словом правды ваших преследователей».

Для Мадзини принципиальное значение имел вопрос о том, обнаруживать или нет свое авторство в статьях, опубликованных в «Молодой Италии». Анонимная публикация статей была, разумеется, необходимой мерой предосторожности, когда автор находился в Италии — под неусыпным надзором властей. Однако, если автор был эмигрантом, Мадзини считал необходимым, чтобы статьи помещались за его подписью. Так, он писал Луиджи Амедео Мелегари, чья интересная статья (к ней мы еще вернемся) «Размышления по поводу последних революций в Италии и в Польше» должна была появиться в журнале: «Мне сказали, что ты не намерен подписать свою статью. Признаюсь, это меня очень бы огорчило. Мы должны подписывать (свои работы. — М.К.), должны демонстрировать свою сплоченность в едином союзе отваги и братства. Таким образом мы должны показать, что верим в успех нашего дела. Даже из политических соображений нужно, чтобы знали наши имена. Подумай об этом»¹⁹.

За два года (с февраля 1832 по июнь 1834 г.) вышло в свет всего шесть номеров журнала 20. Журнал выходил нерегулярно, и не только вследствие преследования властей. Мадзини и его ближайшим сподвижникам — Джованни Ла Чечилья, Джузеппе Ламберти и другим — приходилось преодолевать огромные технические и материальные трудности. Французы-наборщики не знали итальянского языка и допускали множество опечаток: Мадзини приходилось многократно проверять материалы, и тем не менее, с горечью отмечал он, «первый номер вышел с кучей типографских ошибок». Чтобы улучшить дело, старались все делать сами. Ла Чечилья выполнял работу печатника, Ламберти — механика, остальные были упаковщиками и грузчиками. Мадзини участвовал во всех операциях²¹. Члены «Молодой Италии» отдавали журналу все свои силы и средства, Мадзини не раз жаловался в письмах тех лет на крайнюю усталость.

Кроме того, требовалась большая изобретательность и находчивость, чтобы контрабандными путями переправлять журнал в Италию, в руки верных людей, которые распространяли его среди студенчества, офицеров, солдат, ремесленников и др. Появление в Италии журнала и реакция, которую он вызывал, — возбуждение умов, дискуссии, споры — не могли не привлечь внимание полиции и правительств итальянских государств. С требованиями о высылке Мадзини из Франции обращались к Луи-Филиппу тосканский великий герцог Леопольд II, Карл-Альберт и Меттерних. Последний внимательно следил за деятельностью мадзинистской организации. Известно, что он просил своего агента в Милане ди Менца прислать ему два комплекта «Молодой Италии»²².

Чтобы воспрепятствовать проникновению журнала в Италию, власти предпринимали самые решительные меры. В Пьемонте указом от 20 мая 1833 г. за ввоз запрещенной литературы устанавливались тюремное заключение и каторга сроком от 1 до 3 лет. За распространение этих изданий грозило пятилетнее тюремное заключение. В Ломбардо-Венецианской области в 1833 г. был издан специальный правительственный циркуляр о запрещении журнала. Однако, несмотря на неустанную полицейскую слежку и преследования, журнал «Молодая Италия» распространялся по всей Италии, особенно в ее северной части. Эмилио Бандьера, в то время курсант имперско-королевской морской академии в Венеции, впоследствии активнейший последователь Мадзини, организатор героической экспедиции 1844 г.²³, писал Мадзини: «После того как начала выходить "Молодая Италия", я раздобыл этот журнал, чтобы знакомить с ним моих товарищей по учебе...»²⁴.

Вырабатывая программу новой организации, Мадзини исходил прежде всего из анализа уроков прошлых итальянских революций, особенно революции 1831 г. Впервые к событиям 1831 г. Мадзини обратился в мае 1831 г. в первой опубликованной во Франции (в газете «National») статье «Ночь в Римини». В приподнято-романтической манере, широко распространенной тогда в итальянской литературе и журналистике, Мадзини славил самопожертвование и героизм юношей, отдавших жизнь во имя счастья родины. «Они не колебались... Они говорили: "Доблесть — это жертва, утешайтесь, надейтесь! Враг многочислен, но за нас свобода, бог и Франция!" Они сражались — сражались до последнего вздоха...»

С особым пафосом Мадзини обличал политику Франции в отношении итальянской революции: «Франция! Она отступает от вас, отрекается от своих обещаний. Она клеветает на ваше национальное восстание на страницах продажных газет... Ах! Это уже не та Франция, которая была солидарна со всеми свободолюбивыми народами Европы, которая была готова защищать вас от любой иностранной агрессии... Несколько человек подчинили своекорыстным интересам завоевания июля... Они владеют секретами, как продать три миллиона человек с помощью одной фразы... А теперь они затолкали в тюрьмы людей, которые могли бы защитить вас... Они жертвуют в интересах дипломатии честью своей страны и кровью наций. Помощь Франции! Обманутые бедняги!.. Бездействие, неодобрение, запрещение вашим соотечественникам отправиться к вам на помощь — вот помощь Франции! Вперед! Вперед! Перед вами — варвары, а французы далеко. Вы одиноки, покинуты, преданы, проданы...»²⁵

В многочисленных материалах журнала «Молодая Италия», посвященных революции 1831 г., вновь и вновь повторялась мысль о том, что нельзя связывать судьбы революции с надеждой на иностранную помощь и рассчитывать следует лишь на собственные силы. Бичуя предательскую политику правящих кругов Франции, «Молодая Италия» подчеркивала солидарность французских республиканско-демократических кругов с борьбой итальянских патриотов. Об этом шла

речь в анонимной статье «Парижская революция» во втором номере «Молодой Италии». В палате депутатов, отмечалось в ней, оппозиция «твердо противостояла той системе, которой хотело придерживаться правительство. Она не могла игнорировать общественное мнение. Периодическая печать никогда не молчала... Рискую собственным благополучием, демократы... вели непрестанную борьбу с врагами народа»²⁶.

Говоря о значении революции 1831 г., Мадзини писал в «Манифесте «Молодой Италии» (отдельной брошюре, вышедшей в октябре 1831 г. и оповещавшей о скором появлении журнала): «В революциях каждая ошибка — это ступенька к истине. Последние события научили вступающее в жизнь поколение большему, чем целые тома теории. И мы утверждаем, что в итальянских восстаниях 1831 г. началось преодоление разрыва между молодой Италией и людьми прошлого»²⁷. В этих словах — глубоко диалектический подход Мадзини к оценке революции 1831 г., который, как правило, игнорируется историками мадзинизма. До сегодняшнего дня в итальянской историографии акцентируется внимание на противопоставлении Мадзини двух поколений борцов за освобождение — решительный идеологический и организационный разрыв между ними²⁸. Между тем весьма важно отметить не только существование многочисленных точек соприкосновения мадзинистского движения с предшествующим ему поколением борцов, но и субъективное осознание этого факта самим Мадзини. Он справедливо видел в событиях 1831 г. не только негативные стороны, приведшие к поражению революции, но и переходную ступень к новому этапу движения. Это особенно четко обнаружилось в «Обращении сотрудников «Молодой Италии» к своим согражданам», опубликованном Мадзини в 4-м номере журнала. В ходе революции 1831 г., указывал он, «новые идейные веяния широко распространялись... среди молодежи»²⁹. Глубокую дань уважения издатели «Молодой Италии» воздали участникам событий 1831 г. «Мы преклоняемся перед ними, — писал Мадзини, — ибо они восстали, тогда как мы бездействовали...» Далее он подчеркивал, что многие из участников движения понимали, что речь шла об общеитальянских интересах, а не только об интересах Болоньи или Модены³⁰.

Однако в центре внимания «Молодой Италии» был анализ деятельности не рядовых участников революции, но ее руководителей. В статье «О «Молодой Италии» (1-й номер) Мадзини, усматривая философскую основу их политики в эклектической доктрине Кузена, подверг эту систему резкой критике. Следует отметить, что в конце 20-х годов он сам был ее горячим сторонником, и Кузен представлялся ему проповедником свободы, сумевшим преодолеть национальную ограниченность и подняться до общеевропейских проблем³². Но опыт июльской революции излечил Мадзини (как, впрочем, и подавляющее большинство французских демократов) от этой привязанности. Он увидел, что доктрина Кузена и Гизо, ставшая основой политики орлеанистской Франции, логически привела к предательству интересов итальянской и польской революций. Немалую роль в отходе Мадзини от эклектизма

сыграли его контакты с французскими республиканцами, близкое знакомство с борьбой французского пролетариата.

Эклектизм во взглядах и политике руководителей революции порождал, по мнению Мадзини, их нерешительность и бездействие. Их основным лозунгом оказался призыв к умеренности. «Как будто возможна умеренность прежде, чем будет одержана победа»³³, — замечал Мадзини в статье «О некоторых причинах, которые донныне препятствовали распространению свободы в Италии», опубликованной во 2-м и 3-м номерах журнала. Без безграничной веры в идеи, за которые борешься, без энергии и настойчивости победа революции невозможна. Эту истину Мадзини и его единомышленники многократно повторяли на страницах журнала. «Никаких промедлений! Никаких сделок! — восклицал автор статьи «1831 год». — Революция невозможна без войны насмерть...»³⁴ Считая одним из главных виновников поражения революции военного министра Объединенных провинций генерала Арманди, Мадзини писал: «Наша революция пострадала из-за иностранного предательства, она была предана и обесчещена и изнутри — инертностью и малодушием тех, кто ею руководил... Говорят, что он (Арманди. — М.К.) не предал родину, но разве слабость не есть то же предательство?»³⁵. Главную причину бездеятельности Арманди он усматривал в неверии в возможность итальянского единства, представлявшегося ему «блестящей утопией». Другие руководители «любили свою родину, были преданы идее единства, без которого не может быть свободы, но они колебались, а колебания в революции — преступление»³⁶.

Аналогичные мысли высказывал Л.Мелегари в статье «Размышления о последних революциях в Италии и Польше», усматривая много общего между этими событиями. Это — и самопожертвование лучших людей, и черная неблагодарность и бесчестие монархов, и пассивность народа, и отсутствие подлинных вождей³⁷. Опыт прошлых революций не только привел Мадзини к практическому выводу о решающей роли вождей, но способствовал также разработке им общей концепции основных сил общества, от которых зависит прогресс. Большое внимание этой проблеме Мадзини уделил в письме к Карлу-Альберту. Решающая роль здесь, по мысли Мадзини, принадлежит гению-пророку, который мыслит и руководит. Вторая сила — это молодежь, «которая воспринимает мысль и превращает ее в действие». Наконец, третья сила — народ, «как обычно, беспокойный, недовольный своим нищенским положением и всемогущий благодаря своей численности»³⁸. Эта концепция, как и многие другие установки Мадзини, не была абсолютно оригинальной. Подобные же идеи были в тот период широко распространены в европейской публицистике романтического направления.

Не был изобретением Мадзини и тезис о единстве мысли и действия как неременном условии успеха движения. Эта идея, широко обсуждавшаяся в сенсимонистской литературе, оказалась как нельзя более созвучной всему строю взглядов и чувств Мадзини.

Важнейшее требование политической программы Мадзини — «Свобода, независимость и единство» — было также сформулировано его

предшественниками в 1830 г.³⁹ Теперь этот лозунг получил дальнейшее развитие и детальное обоснование в документах «Молодой Италии». «Республика единая, неделимая, охватывающая всю итальянскую территорию, независимая и свободная» — так формулировалось это требование в статуте «Молодой Италии». Только создание единого государства, указывает Мадзини во второй редакции «Общей инструкции», создает возможность существования нации. «Без единства веры и единого общественного договора, без единого гражданского, политического и уголовного законодательства, без единой системы просвещения и представительства нет нации»⁴⁰. Таким образом, проблема единства является национальной проблемой. Народ, по мысли Мадзини, должен взять в свои руки решение своей судьбы, т.е. осознать себя как нацию в борьбе за единую родину, и именно в этом состоит главная цель Рисорджименто.

Аргументы Мадзини в пользу унитаристского принципа объединения Италии в противовес федеративному во многом перекликались с идеями, высказанными Буонарроти в упоминавшейся выше брошюре «Размышления о федеративном устройстве применительно к Италии»⁴¹. Буонарроти решительно осуждал принцип федеративного устройства будущей Италии, поскольку такая система не обеспечивала бы «подлинного и последовательного осуществления народного суверенитета». При этом сохранились бы различные законодательные системы, что могло способствовать сохранению социального неравенства, привилегий знати и т.п. Кроме того, единая Италия могла бы легче справляться с внешними врагами, чем федерация государств⁴². «Раздробив великую национальную сферу на множество мелких территорий, — утверждал вслед за Буонарроти и Мадзини — федерализм открыл бы дорогу соперничеству местных интересов и благоприятствовал бы возникновению аристократии»⁴³. Борьбу за единую Италию Мадзини вел на протяжении всей своей жизни с величайшим упорством и настойчивостью.

Как мы видели, Мадзини был убежден в том, что единство страны должно быть осуществлено в республиканской форме. Только республиканские институты, подчеркивал Мадзини, могут гарантировать свободу, равенство и братство. Монархия, устанавливая «привилегию на вершине социальной пирамиды», угрожает равенству и свободе. «Рост перемен в Европе неизбежно приводит к утверждению в обществе республиканского принципа, а посему возвеличение монархического принципа в Италии сделало бы необходимой, спустя несколько лет, новую революцию»⁴⁴. В великом историческом прошлом Италии — эпохе средневековых коммун — Мадзини также черпал аргументы в пользу республики, опираясь на концепцию романтической историографии, прежде всего на Сисмонди, который в своей «Истории итальянских республик в средние века» рассматривал средневековые итальянские города как образец справедливого социального устройства.

В популярной брошюре «Проект конституции для Италии, ставшей свободной и независимой», изданной в качестве приложения к журналу

«Молодая Италия» (ее написал Мусси, член созданного Буонарроти «Общества истинных итальянцев»), автор обосновывал необходимость для Италии республиканской формы правления, ссылаясь на особенности политической и социальной структуры Италии. Здесь отсутствует преклонение перед ныне правящими монархами. Аристократия либо бессильна, либо немалое число ее представителей являются горячими патриотами, активными участниками борьбы за возрождение родины. Духовенство, за исключением высшего его слоя, руководит народом. Средние классы — «культурные, образованные, трудолюбивые, благонравные, проникнуты либеральным духом. Низшие классы — невежественные (как все народы под гнетом тирании), но одаренные природным умом, стремятся к образованию и освобождению». Надежда Италии — молодежь, «усердная, высоконравственная, великодушная, страдающая от крайнего деспотизма, раздраженная иностранным господством». Конституционный проект провозглашал итальянский народ единой нацией, составляющей единую и неделимую демократическую республику, которая должна обеспечить гражданам важнейшие права: равенство, свободу, безопасность, собственность. Закон — выражение воли большинства, народного суверенитета⁴⁶.

В противовес заговорщической тактике руководителей прошлых революций Мадзини выдвинул свою концепцию революции как единственного способа достижения унитаристских, республиканских и демократических целей движения. Он различал два этапа революции: первый — восстание, или революционная война, охватывающая период от начала «взрыва» до освобождения всего Апеннинского полуострова, и второй — подлинная революция, в ходе которой происходит строительство нового общества.

Внимание Мадзини было сосредоточено главным образом на первом этапе. Он детально разработал вопрос о методах ведения революционной войны. Еще в статуте «Молодой Италии» он подчеркивал значение «нерегулярных отрядов» в этой войне. Во второй редакции «Общей инструкции» он вновь писал о партизанской войне, которая «вовлекает в борьбу максимальное число людей, дает военную подготовку всему народу... вынуждает врага вести непривычную войну... эта война несокрушима и непобедима... Регулярное войско, быстро набранное и организованное, доведет до конца дело, подготовленное повстанческой войной»⁴⁷.

В 5-м номере «Молодой Италии» Мадзини вновь обратился к этой проблеме в статье «О повстанческой войне, соответствующей итальянским условиям». Здесь получили дальнейшее развитие идеи, высказанные Бьянко в 1830 г., — о невозможности в условиях Италии создать в ходе революции регулярную хорошо обученную армию, требующую соответствующего вооружения. Поэтому необходимо опираться на партизанские отряды, т.е. вести преимущественно народную войну, которая соответствует особенностям итальянской территории и характеру ее жителей. Обращаясь к опыту революций 1820—1821 и 1831 гг., Мадзини утверждал, что результаты их не были бы

столь плачевными, если бы их руководители сумели по всей стране создать отряды, которые бы вели в широких масштабах партизанскую войну против австрийцев.

Следует сказать, что подобные соображения выдвигались еще в ходе неаполитанской революции 1820–1821 гг., в момент, когда судьба ее уже была решена⁴⁸. В демократических кругах итальянской эмиграции и до Мадзини высказывались эти мысли. Так, Рокко Лирони в письме к Де Меестеру писал в июле 1831 г. об упущенных возможностях организации партизанской войны в революции 1831 г.: «Материал был прекрасный. Я хочу сказать, что молодежь хотела уйти в горы, но... старые офицеры... привыкшие командовать рабами, не хотели приспособливаться к ведению таких военных действий и поэтому утверждали, что это неосуществимо. Как могли они говорить, что не смогут оказать сопротивление и организовать гверилью, если они даже не попытались это сделать?»⁴⁹.

На первом этапе революции руководство должна, по мысли Мадзини, осуществлять временная революционная диктатура в лице нескольких представителей различных частей Италии. Эту идею он отстаивал в полемике с Ф.Буонарроти, статья которого «О правительстве народа, восставшего для завоевания свободы» была опубликована в 5-м номере «Молодой Италии». Буонарроти считал наиболее целесообразной передачу верховной власти одному диктатору до установления демократического режима. В комментарии к этой статье Мадзини подчеркивал свое несогласие с Буонарроти, аргументируя это тем, что «новая власть должна коренным образом отличаться от той, против которой восстал народ, и должна нести в себе зародыш будущего правления»⁵⁰.

Буонарроти в своей статье писал также о необходимости насилия в ходе революции, поскольку борьба неизбежно будет носить классовый характер. «Опасные люди могут быть арестованы», — замечал он. Мадзини, однако, придерживался иной точки зрения, подчеркивая, что в отличие от Франции конца XVIII в. «внутренние враги представляют для нас небольшую угрозу... а следовательно, не будет необходимости в осуществлении террора»⁵¹.

На втором этапе революции, «после освобождения страны, вся власть должна перейти к Национальному собранию — единственному источнику власти в государстве», — утверждал Мадзини в «Общей инструкции»⁵².

Важнейшим аспектом мадзинистской концепции революции был вопрос о необходимости вовлечения в революцию народных масс⁵³. Восстание, по мысли Мадзини, должно носить народный характер. «Мы нуждаемся в массах», — писал Мадзини в письме к Бенелли от 8 октября 1831 г. Однако невежественные и развращенные веками рабства низы оказываются нечувствительными к таким абстрактным идеям, как свобода и независимость. Задача новых революционных вождей, указывал Мадзини, «убедить массы в том, что, расправившись с угнетателями Италии, они окажутся в лучшем положении. Следует убедить их, что мы хотим улучшить их материальное и моральное состояние...»⁵⁴.

Трактовка Мадзини вопроса о роли масс была очень близка к взглядам европейских сенсимонистов. В январе 1832 г. в журнале «Revue encyclopedique» появилась статья швейцарского последователя Сен-Симона Шарля Дидье «Три принципа. Рим, Вена, Париж», которая привлекла внимание Мадзини. Дидье показал, что поражение революций 1820–1821 и 1831 гг. было связано с неспособностью руководителей добиться поддержки «низов». Он рекомендовал уделять большее внимание «социальному вопросу». «Народ! Народ!.. Все для народа и с помощью народа. В этом — основа всякой силы... Без него... бессильные заговоры буржуа и дворян будут устремляться к вершинам, но основания не будут поколеблены, миллионы итальянских пролетариев, которым нет места под солнцем, позволят нам взойти на эшафот, и вы погибнете напрасно. Не жертвуйте же будущим сегодня»⁵⁵. Вскоре эта статья была опубликована в Лугано на итальянском языке с предисловием Мадзини. В тот период роль масс в революции широко обсуждалась на страницах «Молодой Италии». Так, Мелегари усматривал причины пассивности народа в прошлых итальянских революциях в том, что «его положение не изменилось — налоги, которые тяготили его, не уменьшились»⁵⁶. Однако, критикуя руководителей прошлых революций, Мелегари не выдвинул конкретной программы, которая могла бы обеспечить революции поддержку масс. Проблема роли масс в революции была центральной в статье Мадзини «О некоторых причинах, которые донныне препятствовали распространению свободы в Италии». Опыт прошлых революций в Италии и современных европейских событий, утверждал Мадзини, наталкивает на вывод, что народ — главная сила революции. «Нам необходимо привлечь народ, — подчеркивал он, — чтобы не остаться одним, чтобы выйти на поле боя с возможно большей силой»⁵⁷. Хотя Мадзини считал, что для вовлечения народа в освободительное движение необходимо показать ему, какие материальные выгоды он от этого получит, однако социальные требования в этой статье были сформулированы весьма отвлеченно. Молодые революционеры должны были «проникнуть в самую сердцевину социального вопроса», обращаться к низам с «магическим словом, которое говорит человеку о его достоинстве, превращает раба в героя, это слово — равенство, которое Христос провозгласил девятнадцать веков назад...»⁵⁸. Республика трактовалась им здесь как система «социального правления», опирающаяся на «всеобщую волю» и отрицающая привилегии. При такой системе деятельность общественных институтов должна быть направлена в основном «на благо самого многочисленного и бедного класса»⁵⁹. В «Обращении «Молодой Италии» к своим соотечественникам» («Молодая Италия», № 4) Мадзини называл конкретные меры, которые, по его мнению, могли облегчить положение низших классов. Эти меры предусматривают законодательное регулирование прав наследования, которое поможет «воспрепятствовать чрезмерному накоплению богатств в руках немногих, концентрации собственности в немногих семьях»; налоговую реформу, в основе которой должно лежать прогрессивное обложение излишков земли; вмешательство государства в дело справедливой оплаты труда и

организации общественных работ⁶⁰. Несоответствие этих весьма незначительных мер установке Мадзини, что народ является решающей силой в борьбе за единство и национальную независимость Италии, было отчасти связано с признанием им примата идеальных стимулов перед материальными. Нации возрождаются материально только после того, как они возрождаются морально, утверждал Мадзини⁶¹. Придавая большое значение социальным вопросам, Мадзини все же считал их подчиненными первой и главной задаче — национальному объединению и политическому возрождению Италии. Иное представление о центральных задачах революции, как уже отмечалось, было у Буонарроти, считавшего важнейшей ее целью социальные преобразования в духе эгалитаризма⁶². «Кардинальные основы республики» в созданном им в 1832 г. «Обществе истинных итальянцев» формулировались следующим образом: «Полное равенство граждан в правах, соответствующее упорядочение имущества и труда и неотъемлемый суверенитет, осуществляемый народом»⁶³.

Представления Мадзини о главной задаче движения определяли и его подход к проблеме движущих сил революции, которая должна была осуществляться общими усилиями народных масс и буржуазии. Обе эти силы в равной мере необходимы для успеха революции, причем руководящая роль, по мнению Мадзини, должна принадлежать буржуазной интеллигенции, без которой сам народ не смог бы довести до конца дело Рисорджименто. Исходя из этого, необходимо придать движению характер всеобщего согласия и предотвратить гражданскую войну — «войну классов», которая может привести либо к гибели революции, либо к установлению новых тираний⁶⁴.

Стремление к классовому миру во имя осуществления общенациональной цели лежит в основе враждебного отношения Мадзини к радикальному изменению системы собственности, к ее разделу или «аграрному закону». Он заявлял: «Мы не хотим террора, возведенного в систему; не хотим ни отмены законно приобретенных прав, ни аграрного закона, ни бесполезных насилий над индивидуальными способностями, ни узурпации собственности»⁶⁵. Боязнь оттолкнуть от национального движения представителей земельной буржуазии и обуржуазившегося дворянства определяла тот факт, что в важнейших программных документах «Молодой Италии» не предусматривалось никаких специальных мер в интересах крестьянства и аграрный вопрос не выдвигался в число центральных проблем итальянской национальной революции. На вопрос Сисмонди, заданный им в письме к Мадзини в октябре 1832 г.: «Каким образом вы думаете привлечь сельское население к революции?»⁶⁶ — Мадзини не дал ответа.

Было бы, однако, неверно полагать, что Мадзини игнорировал интересы крестьянства лишь из страха отпугнуть определенные слои от революции, т.е. из тактических соображений. На деле формирование мировоззрения Мадзини, окружение молодого адвоката в Италии, а затем оторванность от итальянской действительности, фанатическая преданность с его точки зрения главной, национальной, идее в большой мере определяли особенности его взглядов по крестьянскому вопросу. В

крестьянстве, составлявшем большинство населения страны, он не сумел увидеть ту силу, которая должна была стать главной опорой итальянского национально-освободительного движения. Мадзини не выдвинул аграрной программы, способной поднять крестьян на борьбу. Коренные слабости социальной программы помешали последователям Мадзини в будущем стать ведущей силой итальянского национально-освободительного движения, а в 30—40-х годах явились одной из главных причин крушения всех попыток организовать общеитальянскую революцию.

Тем не менее постановка Мадзини и его единомышленниками вопроса о решающей роли народных масс в революции — при всех ее слабостях и противоречиях — имела большое значение для итальянского освободительного движения начала 30-х годов XIX в. Чрезвычайно важным и плодотворным был обращенный к итальянской молодежи призыв Мадзини вести широкую пропаганду революционных идей среди народных масс: «Поднимайтесь в горы, садитесь за стол крестьянина, посещайте мастерские тех ремесленников, которыми вы пренебрегаете...»⁶⁷.

В начале 30-х годов было издано несколько брошюр для народного чтения в качестве приложения к «Молодой Италии». Автором двух из них был один из ближайших соратников Мадзини — Густаво Модена, личность чрезвычайно яркая и интересная. Юрист по образованию, он стал видным деятелем итальянского театрального искусства, крупным трагическим актером. Модена активно участвовал в революции 1831 г. в Болонье. С подмостков сцены он выступал с импровизированными речами, в которых критиковал правительство Объединенных провинций за медлительность и муниципализм. После революции Г.Модена эмигрировал в Марсель, где сблизился с Мадзини и стал одним из руководителей «Молодой Италии», занимая в ряде вопросов, впрочем, более реалистические, а подчас и более радикальные позиции, чем Мадзини⁶⁸.

Созданные им брошюры отличает простота и доступность изложения. Написанные в виде диалогов — типичной формы популярных изданий, они были рассчитаны на чтение вслух: «Народ не может и не умеет читать», — писал Мадзини⁶⁹. В диалоге «Лавочник и извозчик» проводилась мысль о том, что для такой аграрной страны, как Италия, необходимо широкое распространение крестьянской земельной собственности за счет раздела крупных имений⁷⁰, т.е. в отличие от Мадзини Модена высказывался за углубление социального содержания демократической революции. Счастье людей, по мысли Модены, состоит в «равенстве при пользовании земными благами для всех живущих...». Хотя под равенством он и понимал необходимость увеличить в общественном богатстве долю тех, у кого нет ничего или почти ничего, за счет тех, у кого слишком много, все же он выступал против строго уравнительного распределения.

В диалоге «Хозяин и фермер» Г.Модена трактовал понятие равенства шире, чем Мадзини, т.е. не только как юридическую категорию, но и как «справедливое распределение земельной собственности между всеми

людьми в зависимости от их труда и той пользы, которую они приносят обществу»⁷¹.

В той же серии, что и брошюры Модены, были изданы брошюры Мусси, одна из которых уже упоминалась выше⁷². Во второй из них – «Диалоге между собственником земли и ипольщиком» говорилось о необходимости уничтожения всех таможенных барьеров между различными областями Италии, чтобы создать более благоприятные условия для тех, кто торгует сельскохозяйственными продуктами. Следовало также, отмечалось в брошюре, отменить поборы, которые разоряют бедные классы. А подати должны платить богатые граждане в соответствии с их состоянием. Во всех коммунах и приходах предусматривалось создание школ, «чтобы и вы, бедные крестьяне, умели читать, писать и считать»⁷³.

Публикация издателями «Молодой Италии» сочинений Мусси, члена буонарроттианского общества «Истинные итальянцы», была неслучайной. На страницах журнала время от времени помещались материалы, принадлежавшие перу и других единомышленников Буонарроти. В частности, в нем были опубликованы статьи священников Франческо Бонарди и Джузеппе Герарди, направленные против католического деспотизма и монархии, отстаивавшие высокое социальное, моральное и политическое значение низших классов в новой республике. По словам Бонарди, «трудящиеся массы – это элементы будущего общества... которое должно утвердиться на развалинах феодальной системы. Эти победители... приходят с полей и фабрик, где титулованная гордость и ханжеская религиозность оставляли их в невежестве и нищете. Они требуют прав и хлеба...». В программе Мадзини большое место занимала его концепция революции как религии. Впервые с этико-религиозной постановкой проблемы национального движения мы встречаемся во второй редакции «Общей инструкции». «Молодая Италия» провозглашалась здесь ассоциацией «веры и апостольства», исповедующей новую религию возрождения Италии, которая во многом перекликалась с «религией будущего» Сен-Симона.

С «законом долга», перед которым отступает теория права, и идеей апостольства неразрывно связаны требования высоких моральных качеств, предъявляемые участникам освободительного движения: боевой доблести, самоотверженного героизма, готовности пожертвовать жизнью во имя родины. Позднее Мадзини найдет поэтическое выражение этой идеи в стихах польского поэта Скарга: «Перед нашими глазами сверкает грозный меч, за порогом нас ждет нищета; однако господь сказал нам: "Идите, идите вперед без отдыха". "Но куда пойдём мы, о боже? Пусть идут на смерть те, чей долг – умереть; и на муку – те, чей долг – мученичество!"»⁷⁶.

«Напишите на одной стороне вашего знамени: "Равенство и свобода", а на другой – "Бог с нами". Сделайте из революции религию»⁷⁷ – говорилось в статье «О некоторых причинах...» В предисловии к брошюре Дидье «Три принципа» Мадзини писал о существовании неразрывной связи между политикой и религией: «Политические теории сегодня более

чем когда-либо нуждаются в религиозной санкции... Религия вечна...»⁷⁸. Мысль о новой религии, о новом моральном законе никогда не покидала Мадзини. Из этих его представлений и возник лозунг мадзинистов «Бог и народ». К.Маркс, подвергший позднее резкой критике мистицизм Мадзини, все же отмечал, что этот лозунг «может иметь какой-то смысл в Италии, где бога противопоставляют папе, а народ – монархам...»⁷⁹. И действительно, религиозное учение Мадзини включало в себя отрицание отживших католических догм, непримиримую вражду к папству. «Папа – это призрак средневековья»⁸⁰, – писал Мадзини в письме к Сисмонди в 1832 г.

В первых документах «Молодой Италии» и на страницах журнала получила развитие трактуемая Мадзини в религиозном духе концепция всемирной «миссии» Италии. В «Общей инструкции» не без влияния сенсимонизма провозглашалось, что основой новой религии является «закон прогресса» – главный закон истории. Проявляется этот закон в том, что бог возлагает на отдельные народы и личности «миссию», которую они должны осуществлять во имя бесконечного совершенствования человечества. Эта религиозно-романтическая концепция истории применительно к Италии выступала как идея «прекрасной и святой» миссии Италии, которая, в частности, будет состоять в разрушении духовного рабства, связанного с господством папства, а также в уничтожении оплота европейской реакции – Австрийской империи. «Нам предстоит поразить Австрию в самое сердце, – говорилось в статье «Братство народов» («Молодая Италия», № 2), – отнять у нее жемчужину ее владений, стать мощным союзником Франции и обеспечить освобождение юга Европы»⁸¹. Обращение Мадзини и его единомышленников на протяжении 1832–1833 гг. к проблемам революции в самых различных ее аспектах должно было способствовать решению важнейшей практической задачи – мобилизации передовых сил итальянского общества на борьбу за национальную независимость, единство и демократическое преобразование Италии.

Политическая обстановка в Италии после революции 1831 г.

Важнейшей целью Мадзини и его единомышленников при создании «Молодой Италии» была пропаганда революционных планов среди итальянского населения. Надежды на возможность организации революционного взрыва Мадзини связывал с тем, что после крушения революции 1831 г. политическая обстановка в Италии оставалась крайне напряженной. С особой остротой это проявлялось в Папском государстве, где поражение революции не только не ослабило внутренние противоречия, но, напротив, еще усугубило их.

По мнению представителей великих держав в Италии, взрывоопасное положение в Папском государстве представляло собой угрозу не только итальянскому, но и общеевропейскому общественному спокойствию. В связи с этим 10 мая 1831 г. папе был представлен от имени этих держав «Меморандум», в котором подчеркивалась необходимость совершенствования судебной системы, привлечения

светских лиц на административные, гражданские и судебные посты. Весть о «Меморандуме» вызвала волну обращений жителей Папского государства к папе. В них выдвигались значительно более широкого спектра требования, чем в документе великих держав. Среди требований экономического характера чаще всего упоминались свобода промышленности и торговли, отмена таможенных тарифов и сокращение налогов, что способствовало бы поощрению торговли, развитию сельского хозяйства и промышленности. Требовали также разделения гражданской и духовной власти, учреждения выборных коммунальных и провинциальных советов. Из состава последних должен был избираться Государственный совет. В адресах содержались требования сокращения государственных расходов, опубликования государственного бюджета, всеобщей амнистии политических заключенных и т.д. и т.п.⁸²

Дав представителям великих держав обещание осуществить преобразования, папа ограничился лишь незначительными изменениями в области судопроизводства (в октябре 1831 г.), которые свелись к небольшой реорганизации судебной администрации и по существу почти ничего не изменили и в этой области. Судебные привилегии духовенства не были затронуты. Как отмечал российский посланник в Риме Г.И.Гагарин, «население Папского государства плохо приняло эти реформы... Они были встречены с презрением»⁸³.

Самое активное противодействие новым законам в области судопроизводства было оказано в Болонье. Еще до их публикации, осуществленной 15 декабря, в городе появилась подпольная листовка, которая призывала население не идти «ни на какие соглашения с Римом». «Мы против его реформ не только потому, что они представляются нам и плохими и несправедливыми, но и потому, что они являются временными, частичными и лживыми... Следует всегда отстаивать тот принцип, что любая реформа должна быть радикальной, универсальной, гарантированной»⁸⁴. 20 декабря, по донесению российского консула в Анконе Гуэррацци от 11(23) декабря, свыше 1500 человек собрались на окраине Болоньи и «самым мятежным образом» требовали отмены судебного эдикта. Кн. Гагарин сообщал из Рима 17(29) декабря новые подробности событий в Болонье: 21 декабря в университете и театре собрались городские юристы и заявили о своем несогласии с папским эдиктом от 15 декабря, об избрании депутации, которая должна быть послана в Рим к папе, в Вену, в Париж и Лондон, чтобы изложить там претензии жителей Болоньи к папскому правительству и передать требования реорганизации управления страной⁸⁵.

Многочисленные свидетельства, относящиеся к 1831–1832 гг., говорят о состоянии всеобщего недовольства, близком к взрыву, в Папском государстве. «Недоверие к папскому правительству возрастает в ужасающей прогрессии с такой скоростью, что ему остается пройти очень небольшой путь, чтобы оказаться на дне пропасти»⁸⁶, — писал Г.И.Гагарин. Стендаль, занимавший пост французского консула в Чивита-Векье, писал в начале 1832 г., что «по всей линии Болонья — Римини —

Анкона — Сполето массы не хотят больше церковной администрации». «Многие города, — замечал он, — имеют глупость предпочитать ей австрийскую». Население раздражено против правительства даже в Риме, где «кидают камнями в священников»⁸⁷.

Обстановка в Папском государстве стала еще более острой в связи с террором, проводившимся папской армией во главе с кардиналом Альбани в январе 1832 г. после разгрома повстанческого движения, в котором участвовало свыше 2 тыс. человек, близ города Чезены (расположенного в Романье). Город был разграблен папским войском. Грабеж сопровождался жесточайшими расправами с жителями города, насилиями над женщинами, убийствами стариков и детей. Вслед за этим войска вступили в Форли, где также учинили разбой и насилия. Несколько десятков жителей были убиты. 28 января австрийские войска, в июле 1831 г. отведенные из столицы Романьи Болоньи, вновь вступили в город по просьбе кардинала Альбани. Жители города и прилегающих провинций, терроризированные зверствами папских отрядов, встретили австрийскую армию даже с радостью⁸⁸.

Красноречивым свидетельством слабости папской власти явилась высадка французского десанта в Анконе, столице области Марке, в ответ на австрийскую оккупацию Болоньи⁸⁹. Французский экспедиционный корпус численностью около полутора тысяч человек 23 февраля появился на территории Папского государства без какой-либо предварительной договоренности с правительством. Население Анконы радостно встретило французский отряд, надеясь на то, что он поддержит их борьбу против папской власти и ига австрийцев. «Оппозиционные элементы, вдохновленные присутствием французов, — отмечал русский консул в Анконе 24 февраля, — нарушали общественный покой мятежными возгласами, революционными песнями и бешеными угрозами. Сами французские солдаты пели вчера вечером на улицах "Карманьолу" и "Марсельезу", поощряя таким образом мятежников»⁹⁰. Население Анконы добилось в эти дни освобождения из тюрьмы политических заключенных, на центральной площади города было посажено символическое «дерево свободы». В Анкону стекались оппозиционные силы из окрестных районов и из Романьи⁹¹.

Хотя прибывший в Анкону французский генерал Кюбьер, возглавивший оккупационный отряд, и провозгласил, что его цель — «установление порядка и сохранение целостности папских владений», на деле французские офицеры и солдаты продолжали «открыто выражать свое презрение по отношению к законным властям Анконы. Возгласы «Да здравствует свобода!», «Да здравствует Лафайет!», «Да здравствует Республика!» можно услышать слишком часто», — сокрушался в те дни русский консул⁹². «Папская власть существует в Анконе только номинально», — замечал он в своем донесении от 21 февраля (4 марта)⁹³.

Политика «золотой середины», которой, по словам кн. Гагарина, придерживался Кюбьер, уже в начале апреля сменилась более жесткой линией по отношению к «мятежникам» Анконы. Это объяснялось не только тем, что движение, распространявшееся все шире, начало

выходить из-под его контроля. Решающую роль здесь сыграли соответствующие распоряжения правительства из Парижа⁹⁴. «Вчера мы впервые увидели, — сообщал Гуэррацци в своем донесении в Петербург от 30 марта (11 апреля), — как французские офицеры отобрали из рук мятежников трехцветное знамя и вырвали из земли посаженное ими "республиканское дерево". Одновременно группе эмигрантов из Романьи было предписано покинуть Анкону»⁹⁵. «Французский генерал стал решительно расправляться с мятежниками и поэтому превратился в объект их ненависти», — писал он еще через два дня⁹⁶.

На протяжении мая между «мятежниками» и папскими войсками происходили многочисленные вооруженные столкновения, причем официально — по приказу Кюбьера — французы поддерживали правительственные отряды, а тайком солдаты нередко помогали «мятежникам»⁹⁷. Беспорядки в Анконе достигли высшей точки к концу мая. 23 мая был убит мэр города граф Босдари. Рассказав об этом факте, Гуэррацци в панике сообщал в Петербург 13(25) мая: «Здесь господствует анархия... Город фактически не имеет правительства, полиции и магистратуры. Экстраординарный комиссар, посланный из Рима, чтобы возглавить полицию, не выходит из дома, так как ему угрожают смертью». Смертью грозят, по словам Гуэррацци, французскому консулу Сент-Олеру-сыну и ему самому, русскому консулу. Их обоих «с неприязнью называют аристократами»⁹⁸. Повстанцы призывали население не платить налоги. Из города началось бегство «благонамеренных» граждан — аристократов, священников, чиновников⁹⁹.

Понимая, что дальнейшие эксцессы могут отпугнуть население и навлечь на город вооруженную расправу со стороны не только папского войска, но также сил французов и австрийцев, руководители «мятежников» обратились 31 мая к жителям Анконы с призывом сохранять спокойствие. Отмежевавшись от лиц, по вине которых были совершены преступления, они заверяли, что отныне в городе будет сохраняться порядок. Они призывали вернуться в Анкону всех, кто эмигрировал¹⁰⁰. Однако обстановка в Анконе и за ее пределами продолжала оставаться крайне напряженной. В различных городах области Марке вспыхивали волнения, с которыми не всегда удавалось справиться папским войскам. Кардинал Бернетти, статс-секретарь папского правительства, угрожал вмешательством австрийской армии. Новый приказ из Парижа прямо требовал от генерала Кюбьера восстановить папскую власть и «положить конец состоянию анархии в Анконе». Замешанные в беспорядках выходцы из Романьи и других провинций (среди них Гуэррацци упомянул поляка Александра Скарбека, прибывшего в Анкону из Греции с английским паспортом) были высланы из Анконы¹⁰¹. 1 августа в Анконе была восстановлена папская власть. Теперь Кюбьер и его отряд надолго стали опорой папских властей при наведении порядка в городе.

Лето 1832 г. было беспокойным не только в Анконе. Присутствие австрийцев не усмирило до конца Болонью. В ночь с 9 на 10 июня на улицах города появилось обращение к его жителям. Авторы обращения

призывали жителей Болоньи отказаться от уплаты налогов, от занятия публичных должностей, оказывая таким образом пассивное сопротивление властям. «Не унижайтесь до того, чтобы просить быть посредницей (в борьбе против папского правительства. — М.К.) Австрию, которая была и всегда будет самым ярким врагом каждого народа, стремящегося свергнуть ярмо невыносимого рабства. Да здравствует единство!»¹⁰² В опубликованном в Болонье в те же дни документе под названием «Соображения гражданина Болоньи по поводу предательского и опасного проекта добиваться реформ, прибегнув к покровительству иностранцев» Австрия обличалась как центр европейского деспотизма.

Дело итальянской свободы зависит от успехов борьбы за свободу во Франции, Англии, Португалии и Испании, утверждалось в документе. Автор призывал граждан Болоньи к непримиримости по отношению к папскому правительству¹⁰³.

Насколько был низок авторитет папы в глазах не только городского, но подчас и сельского населения Папского государства (которое обычно оказывало поддержку властям), говорило отношение к папской булле об отлучении от церкви анконских «мятежников». Показательно, что об этом, разумеется не сговариваясь, почти в одних и тех же словах сообщали в Петербург русские дипломаты из Папского государства. Гагарин из Рима пишет 21 июня (3 июля) 1832 г.: «Булла об отлучении была встречена шиканьем и свистом (в Анконе); по сообщениям из Романьи, она не произвела там никакого впечатления на низшие классы и сельских жителей, на которых как раз очень рассчитывали. В городах она вызвала лишь презрительный смех...»¹⁰⁴. «Марке, Умбрия... близки к взрыву, и булла об отлучении является последним актом, уничтожающим остатки уважения к Святому престолу», — замечает Гагарин спустя неделю¹⁰⁵. Еще через три дня Гуэррацци из Анконы доносит в Петербург: «Папская булла об отлучении вызвала лишь насмешки у жителей городов и даже у большей части крестьянства Романьи. Однако крестьяне Марке в большинстве своем — приверженцы папы»¹⁰⁶.

Несмотря на острую кризисную ситуацию, в которой находилось на протяжении 1831–1832 гг. Папское государство, присутствие там австрийских и французских войск помогло правительству удержать в своих руках власть.

После событий 1831 г. явно усилились реакционные тенденции в политике правительства Тосканского герцогства, где возросло влияние Австрии на великого герцога Леопольда II. Вследствие этого на протяжении 1831–1833 гг. здесь усилились оппозиционные настроения. Это отразилось и на позиции журнала «Antologia», который теперь уделял значительно большее внимание политическим сюжетам. На его страницах публиковались труды деятелей демократического лагеря — Мадзини, Монтанелли, Мейера. В журнале неоднократно появлялись статьи антиавстрийского содержания. Горчаков, признававший литературные достоинства «Antologia» (этот журнал был, по его словам, «единственным периодическим изданием, завоевавшим громкую славу на полуострове и за Альпами»), решительно осуждал его политическое направление.

Журнал, «называющий себя научным и литературным, но использующий любую возможность, чтобы поместить политические рассуждения в либеральном духе», вызывал раздражение русского посланника. Он не раз указывал тосканскому правительству на враждебную позицию «Antologia» в отношении России «во время борьбы поляков». После выступления реакционного официоза Моденского герцогства «Voce della verita», также требовавшего немедленного прекращения издания журнала, в конце марта 1833 г. «Antologia» была запрещена. «Этот факт вызвал в стране большое волнение», — сообщал Горчаков. К своему донесению он приложил листовку, появившуюся во Флоренции на следующий день после закрытия журнала. «Этот журнал, — говорилось в листовке, — который в течение 12 лет был гордостью итальянской литературы, является собственностью нации. Герцог Модены захотел упразднить его. Великий герцог Тосканы трусливо подчинился наместнику Австрии... Либо испугавшись гнева моденского герцога, либо разделяя его ярость по поводу распространения просвещения в Италии... он 26 марта сего года закрыл "Antologia". Это бесстыдство деспотизма уже известно всем... Вся Италия в ужасе от этой позорной новости, она взывает теперь не к жалости, но к отмщению!»¹⁰⁷

В Сардинском королевстве в апреле 1831 г. к власти пришел король Карл-Альберт. Новый монарх сразу же заявил либералам, ожидавшим от него реформ в конституционном духе (его бывшие связи с либеральными кругами, впрочем круто разорванные в период пьемонтской революции 1821 г., давали некоторые основания для подобных надежд), что он не собирается проводить существенных политических преобразований¹⁰⁸. Весьма куцые административные реформы, проведенные на протяжении 30-х годов, мало что изменили в общественном строе королевства. По-прежнему привилегированное положение занимало дворянство. Представителям этого класса принадлежали почти все ведущие посты в административном, церковном и военном аппарате. Идея божественной миссии короля — защитника католической религии, близкая сердцу Карла-Альберта, вела на практике к всевозрастающему влиянию церкви на жизнь королевства. Иезуитские ордена становились все богаче и могущественнее¹⁰⁹.

Внешняя политика Сардинского королевства, резко враждебная Франции, обнаруживала неуклонное стремление к сближению с Австрией — во имя создания заслона против проникновения в Италию революционных идей. Реакционный внутривнутриполитический курс Карла-Альберта проявлялся, в частности, и в том, что новый монарх отказался не только предоставить амнистию, но даже смягчить наказания политическим заключенным.

С приходом к власти Карла-Альберта недовольство существующими порядками усилилось. Особенно остро его проявляли представители буржуазных слоев Генуи, более многочисленные и активные, чем в Турине, издавна приверженные республиканским идеалам. Именно выходцы из Генуи играли наиболее активную роль в итальянском демократическом движении.

Как и в Сардинском королевстве, в Королевстве Обеих Сицилии приход к власти в конце 1830 г. нового короля, Фердинанда II, оживил было надежды либералов на прогрессивные преобразования. Тем более что некоторые сторонники Мюрата и другие политические изгнанники, получив прощение, вернулись в королевство. Они даже попытались добиться от короля проведения ряда реформ¹¹⁰.

В феврале 1831 г., скорее всего под влиянием событий в Центральной Италии, министром полиции Королевства Обеих Сицилии был назначен маркиз Дель Карретто, потопивший в крови восстание 1828 г. в Чиленто. Он приобрел огромное влияние в правительстве. На усиление подпольной заговорщической деятельности (на Юге по-прежнему весьма активную деятельность вели карбонарские организации) и на новые попытки организации восстаний Дель Карретто отвечал террором. Так, волнения в г. Катания (на острове Сицилия) привели к массовым расстрелам. Одиннадцать смертных приговоров были вынесены после раскрытия в сентябре 1831 г. заговора в Палермо. Беспощадно расправились власти с участниками заговоров в Абриццо и Калабрии в 1831 г., в г. Ариано в 1832 г., с группой младших офицеров королевской гвардии, намеревавшихся убить короля, в апреле 1833 г.¹¹¹

Мадзинистское движение в Италии

Ситуация, сложившаяся в итальянских государствах после поражения революции 1831 г., объективно способствовала широкому распространению идей Мадзини и сети организаций «Молодой Италии» по всему Апеннинскому полуострову. Немалую роль в этом процессе сыграли соратники Мадзини, которые по его поручению посещали Италию под видом «путешественников» и налаживали личные контакты с участниками новых организаций, а нередко и проводили прием новых членов. Особенно значительным было число участников «Молодой Италии» в северных и центральных областях страны. Историки не располагают точными данными о численности мадзинистского движения на первом этапе его существования. Один из первых исследователей этого движения — Видаль утверждал (без ссылки на источники), что к 1833 г. «Молодая Италия» насчитывала от 50 до 60 тыс. членов¹¹². По-видимому, происхождение этих явно завышенных данных следует искать в анналах полицейских архивов. Накануне 1833 г. мадзинистское движение представлялось правящим кругам итальянских государств значительно более грозным и широким, чем оно было в действительности. В работах последних лет речь идет, как правило, о нескольких тысячах участников движения¹¹³.

Социальный состав мадзинистского движения был сравнительно однороден. Основные кадры его состояли из представителей, мелкой и средней буржуазии. Особенно многочисленна была прослойка лиц свободных профессий, причем ведущее место в ней занимала молодежь, особенно студенческая. Среди молодежи нередко встречались и выходцы из дворянства. Успешной была мадзинистская пропаганда и среди городских низов. Простая организационная структура и легкость приема

также способствовали тому, что немало их представителей в Северной и Центральной Италии вступали в ряды «Молодой Италии». Так, специальные отделения общества, объединявшие ремесленников, были в Милане, Турине, Флоренции, Риме. В Генуе среди членов организации было много портовых грузчиков и матросов. В организации Сиены было 40 студентов и несколько ремесленников¹¹⁴.

*

В событиях, развернувшихся в Папском государстве на протяжении второй половины 1831—1832 гг., немалую роль играли весьма активные члены «Молодой Италии». Так, в Анконе мадзинистская организация возникла в самом начале 1832 г. После высадки французского десанта по инициативе мадзинистов в городе был создан вооруженный отряд, так называемая «Мобильная колонна», выполнявшая с разрешения генерала Кюбьера функции охраны порядка¹¹⁵.

После восстановления папской власти в Анконе там был арестован один из руководителей местных мадзинистов — Томмазо Галлетти. Документы, захваченные у Галлетти (прежде всего переписка Мадзини с членами анконской ячейки «Молодой Италии»), попали, таким образом, в руки папской полиции. На основании переписки Мадзини с его последователями в Анконе можно судить о большом значении, которое придавал руководитель «Молодой Италии» этой организации, координирующей деятельность мадзинистов по всей области Марке. С ее помощью были созданы ячейки в городах Пезаро, Мачерата, Асколи и Фермо¹¹⁶.

Широко пропагандируемая руководителями «Молодой Италии» идея общенациональной революции находила отклик среди участников подпольного движения в Папском государстве. Об этом свидетельствовал, например, документ, широко распространявшийся в Болонье в конце 1831 г. Суть его сводилась к тому, что пора положить конец изолированным вспышкам и беспорядкам и вести подготовку к восстанию в общенациональном масштабе. «Итальянцы! Наша свобода зависит от нас самих, — говорилось в этом документе, — от объединения всей Италии... Наступит момент, когда вся Италия восстанет в едином порыве»¹¹⁷.

Сторонники Мадзини появились и в столице Папского государства Риме. О тесных связях римских подпольщиков с Мадзини свидетельствуют, в частности, документы, попавшие в руки папской полиции (их копии нередко передавались правительством в русское посольство в Риме). Впервые документы «Молодой Италии» оказались в распоряжении полиции, по-видимому, осенью 1832 г., когда в Риме были арестованы один библиотекарь и несколько адвокатов, обвинявшихся в «революционных происках». Уликами против них послужили захваченные при обыске бумаги¹¹⁸. Папское правительство опубликовало в приложении к газете «Notizie del giorno» от 22 ноября 1832 г. эти документы с соответствующими комментариями. Цель публикации, как несколько дней спустя объяснял новому русскому посланнику в Риме графу Гурьеву кардинал Капаччини, исполнявший временно обязанности

статс-секретаря, состояла в том, чтобы «с помощью этой меры произвести отрезвляющее впечатление на класс собственников, разоблачив в их глазах проекты революционеров, намеревавшихся организовать вооруженные отряды, явная цель которых — грабежи и убийства». Однако, по собственному признанию Капаччини, правительство пожалело об этой акции, так как вместо «отрезвляющего» воздействия это привело «к усилению волнений»¹¹⁹. Среди опубликованных бумаг, в частности, был один из самых ранних учредительных документов «Молодой Италии» — План великой национальной ассоциации во имя освобождения Италии, создание которого относится к концу 1831 г.¹²⁰ Центральное место в этой публикации занимали отрывки из двух писем, посланных Мадзини в Рим одному из руководителей местной конгрегации — Микеле Аккурси (от 27 сентября и 6 октября 1832 г.)¹²¹. В первом письме Мадзини выдвигал перед членами «Молодой Италии» в Риме в качестве первоочередной задачи сбор средств для нужд организации, прежде всего для подготовки к восстанию. Он просил Аккурси вести работу среди городских низов. «В характере этих трастеверинцев (жителей кварталов Рима за Тибром, где в основном обитала городская беднота. — М.К.), которых считают папскими наемными убийцами, имеется, по моему убеждению, элемент, который может дать многое: это — чувство собственного достоинства и гордость по поводу древнего их происхождения. Если можете, — продолжает Мадзини, — обращайтесь к народу в письменной форме. Дела идут очень хорошо, готовьтесь...»

В письме от 6 октября Мадзини снова формулирует важнейшие, по его мнению, задачи, стоящие перед представителем «Молодой Италии» в Риме. «Действуйте еще более активно, помните о народе и прежде всего собирайте средства... Это — единственное, в чем мы нуждаемся. Необходимо приобретать оружие. У вас там есть богачи: пробуждайте их щедрость на благо родины. Мы продвинулись далеко вперед, но без великих жертв мы никогда ничего не сделаем... Итак, собирайте деньги и присылайте их. Мы должны быть готовыми в кратчайший срок и вступить в борьбу, всегда сохраняя в своих руках инициативу. И здесь решающее значение будет иметь план организации вооруженных отрядов... Проповедуйте республиканские принципы. Рим должен быть центром (пропаганды. — М.К.), и я поручаю вам позаботиться об этом... Вовлекайте в движение моряков, которые тянутся к нам. Это — наши лучшие друзья...»¹²² Первое цитируемое нами письмо обнаруживало большое доверие и уважение Мадзини к Аккурси, которого он называл «своим братом». Истинную цену верности этого «брата» Мадзини так никогда и не узнал. Лишь в 1923 г. итальянский историк И.Раньери обнаружил в Ватиканском архиве материалы, свидетельствовавшие о том, что Аккурси в ноябре 1832 г., находясь в тюрьме, стал тайным агентом папской полиции и обязался выдавать правительству все секреты «Молодой Италии», Мадзини и других вождей «секта»¹²³. Провокаторская деятельность Аккурси дорого обошлась римской организации мадзинистов. Многие ее участники по его доносу были арестованы в

начале 1833 г.¹²⁴ Информация этого весьма осведомленного агента (в 1833 г. он стал одним из ближайших сотрудников Мадзини в эмиграции) помогла папскому правительству, а через него правителям Тосканского герцогства и Неаполитанского королевства своевременно раскрыть революционные планы мадзинистов и расправиться со многими членами «Молодой Италии»¹²⁵.

*

В Тосканском герцогстве в 1831 г. широкое распространение получают сочинения Мадзини, документы «Молодой Италии». Флорентийская полиция изъяла несколько экземпляров брошюры «Ночь в Римини» у студента-медика Паоло Пьерони, оказавшегося в результате в тюрьме. Десятки копий мадзинистской «Инструкции для народа» были обнаружены в Пизанском университете¹²⁶. Первые мадзинистские конгрегации появились в Тоскане во второй половине 1831 г. Уже к августу 1831 г. Ливорно наряду с Генуей стал важнейшим опорным пунктом мадзинистского движения в Италии¹²⁷. О широких связях, существовавших между Ливорно и революционным руководством в Марселе, сообщал в Петербург в декабре 1832 г. А.М.Горчаков. По его словам, он неоднократно указывал тосканскому правительству на эту «угрозу», рекомендуя ему быть бдительным¹²⁸.

Студенческая молодежь Пизы была широко вовлечена в движение благодаря пропагандистской деятельности выходца из среды зажиточной торговой буржуазии Пьетро Бастоджи¹²⁹. Весьма активной была также мадзинистская конгрегация Сиены. Избранный ее главой университетский профессор права Марцукки¹³⁰, судя по донесению Горчакова, «излагал в своих лекциях студентам опасные взгляды». Попытка правительства отстранить его от преподавания привела в 1832 г. к студенческим волнениям. «Самые значительные здания Сиены были покрыты надписями в его честь»¹³¹. Даже во Флоренции в различных частях набережной пестрели плакаты со словами: «Да здравствует Марцукки!»¹³². Правительство было вынуждено разрешить ему вести занятия. К 1833 г. деятельность мадзинистов в Тоскане достигла наибольшего размаха. С ней были непосредственно связаны участвовавшие волнения в различных городах герцогства¹³³. Так, в июле 1833 г. молодежь Пистойи, близкая к мадзинистам, сорвала празднество в честь приезда туда великого герцога.

Среди членов «Молодой Италии» в Тоскане были весьма популярны сенсимонистские идеи. Примыкавший к «Молодой Италии» профессор гражданского права Джузеппе Монтанелли, ставший впоследствии одним из виднейших деятелей итальянского демократического движения, основал в Пизе «сенсимонистскую церковь», члены которой на своих собраниях обсуждали «великие социальные проблемы». Эта организация приступила к изданию в начале 1833 г. еженедельника «для народа» «Educatore del povero» («Воспитатель бедняка»). Возглавил журнал, вскоре закрытый властями (вышли в свет всего два номера), мадзинист Мейер¹³⁴. Против социальной системы, порождающей нищету, был направлен пафос «Манускрипта узника», созданного в тюрьме другом

Мадзини Карло Бини (он был арестован в Ливорно в сентябре 1833 г.)¹³⁵. В значительном числе подпольных листовок и брошюр идеи демократии, республики и единства трактовались в неразрывной связи с обличением тяжелых условий существования трудящихся классов¹³⁶. Так, в памфлете, распространенном по Флоренции в ночь с 31 декабря на 1 января 1834 г. говорилось о «непомерной расточительности и пышности монарха, в то время как народ изнемогает от голода и холода...»¹³⁷.

Как выяснилось из материалов судебного процесса 1833 г. над мадзинистской ячейкой в Пистойе, ее члены вели работу не только среди городской бедноты, но и среди крестьянства. В судебном приговоре говорилось, что заговорщики пытались «подчинить себе и вовлечь в секту "Молодой Италии" крестьян». Эта организация «делала все возможное, и небезуспешно, чтобы распространить свое влияние также на близлежащие деревни»¹³⁸. Показательно, что среди документов, изъятых (полицией у арестованных, наряду с мадзинистскими материалами имелись переведенные на итальянский язык статьи из «Revue encyclopedique» за 1831 год¹³⁹. Деятельность тосканских мадзинистов приносила свои плоды. Так, по данным флорентийской полиции, в Сиене и провинции среди 195 членов «Молодой Италии» было 32 ремесленника и 47 лиц с неопределенной профессией, скорее всего из городских «низов»¹⁴⁰.

Работу по вовлечению городской бедноты Ливорно в демократическое движение осуществляли не только члены «Молодой Италии», но и чрезвычайно активная там «семья» «Истинных итальянцев»¹⁴¹. Близость целей и методов борьбы членов «Молодой Италии» и «Истинных итальянцев» в Тоскане можно обнаружить на примере деятельности виднейшего представителя организации «Истинные итальянцы» в Ливорно Карло Гуитера. Участник революции 1831 г. в Болонье, Гуитера затем эмигрировал во Францию, где вступил в общество «Истинные итальянцы». После возвращения в Ливорно он в январе 1833 г. создал там «семью» № 17, одновременно сотрудничая с местными мадзинистами. В феврале возникла еще одна «семья», № 12, организованная молодым адвокатом Минутелли, связанным, как и Гуитера, с «Молодой Италией». В тот же период две «семьи» «Истинных итальянцев» были основаны и во Флоренции¹⁴².

По своему содержанию документы тосканских ячеек «Истинных итальянцев» нередко оказывались весьма близкими к мадзинистским идеям. Важнейшей целью борьбы в них, так же как и у «Молодой Италии», выдвигалось создание единой демократической Итальянской республики. Умеренно либеральные конституционные проекты подвергались суровой критике. Вместе с тем в этих документах более отчетливо, чем у мадзинистов, подчеркивалась необходимость социальных преобразований. В одном из документов «семьи» № 17, к примеру, говорилось: «Только революция сможет отнять у аристократии все ее привилегии; тогда закон и равенство придут на смену царящему теперь грубому произволу, недопустимым привилегиям. Революция освободит всех нас от классовых различий, землю — от провинциальных

границ, промышленность — от корпоративных преград, сельское хозяйство — от притеснения десятин; только революция приведет наконец к созданию единого государства, единого права, единого народа»¹⁴³.

В конце августа 1833 г. в руках полиции оказалось письмо Мадзини, адресованное его флорентийским последователям. В нем шла речь о необходимости подготовки к общеитальянскому восстанию, час которого близится. Правительство отдало распоряжение о немедленном аресте вождя «Молодой Италии» в случае его появления в Тоскане¹⁴⁴. В Ливорно было широко распространено описание его примет. По всей стране начались аресты людей, подозревавшихся в связях с «женевским комитетом»¹⁴⁵. В тюрьму попали многие мадзинисты¹⁴⁶. В те же дни были арестованы представители общества «Истинные итальянцы», в том числе и Карло Гуитера. Захваченные у них документы, содержавшие «коммунистические» идеи, вызвали особую тревогу правительства. В отличие от мадзинистов, отбывавшихся несколькими месяцами тюремного заключения, «Истинные итальянцы» получили значительно более суровые приговоры. Так, Гуитера был приговорен к пяти годам каторжных работ. После двухлетнего заключения ему разрешено было выехать в Париж¹⁴⁷.

*

Мадзинистское движение широко распространилось и в Ломбардии. Самой крупной организацией «Молодой Италии» здесь стала миланская конгрегация, возникшая осенью 1831 г. В начале 1832 г. нити организации протянулись в провинции Бергамо и Брешию. Значительную деятельность развернули в тот же период ячейки «Молодой Италии» в Кремоне, Мантуе и Павии¹⁴⁸. Особенно активно вовлекалась в движение молодежь (студенты миланской консерватории, университета в г.Павия и др.)¹⁴⁹. От ее имени в журнале «Молодая Италия» (№ 5) было опубликовано обращение, где выражалась готовность участвовать в революции, когда к этому призовет руководство «Молодой Италии»¹⁵⁰.

Руководители «Молодой Италии» придавали большое значение пропаганде своих идей среди народных масс. Как показали материалы судебного процесса 1833 г. в Милане над ломбардскими мадзинистами, брошюры Г. Модены из серии «Народное образование» были очень популярны в Ломбардии. Один из членов «Молодой Италии» свидетельствовал: «"Народный катехизис" Густава Модены прошел через множество рук. Его повсюду жадно искали и изучали. В праздничные дни в самых дальних сельских уголках... его разъясняли крестьянам»¹⁵¹. Нередко пропагандистская работа велась с помощью низшего духовенства. Многие приходские священники в Ломбардии были членами «Молодой Италии». Особенно активно участвовали в деятельности мадзинистских организаций студенты духовных семинарий, охваченных, по свидетельству современника, «революционным заговором»¹⁵². Работа ломбардских мадзинистов среди масс (не только городских, но и сельских) привела к тому, что немалое число ремесленников и крестьян было вовлечено в ряды «Молодой Италии». Так, в материалах миланского

процесса фигурировало имя некоего Пьяццони из Понтиды, который вел успешную пропаганду в долинах провинции Бергамо. «Он был весьма активен в работе среди горцев и жителей сел: кажется, он один смог привлечь около 400 крестьян...» Один из самых деятельных членов «Молодой Италии» в Кремоне — Луиджи Тентолини привлек в ряды этой организации арендаторов нескольких мелких сельских районов. Этот факт вызывал особую озабоченность властей потому, что арендаторы «оказывали сильное влияние на батраков и наемных сельскохозяйственных рабочих». В самом Милане, где, как указывалось на процессе, было около 3 тыс. членов «Молодой Италии», значительная часть их состояла из ремесленников и других представителей городского «плебса». Париде Зайотти, главный следователь, ведший процесс мадзинистов, с горечью признавал «широкое распространение в Милане "Молодой Италии", которая в своих преступных планах охватывает все без различия классы, не гнушаясь спускаться к самым низшим слоям»¹⁵³.

Агитация мадзинистов проникла даже в австрийскую армию. «Австрийское правительство, вероятно впервые, обнаруживает в рядах своей армии лиц, замешанных в политическом преступлении», — сообщал в донесении своему правительству французский консул в Милане в сентябре 1833 г.¹⁵⁴

*

В центре внимания Мадзини в начале 30-х годов оказалось Сардинское королевство, которое представлялось ему наиболее вероятным очагом всеобщего восстания, намеченного им на 1833 год. Излагая позднее в «Автобиографических заметках» соображения, подтолкнувшие его к такому решению, Мадзини отмечал, что в Сардинском королевстве имелись значительные запасы оружия, жители его отличались высокой моралью и привычкой к дисциплине. Кроме того, революционный взрыв здесь явился бы открытым вызовом Австрии, неизбежное вмешательство которой в итальянские дела привело бы к развязыванию общенациональной войны¹⁵⁵.

Главным центром движения в Сардинском королевстве была родина Мадзини Генуя, где создателями мадзинистской организации (одной из первых появившейся в Италии во второй половине 1831 г.) стали ближайшие друзья Мадзини — братья Руффини и Джузеппе Элиа Бенца. Среди участников организации были молодые люди из различных социальных слоев — буржуазии, дворянства¹⁵⁶.

Особое внимание руководители общества уделяли контактам с трудящимися. Так, осенью 1832 г. произошел знаменательный эпизод братания между несколькими членами «Молодой Италии» — дворянами и группой портовых грузчиков¹⁵⁷. Вести такого рода, доходившие до Мадзини (нередко сильно преувеличенные, поскольку вдохновленные своими успехами мадзинисты подчас выдавали желаемое за действительное), дали ему основание утверждать, что в Генуе в начале 1833 г. все было готово к революции¹⁵⁸. Генуэзскую организацию, пользовавшуюся его полным доверием, он считал образцовой и рекомендовал другим организациям Сардинского королевства брать с нее

пример¹⁵⁹.

Вторым значительным опорным пунктом мадзинистов была главная крепость Пьемонта Александрия. Многочисленная и деятельная александрийская конгрегация состояла преимущественно из военных — младших офицеров и солдат. Руководителем ее был участник пьемонтской революции 1821 г. адвокат Андреа Вокьери.

В остальных центрах королевства, и прежде всего в его столице Турине, влияние «Молодой Италии» на подпольное движение было менее значительным. Это объяснялось прежде всего тем, что здесь наряду с мадзинистами активно действовали другие организации. Наиболее авторитетными среди них были умеренно либеральное общество «Независимые», возглавлявшееся организатором первой Савойской экспедиции 1831 г. Карло Пизани Досси, и карбонарская организация, руководимая адвокатом Бадариотти¹⁶⁰.

«Молодая Италия» была популярна среди определенной части пьемонтского духовенства. Известно, что К ней был близок (хотя формально и не состоял ее членом) молодой священник Винченцо Джоберти, ставший в начале 1833 г. капелланом при дворе Карла Альберта. В 6-м номере «Молодой Италии» было опубликовано письмо Джоберти к издателям журнала, озаглавленное «О республике и христианстве». Главная мысль этой публикации, как и статьи другого пьемонтского священника — Паоло Паллиа «Мысли итальянского теолога», также напечатанной в этом номере, состояла в том, что национальное демократическое движение не противоречит христианской религии¹⁶¹. Считая деятелей «Молодой Италии» своими «друзьями и братьями», «товарищами по оружию», Джоберти в этом письме в следующих словах отзывался об их деятельности: «Ваших сочинений, вашего тяжкого труда, поразительной находчивости, величия чувств, вашей безграничной стойкости духа в горестях и лишениях печального изгнания — всего этого более чем достаточно, чтобы вас прославить. Любовь и благословение всех добрых граждан отданы вам. Вами восхищаются иностранцы, которые, видя вас или узнавая о вашей деятельности и читая ваши сочинения, начинают понимать, что Италия еще жива. Потомки будут славить вас и восхищаться вами. Самую большую честь делает вам ненависть подлецов и негодяев...»¹⁶².

В ходе подготовки к революционному восстанию мадзинисты Пьемонта считали одной из центральных задач привлечение на свою сторону армии. Еще в июне 1832 г. Мадзини писал Якопо Руффини в Генуе: «Позаботьтесь о войске... Следует вовлекать в движение сержантов, капралов и т.д. и т.п., вплоть до капитанов»¹⁶³. Ставка делалась, таким образом, на младших офицеров, от которых больше всего зависело, на чьей стороне окажутся солдаты после того, как начнется революция.

Интересный пропагандистский документ, циркулировавший в пьемонтской армии, попал в руки А.Строганова, который отправил его в Петербург (осенью 1833 г.) со следующим комментарием: «Члены "Молодой Италии"... применяют все средства, чтобы побудить военных к

неподчинению. Солдатский катехизис, составленный ими и изданный в Лугано и Женеве ловко внушает солдату, что он не должен подчиняться несправедливым или незаконным приказам»¹⁶⁴. Этот документ представляет собой маленькую брошюру из восьми страниц, содержащую диалог между капитаном и солдатом, — «Инструкция для молодых военных». Разъяснив солдату, что он рожден свободным, как и все остальные люди, капитан обвиняет монархов в том, что они, «используя то коварство, то силу, подчиняют своей власти себе подобных и, таким образом, подавляют и порабащают нас. Но знай: бывали другие эпохи, когда счастливейшие народы жили без тиранивших их королей и князей...».

Солдат спрашивает капитана, нельзя ли рассказать королю о всеобщем недовольстве и убедить его в необходимости преобразований, которые «сделали бы людей из всех классов совершенно равными перед законом?»

Капитан утверждает, что это невозможно, и ссылается на опыт прошлых лет. Но даже если бы король согласился на предоставление конституции (что, по его мнению, нереально), то этого не допустила бы Австрия, «наш первый тиран и главный враг...».

Опыт Польши, замечает далее капитан, показывает, что «нельзя верить обещаниям монархов... нет, нет, никогда больше не должно быть королевской власти, необходима республика, без которой мы не сможем быть счастливыми».

В заключение капитан призывает всех граждан объединиться в «справедливом, священном движении во имя родины», и тогда «мы осуществим великое дело и сможем наконец торжественно воскликнуть: "Да здравствует свобода! Да здравствует Италия!"»¹⁶⁵.

Мадзинистская пропаганда в армии дала существенные результаты. «Нам удалось наладить связь почти со всеми полками, — писал Мадзини в «Автобиографических заметках», — создать в некоторых из них группы наших сторонников и завербовать многих приверженцев в артиллерийских частях, охранявших арсеналы в Генуе и Александрии...»¹⁶⁶. Значительными были силы сторонников «Молодой Италии» в военных частях Ниццы и Савойи. В казармах Шамбери, центре Савойи, с февраля 1833 г. мадзинисты вели активную деятельность, поскольку этому городу, расположенному вблизи французской границы, в грядущей революции придавалось особенно важное значение.

Практические шаги по подготовке к революции предпринимались мадзинистами во всех важнейших центрах Сардинского королевства. Начало революции Мадзини намечал на конец мая — начало июня 1833 г. Сигналом должно было послужить восстание в Генуе. Предполагалось, что восстание распространится затем по всему королевству, охватит Тосканское герцогство и Неаполитанское королевство. С помощью революционных сил и пьемонтской армии Мадзини намеревался организовать антиавстрийский поход на север Италии для освобождения Ломбардо-Венецианской области¹⁶⁷.

В феврале 1833 г. наряду с публикацией в 5-м номере журнала

«Молодая Италия» статьи Мадзини «О повстанческой войне» руководство федерации издало циркуляр, посвященный грядущей революции. «Момент восстания, который мы стремились приблизить своими делами и советами, должен вот-вот наступить...» – говорилось в этом документе. Авторы циркуляра (Мадзини, Бьянко, Пеполи, Босси, Реджис и Чани) подчеркивали, что в восстании должны, помимо армии, участвовать широкие массы народа, которым необходимо оружие. Для того чтобы добыть оружие, нужны деньги. Циркуляр призывал итальянцев пожертвовать средства для приобретения оружия¹⁶⁸.

Сардинское правительство еще с 1831 г. установило надзор за целым рядом лиц, подозревавшихся в связях с Мадзини. Сведения о деятельности мадзинистов и их намерениях оно получало от информаторов, проникавших в ряды «Молодой Италии». Такие агенты имелись почти у всех итальянских правительств и, разумеется, у Австрии. Папское правительство, располагавшее информацией от упоминавшегося выше Аккурси, передавало Карлу-Альберту все данные, касавшиеся Сардинского королевства. Таким образом, к началу 1833 г. властям было известно многое о деятельности мадзинистов. Однако о намечаемых сроках восстания и подлинных размерах влияния «Молодой Италии» в армии они узнали лишь в конце апреля 1833 г., после ареста сержанта гренадерского полка в Генуе Аллеманди, который сообщил на допросе, что каптенармус Сакко предлагал ему примкнуть к заговору, организованному «Молодой Италией»¹⁶⁹. Подробности, касавшиеся планов готовившегося восстания, выдал властям арестованный вслед за Аллеманди Сакко¹⁷⁰. Последовавшая за этими первыми признаниями активнейшая деятельность пьемонтских военных властей и полиции привела к новым арестам и новым признаниям. Аресты прошли в Генуе, Шамбери, Алессандрии и Турине¹⁷¹.

Приговоры, вынесенные в Сардинском королевстве в результате судебных процессов над мадзинистами (продолжавшихся с 20 мая по 13 июня 1833 г.), были беспрецедентными для Италии того времени по своей жестокости. Примечательно, что Карл-Альберт, стремившийся «преподать суровый урок заговорщикам» и вместе с тем доказать внешнему миру «свою полную непричастность к сектам»¹⁷², активно вмешивался в процесс ведения следствия, настаивая на самых суровых мерах наказания. Решением суда был вынесен 21 смертный приговор, 28 человек были приговорены к каторжным работам¹⁷³. Героически встретил смерть алессандрийский адвокат Андреа Вокьери. «Я умираю спокойно, – писал он перед казнью, – потому что я смог промолчать и не выдать своих братьев... Я умираю спокойно, потому что я остался искренним и верным сыном "Молодой Италии"»¹⁷⁴. На могиле Вокьери вскоре появился венок, перевитый лентой со словами: «Мученику "Молодой Италии"»¹⁷⁵.

Процессы в Пьемонте обнаружили со всей очевидностью, что «Молодая Италия» была не просто кучкой эмигрантов, но реальной политической силой, имевшей многочисленных сторонников, готовых пожертвовать жизнью во имя ее идеалов. Мадзини, тяжело переживавший провал революционных планов (скорбь его усугубилась

потерей друга, Якопо Руффини, покончившего в тюрьме жизнь самоубийством), не пал, однако, духом. «Не нужно думать, что все кончено, – писал он в тот период. – "Молодая Италия" способна справиться и с этой, и с любой другой бедой»¹⁷⁶. Он приступил к выработке нового плана восстания. Еще в конце мая 1833 г. французский министр внутренних дел сообщал министру иностранных дел о том, что восстание в Пьемонте было отложено из-за правительственных репрессий и что «Молодая Италия» рассылает циркуляры, где она повторяет, что подготовка продолжается, но движение должно начаться теперь в Неаполе¹⁷⁷.

*

К выводу о том, что центр итальянской революции должен переместиться на Юг¹⁷⁸, Мадзини пришел не только под влиянием неудачи в Пьемонте. По сведениям, которые он получал из Южной Италии, создавалось впечатление о чрезвычайно широком распространении там освободительного движения. Назывались цифры до 70 тыс. его участников¹⁷⁹. По справедливому замечанию Делла Перуты, в формировании подобных представлений большую роль играли воспоминания о массовом размахе карбонарского движения в 1820 г., чем реалистический анализ современной ситуации¹⁸⁰.

Мысль о первостепенном значении Юга в общеитальянской революции была в тот период широко распространена в кругах итальянской эмиграции. Так, в 1833 г. в Париже появилась брошюра крупного деятеля освободительного движения Гульельмо Пепе «Записка о средствах, которые ведут к итальянской независимости». В этом сочинении Пепе утверждал, что борьба за свободу Италии может быть успешной только в том случае, если будет правильно выбрана область, которая станет центром борьбы. Эта область должна представлять «бесчисленные опасности для интервентов, дать итальянцам возможность добиться успеха... и выиграть время для подготовки к обороне. Такая область – Королевство Обеих Сицилии». Удаленность от Австрии, прикрытие Аbruцкими горами представлялись Пепе важнейшим доводом в пользу такого выбора¹⁸¹.

Что же представляло собой на деле освободительное движение Королевства Обеих Сицилии? Главной силой движения, как и в прошлое десятилетие, здесь оставались карбонарии. Это обстоятельство и оказалось основным препятствием на пути распространения мадзинизма в Южной Италии. Лишь со второй половины 1833 г. Мадзини удалось установить контакты (через его представителей, «путешественников», и южных эмигрантов) на Юге. Появились первые конгрегации – в Неаполе и в Аbruццах (прежде всего в г.Аквила). Членами неаполитанской организации были адвокаты Джузеппе Маури и Джеремиа Мацца, ученый-экономист Джузеппе Романо. Среди сторонников Мадзини в Аbruццах – известные деятели освободительного движения на Юге маркиз Луиджи Драгонетти и Пьер Сильвестро Леопарди¹⁸².

Однако даже эти деятели, вступившие в тесный контакт с Мадзини и его сподвижниками, сохраняли свою политическую и организационную

независимость от руководства «Молодой Италии». Не принимая полностью программу Мадзини (в большинстве своем они были сторонниками независимой от иностранцев федерации государств, а не единой республики), они согласились с мадзинистским планом организации восстания, в котором Неаполю уделялась первостепенная роль¹⁸³.

Контакты Мадзини с деятелями на Юге осуществлялись двумя путями: либо через его представителей, посещавших королевство, либо путем переписки, которая шла через Анкону. Захваченные при аресте анконского мадзиниста Галлетти документы (о которых мы уже упоминали) в основном как раз и состояли из писем Мадзини к его последователям в Анконе, предназначенных для передачи на Юг, и из ответов деятелей анконской организации. Копии всех материалов, оказавшихся в руках папской полиции, были переданы правительством Григория XVI не только неаполитанскому правительству, но также царскому и австрийскому посланникам в Риме. Среди бумаг Галлетти находилась «Инструкция по организации гверильи», отправленная Мадзини в Абрुццы и в Анкону. Жителю Абруцц Маттео Костантини, по прозвищу «Шаболоне» («Задира»), находившемуся в Анконе, поручалось возглавить партизанские отряды в Марке и Романье и начать действовать, как только вспыхнет восстание в Неаполе, с тем чтобы распространить революцию на всю Центральную Италию и помешать австрийцам быстро двинуться на Неаполь¹⁸⁴.

Из письма Мадзини от 31 июля 1833 г. ясно, что восстание в Неаполе было намечено на ближайшие дни; задача состояла, по словам Мадзини, в том, «чтобы добыть как можно больше средств, ибо от этого зависит размах движения и, следовательно, судьба всей Италии... Горе нам, если движение не распространится быстро и энергично от одного конца полуострова до другого»¹⁸⁵.

Мадзини напряженно ждет вестей из Неаполя. Наконец сообщается срок восстания — 11 августа. Мадзини полон надежд. Он пишет в те дни: «Знак к итальянскому восстанию дан. Борьба начинается. Тот, кто не сумеет быть ему полезным, будет опозорен в глазах своих братьев! Неаполитанское восстание — это не местное движение и не безнадежная попытка. Это — начало общеитальянской революции...»¹⁸⁶. «...Через несколько дней неаполитанского наступления вся итальянская земля от мыса Фаро до реки По должна быть освобождена»¹⁸⁷.

Однако в самом Королевстве Обеих Сицилии события развивались не так, как это представлялось издали Мадзини. Неаполитанское правительство заранее было осведомлено о готовящихся выступлениях. Источником этих сведений был прежде всего Аккурси. Неаполитанский представитель в Риме граф Людольф получал копии его донесений и пересылал их своему правительству¹⁸⁸. В Неаполе были известны и планы Мадзини, и имена членов мадзинистских конгрегаций. Еще в июне 1833 г. российский посланник в Неаполе Штакельберг, ссылаясь на захваченные австрийскими властями документы, говорил о заговоре, охватившем всю Италию, включая Неаполитанское королевство. Руководит

«поджигательной деятельностью» в королевстве неаполитанская конгрегация, связанная с провинциальными организациями. Обо всем этом, писал Штакельберг, было сообщено королю Фердинанду II во время беседы с ним министров. «Министры настаивали на том, что жизни короля угрожает опасность. Они заявили, что готовящаяся революция не будет носить такой характер, как революция 1820 г. (т.е. конституционно-монархический. — М.К.), но будет направлена против монархов, т.е. по образцу событий 1793 г. в Париже затопит все кровью»¹⁸⁹.

Агентурные сведения подкреплялись информацией о расширении заговорщической деятельности в стране. Из Аквилы приходили вести о найденных на улицах города листовках, где говорилось о готовности его жителей присоединиться к грядущей революции. Были обнаружены переписанные руками студентов экземпляры журнала «Молодая Италия». Трое студентов в связи с этим были арестованы. В конце июля полиции стал известен конкретный план восстания в Абруццах. Правительством были предприняты меры для охраны порядка: в каждой провинции были созданы чрезвычайные комиссии. Конные и пешие отряды жандармерии патрулировали по всему королевству¹⁹⁰. С начала августа были произведены многочисленные аресты. Были арестованы, в частности, связанные с Мадзини адвокаты Маури и Мацца, 15 человек в Абруццах, в том числе маркиз Драгонетти, Пьер Сильвестро Леопарди и др.¹⁹¹ Однако ни судебного процесса, ни жестоких расправ с арестованными не последовало. В большинстве своем они лишь были изгнаны из королевства. Причины такой «мягкости» неаполитанского правительства следует искать, разумеется, не в «либерализме» Фердинанда II, как это казалось в те дни напуганным угрозой революции представителям России и Австрии в Неаполе¹⁹².

Это объяснялось прежде всего стремлением не предавать гласности подробности заговора, так как это могло вызвать угрозу австрийской интервенции (как это случилось в 1821 г.)¹⁹³. Кроме того, неаполитанское правительство хотело избежать обострения внутренних противоречий в стране. При этом властям, по-видимому, было ясно, что силы заговорщиков невелики. Готовились к выступлению лишь некоторые круги интеллигенции и военных, тогда как основная масса населения оставалась пассивной.

Итак, восстание в Неаполитанском королевстве, на которое Мадзини возлагал столь большие надежды, не состоялось. И дело было не только в превентивных мерах, предпринятых правительством, хотя именно эту версию принял Мадзини, а за ним — большинство историков¹⁹⁴. Гораздо существеннее было то обстоятельство, что масштабы движения на Юге и степень его готовности к тому, чтобы стать инициатором общеитальянской революции, были на деле значительно меньшими, чем сообщали Мадзини его южные корреспонденты. Не располагая иными источниками информации, он не мог реалистически оценить обстановку.

Мадзини долго не мог примириться с мыслью о том, что утрачены надежды на восстание в Неаполе. В сентябре 1833 г. он писал своим неаполитанским сторонникам: «Необходимо действовать. Движению в

королевстве, охватывающему 60–70 тыс. участников, не могут помешать несколько арестов... Революция — это Архимедов рычаг; дайте ей точку опоры, и она приведет в движение небо и землю... Бездействие убивает нас, разочарование слишком велико»¹⁹⁵.

*

Неудачные попытки организовать восстание на Севере и на Юге не заставили Мадзини отказаться от нового проекта. Осенью 1833 г. он приступил к подготовке второй Савойской экспедиции. Предполагалось, что отряд, состоящий из находившихся в Швейцарии эмигрантов (итальянцев, поляков и немцев), вторгнется в Сардинское королевство и этим вызовет восстание внутри страны и свержение Карла-Альберта. Одновременно должны были восстать жители Королевства Обеих Сицилии, а затем и Папского государства, в котором самая активная роль предназначалась анконской «мобильной колонне». Эти вооруженные отряды должны были начать партизанскую войну. Далее в борьбу, по плану Мадзини, следовало вступить республиканцам Тосканского герцогства¹⁹⁶.

Однако даже среди сторонников Мадзини в тот период уже возникали сомнения в осуществимости этого предприятия. Так, один из руководителей пьемонтских мадзинистов в октябре 1833 г. писал активно участвовавшему в подготовке экспедиции Л.Мелегари: «...внимательно относитесь к тому, что вы делаете. Нынешний момент не представляется мне самым подходящим... Друзья наши несколько обескуражены, враги — более внимательны и бдительны, чем когда-либо... Важно еще раз хорошо подумать о том, что вы делаете. "Молодая Италия" все еще пользуется огромным доверием... Ее могущество — хотя скорее моральное, чем физическое — поможет нам добиться больших успехов: только надо быть очень осторожными, чтобы не разрушить его... Ложный шаг, сделанный не вовремя или с негодными средствами, может уничтожить могучее сооружение»¹⁹⁷.

Военное командование экспедицией было поручено генералу Джероламо Раморино, участнику польской революции 1831 г. Согласившись занять этот пост, Раморино вместе с тем проявлял крайнюю пассивность. Всю подготовительную работу вел Мадзини. 26 января 1834 г. группа поляков двинулась из Берна к савойской границе. 30 января из Парижа в Женеву прибыл Раморино, не приведя, однако, с собой обещанных им людей, без оружия и лошадей, на приобретение которых ему были даны средства.

Между тем оживление на савойской границе было замечено сардинским и швейцарским правительствами, предупрежденными к тому же о предстоящей экспедиции папскими властями, которые получали детальную информацию от Аккурси¹⁹⁸. Местные власти пограничных кантонов задержали и разоружили колонну польских и немецких эмигрантов. В результате на месте сбора Раморино застал лишь небольшую группу участников экспедиции. Несмотря на требования Мадзини, Раморино отказался двигаться дальше и 3 февраля 1834 г. распустил свой отряд. Другая группа участников экспедиции,

двигавшаяся из Гренобля, все же проникла в Савойю, но была обстреляна и рассеяна карабинерами¹⁹⁹.

Савойская экспедиция окончилась, таким образом, полным провалом. Мадзини видел причину ее крушения в предательстве генерала Раморино, поставленного во главе экспедиции. На деле же главной причиной неудачного исхода экспедиции было отсутствие в Сардинском королевстве сил, готовых в тот период активно поддержать это выступление. Надежды Мадзини на восстание в Генуе, где революционный фермент был более значительным, чем в других частях королевства, также оказались несостоятельными. В подготовке к этому восстанию принимал деятельное участие 27-летний моряк из Ниццы Джузеппе Гарибальди. Незадолго до того, в апреле 1833 г., он был принят в «Молодую Италию» и с этого времени стал страстным борцом за дело независимой единой Италии. В июне 1833 г. он познакомился с Мадзини. После провала восстания в Генуе в феврале 1834 г. Гарибальди удалось ускользнуть от ареста (заочно он был приговорен сардинскими властями к смертной казни) и уехать во Францию. Вскоре он отправился в Латинскую Америку, где доблестно сражался за независимость южноамериканских республик (Риу-Гранди и Уругвая) вплоть до начала революции 1848 г. в Италии.

В период подготовки второй Савойской экспедиции произошел окончательный разрыв между Мадзини и Буонарроти. Идеиные разногласия лежали в основе неоднократных столкновений между ними на протяжении 1831–1833 гг. Буонарроти пытался предотвратить неосмотрительные и преждевременные попытки мадзинистов поднять восстание и призывал их сосредоточить усилия на пропагандистской работе. С этой целью он согласился на подписание в сентябре 1832 г. соглашения между «Молодой Италией» и «Истинными итальянцами». Но это обстоятельство не устранило все нараставших противоречий между Буонарроти и Мадзини. Буонарроти резко отрицательно отнесся к планам организации Савойской экспедиции. Он утверждал, что это предприятие обречено на провал, поскольку в тот момент в Италии отсутствовали объективные условия для революции, и призвал своих сторонников не участвовать в экспедиции. После 1834 г. отношения между Буонарроти и Мадзини были прерваны окончательно (Буонарроти умер в 1837 г.).

Практическая несостоятельность этого последнего предприятия Мадзини, справедливо осужденного Буонарроти, не вызывает сомнений. Вместе с тем идея создания интернационального отряда единомышленников, движимых общей целью создать единую республиканскую Италию, имела большое принципиальное значение. Это осознавал и сам Мадзини. «В этом савойском предприятии было заключено зерно будущего... программа европейского братства...»²⁰⁰ — указывал он в письме к Джоберти от 15 сентября 1834 г.

Твердость убеждений, непоколебимая вера Мадзини в конечный успех его дела помогали ему стойко переносить неудачи. В последнем номере «Молодой Италии», накануне роспуска организации, в обращении «К итальянской молодежи» Мадзини доказывал, что неудача Савойской

экспедиции не означает идейного краха «Молодой Италии». К этому обращению он предпослал эпиграф из «Слов верующего» Ламенне: «Сразу вы не победите, — говорилось в нем. — Даже если ваши надежды будут терпеть крушение не семь раз, а семьдесят раз по семь, никогда не теряйте надежды»²⁰¹. Однако Мадзини ясно понимал, что неудачный исход попыток организовать восстание в 1833–1834 гг. нанес серьезный ущерб итальянскому демократическому движению, способствовал ослаблению его влияния в Италии. Тем не менее в течение некоторого времени он еще стремился восстановить связи с сохранившимися на местах организациями «Молодой Италии». Об этом свидетельствуют многие письма той поры его сторонникам в Италии. «Когда предпринята неудачная попытка восстания, — говорилось в одном из них, относившемся к августу 1834 г., — следует оглянуться вокруг, заглянуть в самого себя, сосредоточенно подумать, выявить и признать свои ошибки, понять их происхождение и искать пути для их исправления, а затем все начинать сначала — и в третий раз, и в четвертый, до тех пор, пока не добьешься успеха. Наше дело — борьба, борьба насмерть, тайная борьба, которая ведется годами, веками. Неужели вы надеялись выиграть первую же битву?»²⁰²

В ноябре 1834 г. Мадзини обратился к своим единомышленникам в Ломбардии со следующими практическими рекомендациями: «Работайте во имя родины над тем, чтобы вдохнуть в души людей веру. Ведите работу среди народа, которым до сих пор слишком часто пренебрегали. Организуйте осторожно, но упорно работу в провинциях... Говорите людям, что наши намерения — это претворение в жизнь христианского учения применительно к обществу... Говорите народу о его тягостном положении, о нищете, в которой он пребывает, о множестве косвенных налогов, о бесчисленных таможенных барьерах между государствами, препятствующих свободному использованию продуктов своей родины, о рекрутских поборах, об огромном имущественном неравенстве, о монархе, сосущем у них кровь... Расскажите народу о тех преимуществах, которые даст ему революция в распределении привилегий, в деле свободного развития промышленности и торговли, поощрения мануфактуры (путем понижения цен на сырье), широкого и хорошо продуманного развертывания общественных работ, отмены косвенных налогов на потребление и т.д. ... Революция даст народу право отстаивать свои интересы, выбирать своих уполномоченных, участвовать в выработке законов, получать образование, добиваться правового равенства...»²⁰³.

Таким образом, неудачи в деле организации революционных выступлений в Италии наталкивали Мадзини на мысль о необходимости акцентировать внимание на социальной проблематике, активнее вовлекать в борьбу итальянских трудящихся. Эта идея, как мы увидим ниже, явилась одним из ведущих принципов Мадзини при возрождении «Молодой Италии» в конце 30-х годов.

1 Mazzini G. Scritti editi ed inediti (далее: Mazzini G. S.E.I.) vol 1— 94; Appendice,

vol.1—6. Imola, 1906—1943; vol.77, p.30.

2 Mastellone S. Mazzini e la «Giovine Italia» (1830—1834). Pisa, 1960, vol.1, p.126—131.

3 Ibid., p.129.

4 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.135.

5 Galante Garrone A. Mazzini in Francia e gli inizi della «Giovine Italia». — In: Mazzini e mazzinianesimo. Atti del 46 congresso di storia del Risorgimento italiano (Geneva, 24—28 sett. 1972). Roma, 1974, p.213—214.

6 Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX века. AL, 1975, с.121.

Текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

7 Galante Garrone A. Mazzini in Francia..., p.231—232.

Galante Garrone A. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento (1828—1837). Torino, 1951, p.325.

9 Mastellone S. Op.cit., vol.1, p.87.

10 Mazzini G. S.E.I., vol.5, p.17.

11 Ibid., p.26—31.

12 Ibid., p.70—71.

13 Scrittori politici dell'Ottocento. A cura di F. Delia Peruta. vol.1. G. Mazzini e i democratici. Milano; Napoli, 1969, p.211.

14 Канделоро Дж. История современной Италии. т.2. От Реставрации до национальной революции. М., 1962, с.243.

15 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.17—41. Подробнее об идейном содержании этого документа и других работ, опубликованных Мадзини в 1831—1833 гг., см. стр. 66—83.

16 Delia Peruta F. Mazzini e i rivoluzionari italiani. Il «Partito d'azione». 1830—1845. Milano, 1974, p.90.

17 De Sanctis F. Mazzini e la scuola democratica. — In: Opere, 21 vol.Torino, 1951, 1951—1965, vol.12, p.67.

18 Delia Peruta F. Op.cit., p.70.

19 Mazzini G. S.E.I., vol.5, p.132.

20 В наши дни журнал «Молодая Италия» стал библиографической редкостью. В Италии имеются всего два комплекта журнала: один — в Библиотеке новой и новейшей истории в Риме и второй, неполный — в Институте Мадзини в Генуе (Ravenna L. Il giornalismo mazziniano. Firenze, 1967, p.11). В СССР, в Отделе редкой книги Государственной библиотеки им. Ленина, хранятся пять номеров «Молодой Италии» (отсутствует только № 6). Это — маленькие томики (ин-октаво) в желтой бумажной обложке. Если статьи Мадзини, опубликованные в журнале и включенные затем в Собрание его сочинений, широко известны исследователям и неоднократно ими изучались, то статьи других авторов до сих пор еще не были объектом специального исследования.

21 Ravenna L. Op.cit., p.29.

22 Ibid., p.30.

23 Об этом см. стр. 191—196.

24 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.17—18.

25 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.5—7.

26 La Giovine Italia, 1832, fasc. 2, p.126.

27 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.79.

28 Подобный подход мы встречаем в упоминавшейся выше интересной книге Ф.

- Делла Перута о Дж.Мадзини (Delia Peruta F. Mazzini e i rivoluzionari italiani).
- 29 La Giovine Italia, 1833, fasc.4, p.25.
- 30 La Giovine Italia, 1832, fasc.2, p.71, 73.
- 31 Об этом см. с.22 настоящей работы.
- 32 Galante Garrone A. Mazzini in Francia..., p.195.
- 33 La Giovine Italia, 1832, fasc.2, p.83.
- 34 Ibid., fasc. 1, p.122.
- 35 Ibid., fasc. 2, p.164.
- 36 Ibid., p.87–89.
- 37 Ibid., fasc. 3, p.147–149.
- 38 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.17–42.
- 39 См. с.22 настоящей работы.
- 40 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.50.
- 41 См. с.23 настоящей работы.
- 42 Канделоро Дж. Указ.соч., с.235–237; Delia Peruta F. Op.cit., p.79.
- 43 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.50; Канделоро Дж. Указ.соч., с.255–256.
- 44 Канделоро Дж. Указ. соч., с.256.
- 45 Sistonidi J.S.L. Histoire des republicues italiennes dti moyen age. Vol.1–16. Zurich; Paris, 1807–1818.
- 46 Mastellone S. Op.cit., vol.1, p.288–289.
- 47 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.54.
- 48 См.: Ковальская М.И. Движение карбонариев в Италии. М., 1971, с.149–150. Текст в нашей библиотеке: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p73551112.htm>
- 49 Delia Peruta F. Op.cit., p.89. 50 Ibid., p.199–200.
- 51 Ibid., p.196.
- 52 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.52–54.
- 53 О трактовке этой проблемы Мадзини подробнее см.: Кирова К.Э. Концепция итальянской революции в работах Мадзини (1831–1833 гг. Первый период «Молодой Италии»). — В кн.: Из истории социально-политических идей: К 75-летию В.П.Волгина. М., 1955. с. 432–451.
- 54 Mazzini G. S.E.I., vol.5, p.52–57.
- 55 Mastellone S. Op.cit., vol.1, p.157–158.
- 56 La Giovine Italia, 1832, fasc.3, p.186–187.
- 57 Чит. по: Кирова К.Э. Указ.соч., с.434.
- 58 La Giovine Italia, 1832, fasc.2, p.79.
- 59 Ibid., fasc.3, p.106–107.
- 60 Ibid., fasc.4, p.48.
- 61 Delia Peruta F. Il pensiero sociale di Mazzini. — Nuova rivista storica, 1964, fasc.1–2, p.54.
- 62 См. с 23 настоящей книги.
- 63 Saitta A. F.Buonarroti. Contributo alia storia della sua vita e del suopensiero. Roma, 1951, vol.2, p.200.
- 64 La Giovine Italia, 1832, fasc.3, p.100–101.
- 65 Ibid., p.114.
- 66 Mazzini G. S.E.I., vol.3, p.il.
- 67 La Giovine Italia, 1832, fasc. 3, p.124–125.
- 68 Scrittori politici..., p.843–846.
- 69 Mazzini G. S.E.I. Appendice, vol.1, p.159.
- 70 Scrittori politici..., p.847.
- 71 Ibid., p.848.
- 72 См. с.72–73 настоящей работы.
- 73 Mastellone S. Op.cit., vol.1, p.287.
- 74 Francovich c.Albori socialisti nel Risorgimento. Firenze, 1962, p.129.
- 75 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.452.
- 76 Ibid., vol.86, p.273.
- 77 La Giovine Italia, 1832, fasc.2, p.191.
- 78 Mazzini G. S.E.I., vol.44, p.214–215.
- 79 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.7, с.490.
- 80 Mazzini G. S.E.I., vol.3, p.20.
- 81 Mazzini G. S.E.I., vol.2, p.282.
- 82 Demarco D. Il tramonto dello Stato Pontificio. Torino, 1949, p.229–232
- 83 АВПР, ф.Канцелярия, 1832 г., д.245, л.6.
- 84 Gualterio F. Gli ultimi rivolgimenti italiani. Firenze, 1852, vol.1, p. 404.
- 85 АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 4, л. 2 с об.
- 86 Там же, д. 245, л. 130 с об.
- 87 Farges L. Stendhal diplomate. Rome et l'Italie de 1829 a 1842 d'apres sa correspondance officielle inedite. Paris, 1892, p. 126, 131.
- 88 АВПР, ф.Канцелярия, 1832 г., д.4, л.17 об.; Farges L. Op.cit., p.135.
- 89 Французские войска оставались в Анконе, а австрийские — в Болонье до 1838 г.
- 90 АВПР, ф.Канцелярия, 1832 г., д.4, л.31 об.
- 91 Там же, л.47 об.
- 92 Там же, л.43 об.— 44.
- 93 Там же, л.48.
- 94 АВПР, ф.Канцелярия, 1832 г., д. 246, ч. 1, л. 80.
- 95 Там же, д.4, л.72 об.
- 96 Там же, л.74 об.
- 97 Там же, л.85 об., 89.
- 98 Там же, л.98–99 об.
- 99 Там же, л.101.
- 100 Там же, л.110.
- 101 Там же, л.130 об.—134 об.
- 102 Там же, л.119 об.
- 103 Natali G. La rivoluzione italiana del 1831–1832 e le sue immediate conseguenze. Bologna, 1956, p.116.
- 104 АВПР, ф.Канцелярия, 1832 г., д.246, ч.1, л.63.
- 105 Там же, л.67 об. Известны также факты о выдвигении сельскими «низами» требований социального характера. Так, в ряде районов римской Кампании в мае 1832 г. батраки начали борьбу против крупных арендаторов, требуя повышения заработной платы. Они угрожали, что в случае отказа отправятся с жалобой в

- Рим. См.: Demarco D. Op.cit., p.233–234.
- 106 АВПР, ф. Канцелярия, 1832 г., д. 4, л.136.
- 107 АВПР, ф. Канцелярия, 1833 г., д. 67, л. 54–55, 68.
- 108 Tivarom c.L'Italia durante il dominio austriaco. v.1–3. Torino; Roma, 1892–1894, t.1, p.122.
- 109 Romeo R. Dal Piemonte sabaudo all'Italia liberate. Bari, 1974, p.61–62.
- 110 Надо сказать, что современники были единодушны в своей оценке личности Фердинанда II как полного ничтожества. Подобное мнение высказывали и Карл-Альберт, и русский посланник в Турине Обресков. А южный демократ Луиджи Сеттембрини подчеркивал, что Фердинанд II «был невежественным, никогда не читал книг, не верил ни в доблесть, ни в знания и окружал себя такими же невежественными и грубыми людьми...» (АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.209, л.28; Tivarom C. Op.cit., v.3, p.114).
- 111 Канделоро Дж. Указ.соч., с.280; Tivaroni C. Op.cit., v.3, p.124–125.
- 112 Vidal c.Mazzini et les tentatives revolutionnaires de la «Jeune Italie» dans les Etats sardes (1833–1834). Paris, 1927, p.38.
- 113 Storia d'Italia. Dal primo settecento all'Unita. Torino, 1973, vol.3, p. 315; Scrittori politic!..., p.220.
- 114 Storia d'Italia, vol.3, p.315.
- 115 Natali G. Op.cit., p.110.
- 116 Delia Perula F. Mazzini..., p.139–140.
- 117 Ibid., p.93.
- 118 АВПР, ф.Канцелярия, 1832 г., д.247, л.84 с об.
- 119 Там же, д.248, л.22 об.
- 120 Delia Peruta F. Mazzini..., p.70, N 5.
- 121 Имя адресата ни в публикации, ни в донесениях Фурмана не упоминалось. Оно установлено по Собранию сочинений Дж.Мадзини. См.: Mazzini G. S.E.I., vol.5, p.112–113, 145–146.
- 122 Mazzini G. S.E.I., vol.5, p.112–113, 145–146; АВПР, ф.Канцелярия, 1832 г., д.247, л.92 об.
- 123 Vidal c.Louis Philippe..., p.30.
- 124 Delia Peruta F. Mazzini..., p.142.
- 125 Vidal C Louis Philippe..., p.99.
- 126 Michel E.F.D. Guerrazzi e le cospizazioni politiche in Toscana (1830–1835). Roma; Milano, 1904, p.35.
- 127 Delia Peruta F. Mazzini..., p.125.
- 128 АВПР, ф. Канцелярия, 1833 г., д.67, л.14 с об.
- 129 Montanelli G. Metope sull'Italia e specialmente sulla Toscana dal 1814 al 1850. Torino, 1853, vol.1, p.40.
- 130 Michel E. Op.cit., p.79.
- 131 АВПР, ф. Канцелярия, 1833 г., д. 67, л. 37 об.
- 132 Michel E. Op.cit., p.79.
- 133 Ibid., p.69–70.
- 134 Pitocco F. Utopia e riforma religiosa nel Risorgimento. Il sansimonismo nella cultura toscana. Bari, 1972, p.127–128, 131.
- 135 Francovich C. Idee sociali e organizzazione operaia nella prima meta dell'800 (1815–1847). Milano; Roma, 1959, p.79.
- 136 Michel E. Op.cit., p.177–179.
- 137 Forges L. Op.cit., p.281–284.
- 138 Pitocco F. Op.cit., p.131.
- 139 Ibid., p.132.
- 140 Delia Peruta F. Mazzini..., p.134.
- 141 Так называлась первичная ячейка этого общества, широко распространенного в Тосканском герцогстве.
- 142 Francovich C. Op.cit., p.144–152.
- 143 Francovich C. Op.cit., p.152.
- 144 Michel E. Op.cit., p.113-116.
- 145 Мадзини, изгнанный властями из Франции, с середины 1833 г. находился в Женеве.
- 146 АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.67, л.156–157.
- 147 Francovich C. Op.cit., p.163.
- 148 Tivaroni C. Op.cit., vol.1, p.390.
- 149 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.53.
- 150 См.: La Giovine Italia, 1833, fasc.5, p.55–68.
- 151 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.52.
- 152 Delia Peruta F. Mazzini..., p.120.
- 153 Delia Peruta F. Mazzini..., p.109, 112, 119–120.
- 154 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.53.
- 155 Mazzini G. S.E.I., vol.77, p.143–145.
- 156 Ibid., p.142–143.
- 157 Delia Peruta F. Mazzini..., p.99.
- 158 Mazzini G. S.E.I., vol: 5, p.241.
- 159 Ibid., p.274.
- 160 Пьемонтское правительство было осведомлено о программах этих организаций. Министр иностранных дел граф де Ла Тур в состоявшейся летом 1833 г. беседе с русским посланником в Турине А.Строгановым сообщил о том, что «Независимые» стремятся избавить родину от иностранной зависимости и создать для всей Италии единое правительство: «...пусть это будет даже монархия, если она сумеет понять нужды страны и прислушаться к требованиям ее жителей». Руководители этой организации, указывал он, хотя бы добиться того, чтобы одно из существующих ныне в Италии правительств поддержало их планы и помогло удалить из Италии все иностранные войска. «Они стремятся осуществить свою цель без пролития крови». Целью карбонариев, по словам де Ла Тура, было «создание в каждом итальянском государстве независимой республики». Но в отличие от мадзинистов, «стремящихся к уничтожению всякого порядка и созданию режима самого ярого якобинизма», карбонарии считают необходимым, чтобы после установления республиканского строя повсюду воцарился порядок и каждый собственник снова владел своим состоянием (АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.209, л.169 с об.).
- 161 Ferrari A. L'Italia durante la Restaurazione (1815–1849) Milano, 1935, p.191.
- 162 Delia Peruta F. Mazzini..., p.104. Пройдет совсем немного, времени, и отношение Джоберти к мадзинистской идеологии, к самому Мадзини и его соратникам решительным образом изменится (см. стр.154–155 настоящей работы).

163 Mazzini G. S.E.I., vol.5, p.94.
164 АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.209, л.297.
165 АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.209, л.298–301 об.
166 Mazzini G. S.E.I., vol.77, p.145–146.
167 Vidal C. Louis Philippe..., p.35.
168 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.17–18.
169 Канделоро Дж. Указ.соч., с.285.
170 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.29.
171 Подробную информацию о нарастающей волне арестов и ходе судебных процессов давал в своих донесениях в Петербург посланник в Турине Обресков. См.: АВПР, ф. Канцелярия, 1833 г., д.209, л.90–135, 269–294 с об.
172 Otnodeo A. Difesa del Risorgimento. Torino, 1951, p.177.
173 Канделоро Дж. Указ.соч., с.285.
174 Vidal C. Mazzini..., p.89.
175 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.30–31.
176 Mazzini G. S.E.I., vol.5, p.314.
177 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.50–51.
178 Mazzini G. S.E.I., vol.5, p.331.
179 Mazzini G. S.E.I., vol.9, p.78.
180 Delia Peruta F. Mazzini..., p.145.
181 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.39–42. Книга была издана анонимно на французском и итальянском языках одновременно (*Metona sui mezzi che menano all'italiana indipendenza*. Parigi, 1833).
182 Paladino G. Una congiura mazziniana a Napoli nel 1833. – Archivio storico per le provincie napoletane, 1924, fasc.1–4, p.287–320.
183 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.37.
184 АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.187, л.338–340 с об.
185 Mazzini G. S.E.I. Appendice, vol.1, p.66–72.
186 Mazzini G. S.E.I., vol.5, p.437–438.
187 Ibid., p.439.
188 Paladino G. Op.cit., p.295.
189 АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.143, л.334 об., 351 об.–352.
190 Paladino G. Op.cit., p.307–310.
191 АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.143, л.485 об., 494 об.–495.
192 В своих донесениях Штакельберг в тот период не раз возвращался к тревожившим его «либеральным настроениям» короля. Этот вопрос они обсуждали и с австрийским посланником Лебцельтерном, и оба, по словам Штакельберга, «были в недоумении». «Быть может, – замечал далее русский посланник, – он питает безумные иллюзии встать во главе республиканского движения в Неаполе? Или, питаемый безмерным властолюбием, он пожелал стать диктатором всей Италии с титулом президента единой и неделимой республики, центр которой определено учредить в Мила не?» (АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.143, л.353–354).
193 Paladino G. Op.cit., p.318.
194 Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.61.
195 Mazzini G. S.E.I., vol.9, p.78–79; АВПР, ф.Канцелярия, 1833 г., д.187, л.334 с об.; д.67, л.202–203.

196 Vidal C. Louis Philippe..., p.96–97.
197 Цит. по: Delia Peruta F. Mazzini..., p.159.
198 Vidal C. Louis Philippe..., p.103–104.
199 См. подробнее об этом: Канделоро Дж. Указ.соч., с.287–289; Mastellone S. Op.cit., vol.2, p.147–202.
200 Mazzini G. S.E.I., vol.10, p.72–73.
201 Ibid., vol.3, p.381.
202 Mazzini G. S.E.I. Appendice, vol.1, p.134–135.
203 Mazzini G. S.E.I., vol.10, p.198–199.

ГЛАВА 3. ЛИБЕРАЛЫ в БОРЬБЕ за ГЕГЕМОНИЮ в ИТАЛЬЯНСКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

Социально-экономические проблемы в программе умеренных

С конца 30-х годов XIX в. в экономическом развитии Италии, главным образом северных ее областей – Ломбардии и Пьемонта, происходят существенные сдвиги. Ведущая отрасль ломбардской промышленности – производство шелка-сырца и крученого шелка – сделала в тот период большие успехи, ее продукция пользовалась растущим спросом на европейских рынках. Если в 1820 г. в Ломбардии было произведено 3840 тыс. фунтов шелка обоих видов, то в 1845 г. – почти вдвое больше – 7 млн. фунтов из 11850 тыс. фунтов, произведенных по всей Италии¹.

В ряде отраслей производства Ломбардии возросло применение машин, особенно в железнодорожном строительстве; Это привело к возникновению здесь первых зачатков машиностроительной промышленности. Оснащенные машинами фабрики пришли на смену мануфактурам частично в производстве шелка, в хлопко- и льнопрядении². Этот процесс шел в Ломбардии быстрее, чем в других областях Италии, но по сравнению с другими, более передовыми европейскими странами его масштабы были еще невелики. Основными формами промышленного производства оставались ремесленная и мануфактурная.

Возделывание пшеницы, кукурузы, виноградарство, шелководство, разведение крупного рогатого скота – таковы основные отрасли ломбардского сельского хозяйства, развивавшегося по капиталистическому пути.

Экономическое развитие Пьемонта, занимавшего в Сардинском королевстве доминирующее положение, во многом напоминало процессы, происходившие в Ломбардии, хотя по темпам и отставало от этой области. В промышленности важнейшая отрасль – производство шелка, так же, как в Ломбардии, идущего на экспорт. В 1844 г. в Пьемонте были 982 прядильни, производившие свыше 1,5 млн. фунтов шелка. Значительно расширились шерстяная и хлопкопрядильная промышленность, в 40-х годах начало развиваться машиностроение³. Однако прогрессу в промышленности препятствовала техническая отсталость Пьемонта. Серьезной помехой индустриальному развитию

служила также, особенно до начала 40-х годов, таможенная система Сардинского королевства, о которой говорилось в главе 1. В крупнейших городах королевства Турине и Генуе в 40-х годах преобладали все еще мелкие предприятия, использовавшие надомную рабочую силу. Крупные предприятия — фабрики насчитывались единицами. Даже позднее, в конце 50-х годов, в промышленности Сардинии было занято менее 34% активного населения⁴.

Пьемонтское сельское хозяйство развивалось по пути, сходному с ломбардским. Технические усовершенствования, осуществленные во второй половине 30-х и в 40-х годах, в частности строительство оросительных каналов, способствовали росту урожайности зерновых культур. Так, в 1830—1835 гг. в Пьемонте производилось 8460 тыс. гектолитров зерна, тогда как к началу 50-х годов — 12700 тыс. гектолитров. Процветающими отраслями в Пьемонте были виноградарство и виноделие, в которых в 40-х годах были также произведены качественные улучшения⁵.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Ломбардии и Пьемонта, рост сельскохозяйственной продукции достигались за счет жесточайшей эксплуатации землевладельцами сельского населения — крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Условия жизни сельских трудящихся были крайне тяжелыми. Среднее потребление мяса в год сельскими жителями Сардинского королевства — 9 кг — составляло 1/10 часть мяса, потребляемого в Швейцарии, Англии и Германии. Не хватало не только мяса, но и хлеба. Нищета, частые эпидемии, низкий уровень образования — таков был удел крестьянина. В 1848 г. на острове Сардиния было 93,67% неграмотных жителей, в остальных областях королевства — около 70%⁶.

Начавшееся формирование новых отраслей промышленности и частичная реконструкция старых вели к возникновению как в Ломбардии, так и в Пьемонте первых групп промышленного пролетариата, рекрутировавшихся из обнищавших крестьян. В городе условия жизни и труда этих бывших крестьян оставались очень тяжелыми. Рабочий день нередко доходил до 16—17 часов, фабричные помещения находились в антисанитарном состоянии, уровень жизни был крайне низок. Тяжелее всех приходилось работавшим на фабриках женщинам и детям, составлявшим в некоторых отраслях большинство рабочей силы. В текстильной промышленности Пьемонта из 44 тыс. рабочих свыше 7 тыс. (т.е. более 19%) были моложе 15 лет. В некоторых районах Ломбардии около 50% всех детей было занято в промышленности⁷.

Если можно говорить о заметном экономическом прогрессе Ломбардии и Сардинского королевства, то для Тосканского герцогства 30—40-е годы характеризовались относительным застоєм экономики. Хозяйство Папского государства продолжало оставаться в состоянии глубокого упадка. Развитие экономики Королевства Обеих Сицилии по сравнению с Севером шло крайне медленно.

Постоянной заботой итальянских монархов на протяжении второй половины 30-х — начала 40-х годов продолжала оставаться защита

политических основ абсолютистской системы. Вместе с тем они (за исключением папы Григория XVI) все яснее начинали осознавать необходимость привести свою экономическую политику хотя бы в минимальное соответствие с требованиями экономического развития. Однако разобщенность этих сравнительно мелких по своим масштабам государств, их политическая отсталость, недостаточно глубокое понимание со стороны правящих кругов экономических проблем приводили к тому, что реформы, предпринимавшиеся правительствами, оказывались в большинстве случаев малоэффективными и внутренне противоречивыми.

Разумеется, в политике Австрии по отношению к входившей в ее состав Ломбардо-Венецианской области, как и прежде, господствовало стремление изолировать эту область от остальной Италии, подчинить ее развитие австрийским интересам. Даже прогрессивные экономические начинания, проводимые в Ломбардии, такие, например, как железнодорожное строительство, в конечном счете тормозились австрийскими властями, преследующими свои корыстные политические цели. Так, итальянским акционерам было запрещено соединить строившуюся с 1836 г. железную дорогу Милан—Венеция с дорогой, проектируемой тогда в Пьемонте. Не было разрешено также соединить эту дорогу с железнодорожной сетью Австрийской империи.

Ряд существенных экономических реформ был проведен в Сардинском королевстве королем Карлом-Альбертом. Большинство их содействовало либерализации торговли. Так, был отменен запрет на вывоз шелка-сырца, снижены пошлины на зерно: если в 1834 г. пошлина составляла 9 лир на центнер зерна, то к 1847 г. — только 3 лиры. Были также сокращены пошлины на ввоз сахара, каменного угля, металла, тканей. С 1832 по 1846 г. Пьемонт заключил 26 торговых договоров с различными странами, в том числе в декабре 1845 г. с Россией. Значительно улучшилось состояние финансов королевства. Сумма доходов в бюджете возросла за 1831—1845 гг. с 70 до 84 млн. лир⁸. Свыше 12 млн. лир было затрачено правительством Карла-Альберта на подготовку и строительство железнодорожной сети. Разумный план строительства главных линий государством, а не частными компаниями (им были доверены лишь второстепенные линии) был претворен в жизнь до 1848 г. лишь в незначительной его части: в 1845 г. началось движение на небольшом по протяженности участке Турин—Монкалиери задуманной железнодорожной линии Турин—Генуя.

Важную роль в экономическом развитии королевства была призвана сыграть реорганизация кредитной системы, выразившаяся в создании двух государственных банков: в 1844 г. был основан учетный банк в Генуе, в 1847 г. — в Турине⁹. Одним из инициаторов этих мероприятий был Камилло Бензо ди Кавур¹⁰.

Прогрессивные преобразования, осуществленные Карлом-Альбертом (экономические реформы, а также создание государственного совета, судебная и военная реформы), не изменили реакционной сущности пьемонтской государственной системы. Все эти реформы пред-

принимались прежде всего с целью укрепить эту систему. Были сохранены и укреплены привилегии дворянства, огромная роль церкви, и особенно иезуитов, господствовавших в сфере образования.

Тягостная атмосфера духовной жизни, «полная, — по словам Кавура, — невежества и предрассудков», угнетала либерально мыслящих людей. Гражданские порядки Сардинского королевства до 1848 г., несмотря на реформы, оставались более отсталыми по сравнению не только с Ломбардо-Венецианской областью и Тосканским герцогством, но даже с Королевством Обеих Сицилии¹¹.

Умеренность политики тосканского великого герцога Леопольда II, придерживавшегося реформаторских, традиций просвещенного абсолютизма, проявлялась и в сфере экономических мероприятий. Как и его предшественники, он неуклонно следовал политике свободы торговли, что облегчало ввоз в страну промышленных товаров. В Тоскане велось сравнительно широкое дорожное строительство (в том числе и железнодорожное), осуществлялись, хотя и медленными темпами, мелиоративные работы. Относительно умеренная фискальная система способствовала развитию тосканского сельского хозяйства — господствующей отрасли экономики, несмотря на сохранение его традиционной структуры.

Правительство неаполитанского короля Фердинанда II пыталось приспособиться к современным условиям, не затрагивая основ абсолютизма. Однако это оказалось неосуществимым в условиях крайней отсталости экономики Юга, отсутствия у правительства необходимых средств для ее реорганизации (прежде всего для строительства в должных масштабах дорог, без которых экономическое развитие страны было невозможно), слабости кредитной системы, а главное — вследствие неспособности правительства пойти на радикальные реформы.

Ускорение темпа экономического развития Италии в конце 30-х — начале 40-х годов способствовало укреплению позиций крупной земельной, банковской, торгово-ростовщической и промышленной буржуазии, а также помещиков, перешедших к капиталистическим методам ведения хозяйства. Именно эти слои и явились социальной базой умеренно либерального течения, которое с середины 30-х годов выступает на первый план в итальянском национально-освободительном движении. Характерной особенностью Италии с ее экономической отсталостью и преимущественно аграрной структурой экономики был тот факт, что в авангарде этого течения часто оказывались выходцы не из буржуазии, а их обуржуазившегося дворянства¹². К этому слою принадлежали такие виднейшие представители либеральной мысли, как граф Федерико Конфалоньери, маркиз Джино Каппони, Чезаре Бальбо, Луиджи Серристоры, Камилло Бензо ди Кавур, Массимо Д'Адзелио, Иларионе Петитти ди Рорето и многие другие.

В середине 30-х — начале 40-х годов итальянские либералы приходят к четкому осознанию того, что политическое возрождение Италии невозможно без буржуазных преобразований в экономике, без создания единого общеитальянского рынка. Постепенное сближение

экономических условий разных государств, свобода торговли, железнодорожное строительство, таможенный союз, унификация гражданского, уголовного и торгового кодекса — таковы ступени, которые, по их мнению, постепенно, без революционных потрясений приведут к национальному объединению.

Широкий интерес к экономическим вопросам определил в 30-х — начале 40-х годов главное содержание ряда периодических изданий Ломбардии. Австрийское правительство, препятствовавшее проявлению какой бы то ни было свободы мысли в политических вопросах, не мешало деятельности журналов, распространявших «полезные знания» в области экономики и техники. К середине 30-х годов в Ломбардии выходили 22 журнала, из которых больше половины было посвящено «прикладным наукам». Ломбардские либералы не могли, разумеется, обсуждать на страницах этих изданий такие острые политические вопросы, как необходимость объединения Италии и освобождения Ломбардо-Венецианской области от австрийского гнета. Однако они считали, что лучше действовать хотя бы в разрешенных легально пределах, чем просто оплакивать бедственное положение родины. «Бессмертные художники и поэты, которых дала Италия в XVI в., были, конечно, не более свободны, чем те, кто живет сегодня в этой стране... Пора положить конец lamentациям по поводу нынешней эпохи. Было бы лучше попытаться подражать тем знаменитым людям, которые могли успешно бороться с неблагоприятными обстоятельствами», — писал миланский журнал «Rivista europea» («Европейское обозрение»)¹³.

Наиболее влиятельным журналом, на протяжении почти четверти века (с 1824 по 1848 г.) воплощавшим в жизнь сформулированные выше принципы, был миланский «Annali universali di statistica, economia, politica, storia, viaggi e commercio». Наряду с видными представителями общественной мысли Ломбардии, такими, как Мелькиорре Джойя, Джан Доменико Романьози, Карло Каттанео¹⁴ и др., в нем сотрудничали крупнейшие либеральные публицисты других частей Италии, например Луиджи Серристоры и Козимо Ридольфи из Тосканы, Камилло Бензо ди Кавур и Иларионе Петитти ди Рорето из Пьемонта и т.д. Издатели и авторы «Annali», как и других ломбардских журналов, стремились показать социально-экономическую действительность как Ломбардии (здесь главное внимание уделялось вопросам развития промышленности, прежде всего важнейших ее отраслей — шелкопрядения и шелкоткачества), так и всей Италии. Нередко в журнале помещались также материалы, посвященные проблемам экономического развития других европейских стран, в основном Англии и Франции. Показательно, что журнал полностью игнорировал жизнь Австрийской империи, частью которой была Ломбардия¹⁵.

В 1838–1839 гг. в Милане начали выходить два журнала — «Rivista europea» и «Politecnico», объединившиеся в 1845 г. Тиражи ломбардских журналов не превышали нескольких сот экземпляров, однако их читали тысячи людей, посещавших читальные залы в ряде крупных итальянских городов. Важную просветительскую роль играл уже упоминавшийся

кабинет Вьессе во Флоренции, куда поступали все наиболее значительные итальянские и европейские периодические издания. В Милане в начале 30-х годов были открыты в галерее Де Кристофорис читальные залы, освещавшиеся газовым светом, что было по тем временам в Италии большим новшеством.

Умеренно либеральные силы Сардинского королевства, Папского государства и Тосканского герцогства уделяли особое внимание сельскому хозяйству и вопросам его преобразования. Проблемы тосканского сельского хозяйства оживленно дебатировались начиная еще с 20-х годов XIX в. в стенах флорентийской сельскохозяйственной академии и на страницах ее печатного органа «Giornale agrario» (журнал не ограничивался трактовкой сюжетов, связанных с сельским хозяйством, но ставил различные вопросы общеэкономического характера). Одним из самых активных участников этих дискуссий и авторов журнала был Джино Каппони, ближайший сподвижник Вьессе по журналу «Antologia»¹⁶.

Наиболее значительная дискуссия развернулась в Тосканском герцогстве в 30-х годах по вопросу об итальянине. Если Леонида Ландуччи и Винченцо Сальваньоли были сторонниками замены итальянца арендой, считая, что такая перестройка приведет к значительному подъему сельскохозяйственного производства, то Джино Каппони и Рафаэлло Ламбрускини выступали за сохранение итальянца, рассматривая ее как надежную опору существующей социальной системы.

При этом рост производства, по их мнению, зависел главным образом от повышения уровня культуры и сельскохозяйственных знаний итальянцев. Практических результатов эта дискуссия почти не дала, так как в ней одержала победу точка зрения более консервативных элементов: итальянец остался господствующей системой в сельском хозяйстве Тосканы.

Виднейшие представители тосканской либеральной мысли (Ридольфи, Риказоли и Ламбрускини и др.) — сами крупные землевладельцы — пытались в своих имениях внедрить передовые методы возделывания сельскохозяйственных культур, создавали школы для крестьян.

Мысль о необходимости совершенствования сельского хозяйства неоднократно высказывалась сторонниками умеренных преобразований в Папском государстве. С этой целью в 1829 г. была создана сельскохозяйственная академия в г. Пезаро, которая должна была, по словам одного из ее основателей — священника Алессандро из Урбино, «просвещать темный класс земледельцев», а также «показывать на практике, как можно осуществить преобразования, в которых так нуждаются наши земли»¹⁷. В Болонье проблемами развития сельского хозяйства занималось «Аграрное общество».

Чрезвычайно активную и плодотворную практическую деятельность в этом же плане проводил в своем имении Лери в Пьемонте на протяжении 1835–1843 гг. граф Кавур. Используя новую сельскохозяйственную

технику и передовые агротехнические приемы, он добивался высоких урожаев различных культур, среди которых ведущее место занимал рис. Помимо этого, Кавур успешно занимался животноводством. Масштабы его деятельности были очень широки. Он не только снабжал своей продукцией магазины Турина и окрестностей, но и отправлял тонкорунных овец даже египетскому паше¹⁸. Теории и практике сельскохозяйственного производства и торговли Кавур посвятил в тот период ряд статей.

Широкую известность не только в Пьемонте, но и за его пределами приобрело пьемонтское «Аграрное общество». Эта организация возникла в Турине в 1842 г. с разрешения правительства, ее деятельность осуществлялась под контролем королевского комиссара. Главной целью общества было содействие развитию сельского хозяйства и связанной с ним промышленности. Значительную часть его членов составляли крупнейшие землевладельцы и высшая бюрократия Пьемонта: почти все министры, губернаторы и другие высшие чиновники вступили в общество. Из 1634 человек, вступивших в «Аграрное общество» сразу после его создания, 730 были представителями дворянства, 519 — лица свободных профессий, 94 — священники, 211 — из среды чиновничества и военных, 80 — торговцы, промышленные предприниматели и банкиры¹⁹. Секции «Аграрного общества» вскоре были созданы во всех провинциях Сардинского королевства. Социальный состав большинства из них был примерно таким же, как в Турине. Однако в некоторых секциях преобладали выходцы из демократических слоев. Так, в провинции Ломеллина секция состояла из 14 юристов, 12 инженеров, 11 медиков и ветеринаров, 9 священников и 41 человека без определенного положения²⁰. С течением времени представители буржуазии в этой организации становились все более многочисленными. Так, если в 1843 г. их было 2 тыс., то в 1847 г. — уже 2900 человек²¹.

Среди руководителей «Аграрного общества» не было единства взглядов. Наиболее консервативные элементы возражали против вынесения дискуссий за рамки чисто технико-аграрной проблематики. Представителям умеренно либеральных слоев удалось, вопреки им, превратить общество в орган, выражавший передовые устремления и чаяния не только в экономической, но и в политической области. Однако и среди этой группы руководителей возникли серьезные расхождения. Часть из них, возглавляемая Кавуром (отметим, кстати, что это было его первое общественное поприще), выступала за то, чтобы руководство оставалось исключительно в руках дворянства. Во главе радикального крыла стоял Лоренцо Валерио, добивавшийся равных прав для дворянства и буржуазии в рамках общества. Сторонниками Валерио были прежде всего представители сельской буржуазии провинций. Среди членов «Аграрного общества» встречались (хотя, по-видимому, их было мало) люди с демократическими взглядами, подобные адвокату Анджело Брофферио, подвергнутого резкой критике экономические и административные реформы Карла-Альберта. Прогресс в толковании умеренных либералов он считал не меньшим злом, чем полицию и

иезуитов²².

На страницах газеты «Аграрного общества», вышедшей с 1843 до конца 1848 г., отражались в первую очередь материалы дискуссий, проходивших на ежегодных съездах²³. Для поощрения прогрессивных методов ведения хозяйства «Аграрное общество» награждало своих членов премиями за высшие достижения в животноводстве, виноградарстве, за наиболее значительные труды по агрономии. В газете публиковались как практические инструкции, так и более общие исследования по всем проблемам сельскохозяйственного производства (большинство из них редактировал Кавур). На съездах и в печати ставился также вопрос о сохранении и воспроизводстве леса. За выращивание наиболее редких лесных культур также присуждались премии²⁴.

*

«Аграрное общество» развернуло широкую практическую деятельность по распространению сельскохозяйственных знаний среди крестьянства. Члены общества организовывали в различных провинциях сельскохозяйственные школы и курсы. В газете обобщался опыт подобных занятий. Вице-президент общества граф Сальмур был даже командирован в Германию и во Францию для изучения опыта организации сельскохозяйственного обучения в этих странах. По инициативе «Аграрного общества» при университете г.Кальяри на острове Сардиния была создана кафедра сельского хозяйства, в Турине открыто ветеринарное училище.

Опыт европейских стран (в том числе и России) в деле организации сельскохозяйственного кредита также изучался и обобщался на страницах газеты «Аграрного общества». Заботясь о развитии промышленности, использующей сельскохозяйственное сырье, общество считало первостепенным делом пропаганду передового зарубежного опыта в этой области. Особое внимание уделялось здесь текстильной промышленности и шелкопрядению²⁵.

«Аграрное общество» в Пьемонте, как и сельскохозяйственная академия в Тоскане, не ограничивалось постановкой проблем, связанных лишь с развитием сельского хозяйства. В их печатных органах, как и в других либеральных журналах и брошюрах Ломбардии, Пьемонта и Тосканы, обсуждались также экономические вопросы, имевшие решающее значение не только для успешного развития итальянской экономики в будущем, но и для политического возрождения Италии. Важнейшим условием прогресса во всех областях жизни итальянские либералы считали осуществление принципа свободной торговли, сохраняя в этом отношении верность фритредерским идеям итальянских просветителей XVIII в. — от Дженовези до Верри. Экономическое развитие Италии в 30—40-х годах способствовало постановке этой задачи в более конкретном, практическом плане, чем это делалось экономистами XVIII в. О необходимости либерализации итальянской торговли и губительном воздействии на нее таможенных барьеров многократно писалось в начале 30-х годов на страницах ломбардских

журналов. Большое внимание уделяли этому вопросу и тосканские либералы, в частности Луиджи Серристорид²⁶. В протоколах заседаний сельскохозяйственной академии за 1834 г. встречается следующее его суждение: «В Италии не утрачены элементы большой торговой политики. Они только требуют условий для свободного развития. Есть у нас и население, и сырье, и способности, и капиталы... Италия располагает необходимыми предпосылками для значительного производства. Но каждому итальянскому государству в отдельности не хватает широкого прочного рынка, который мог бы гарантировать предпринимателю сбыт его продукции, сбыт, который не совместим с двойными таможенными границами, окружающими каждое итальянское государство». К этому кругу проблем Серристорид обращался не раз, развивая мысль о том, что чем меньше размеры государства, тем губительнее для его экономики ограничения, накладывавшиеся на его торговлю. «Известно, что мануфактура, — замечал он, — может приносить тем большую пользу предпринимателю и массе потребителей, чем больше она может расширяться... Промышленность в различных государствах Италии находится в состоянии застоя, поскольку повсюду слишком узок рынок... Будете ли вы создавать в Луккском, Пармском, Моденском или Тосканском герцогствах механическую хлопкопрядильню? Пустая затея, потеря времени и капиталов, так как ваша фабрика сможет действовать лишь несколько месяцев в году из-за отсутствия необходимого количества потребителей. Если же вы захотите сбывать свой товар в соседнем государстве, то запретительная пошлина помешает вам это сделать». «От Болоньи до Лукки, на расстоянии 123 итальянских миль, приходится семь раз останавливаться перед таможенными барьерами», — писал Серристорид в 1843 г.²⁷

Подобные идеи развивал Кавур. На торжественном приеме, устроенном в 1847 г. в Турине в честь неутомимого пропагандиста фритредерских идей Ричарда Кобдена, он заявлял, что «свобода торговли... необходима для развития промышленности и торговли страны, разделенной ныне многочисленными таможенными границами, где продукты земли и труда на каждом шагу встречают налоговые преграды, которые они не могут преодолеть»²⁸. В своих публицистических выступлениях Кавур рассматривал идею свободной торговли не только применительно к Италии в целом, но и применительно к Сардинскому королевству в частности. Отмена таможенных ограничений здесь должна была, по его мнению, оживить сельскохозяйственное производство и помочь экспортерам продуктов сельского хозяйства (вина, шелка-сырца, риса, масла, скота) «с помощью наиболее пригодных средств» выстоять и победить в экономическом соперничестве с другими странами. Вместе с тем по пути развития свободной торговли следовало, по мнению Кавура, двигаться осторожно, «без сильных пертурбаций»²⁹. Немало речей по вопросу о свободной торговле и о необходимости ее внедрения в Сардинском королевстве произносилось на конгрессах «Аграрного общества».

Отстаивание идеи свободной торговли в условиях раздробленной

Италии логикой вещей толкало итальянских либералов на борьбу за создание таможенного союза между итальянскими государствами по образцу немецкого таможенного союза. О желательности и возможностях практического осуществления в Италии таможенного союза «повсюду, где существуют сходные условия» писал в 1839 г. Серристоры³⁰. В 1841–1843 гг. дебаты по этому вопросу велись на страницах тосканской «Giornale agrario», где самым активным сторонником союза выступал Вьессе³¹.

Сама идея таможенного союза единодушно принималась всеми итальянскими либералами. Однако о конкретных формах такого союза шли споры. Так, по мнению некоторых ((в частности, Петитти), непреодолимым препятствием на пути его создания было то обстоятельство, что часть Италии – Ломбардо-Венецианская область, – и притом часть, наиболее развитая в экономическом отношении, находилась в руках Австрии. Итальянские государства, по мнению сторонников этой точки зрения, не должны вступать в австрийскую за-претительную таможенную систему, так как это отрицательно скажется на их экономике.

Наиболее детальную разработку позиция сторонников создания таможенного союза без Австрии получила в книге Чезаре Бальбо «Надежды Италии»³². В этом труде Бальбо рассматривал четыре различных варианта союза. Это, во-первых, германо-итальянский союз, в который вошла бы вся Центральная Европа. Подобное объединение представлялось Бальбо желательным, но неосуществимым из-за соперничества Пруссии и Австрии за гегемонию в этом союзе. Второй вариант – австро-итальянский союз – категорически отвергался Бальбо, поскольку он нанес бы ущерб как Южной Италии, так и Пьемонту. Третий путь – таможенный союз итальянских государств, включая австрийские владения Италии. Если участие этих областей будет фиктивным, то этот вариант окажется таким же вредным для Италии, как и предыдущий. Если бы Ломбардо-Венецианская область, замечал Бальбо, действительно образовала не только экономический, но и политический союз с остальными итальянскими государствами, это был бы: наилучший выход для Италии. Однако, по мнению Бальбо, Австрия никогда не допустит развития событий по такому пути. Поэтому практически осуществимым Бальбо считал таможенный союз между итальянскими государствами без Ломбардо-Венецианской области, причем начинать его создание следовало с союза двух-трех государств.

Таким же образом представлял себе постепенное складывание общеитальянского таможенного союза и Вьессе, полагавший, что начать надо с союза Тосканы с Луккой, затем Тосканы с герцогствами Парма и Модена и т.д. «Пример небольшого объединения явится лучшим способом, чтобы уговорить последовать этому примеру правительства всей Италии»³³. Бальбо видел значение таможенного союза для Италии не только в его экономических преимуществах, но и в том, что он «многое дал бы... для объединения и развития национального чувства в нашем народе...». В рамках таможенного союза, указывал Бальбо, необходимо строго придерживаться принципа свободы торговли, который

будет способствовать созданию «более мощной промышленности» и конкурентоспособного сельского хозяйства³⁴.

Среди сторонников умеренно либеральной идеологии существовала и иная точка зрения относительно состава стран – участниц итальянского таможенного союза. В частности, Серристоры полагал, что участие Ломбардо-Венецианской области – неременное условие существования этого союза³⁵.

Наряду с таможенным союзом важной предпосылкой создания национального рынка итальянские либералы считали введение единой системы мер, весов и денежных знаков во всех итальянских государствах. Об этом с начала 40-х годов XIX в. писали не раз ломбардские журналы. Так, в 1840 г. К.Каттанео с огорчением замечал, что подобная система до сих пор в Италии еще не создана. О том, что «единая система денег, весов и мер была бы великим благом для Италии, что она чрезвычайно удобна для соглашений всякого рода между отдельными частями Италии», говорилось в 1845 г. в «Annali»³⁶.

*

В неразрывной связи с такими условиями создания национального рынка в Италии, как таможенный союз и единство системы денег, мер и весов, итальянская либеральная мысль рассматривала и проблему железнодорожного строительства. Этот важнейший для будущего Италии вопрос был предметом специальных изысканий, многочисленных проектов и острых дискуссий. Уже с начала 30-х годов на страницах либеральных журналов Ломбардии и Тосканы появлялись статьи, где речь шла о значении железнодорожного транспорта для Италии в целом, а не только для отдельных государств. Так, Каттанео в статье «Железная дорога из Милана в Венецию» в 1833 г. писал о том, что «все государства прекрасной Италии должны быть связаны железнодорожными линиями, чтобы различные части полуострова в совершенной гармонии смогли приобщиться к быстрому движению и народы, составляющие большую семью, в полном согласии могли бы извлекать выгоды из этого великого изобретения»³⁷. О благоприятном воздействии железной дороги, которая проходила бы через Апеннины, на внутреннюю торговлю всей Италии писал в 1833 г. Серристоры. А «Giornale agrario» подчеркивал в 1838 г., что «итальянская торговля так же нуждается в железных дорогах, как растение в его корнях»³⁸.

Особенно широкий и повсеместный характер приобрело обсуждение вопроса о железнодорожном строительстве в Италии в 40-х годах XIX в. Эта тема была центральной в публицистических выступлениях К.Каттанео на страницах журнала «Politecnico» с 1841 по 1846 г., в материалах пьемонтских либеральных газет «Antologia italiana» (созданной в 1846 г.) и «Mondo illustrate» (в 1847 г.)³⁹. Чезаре Бальбо подчеркивал жизненную важность для Италии железных дорог. Если в других, более развитых странах, указывал он, железные дороги нужны для дальнейшего процветания существующей торговли, то в Италии они необходимы, чтобы это торговое процветание могло возродиться⁴⁰.

Некоторые либеральные публицисты полагали, что внедрению

единой железнодорожной сети по всей Италии должно предшествовать создание таможенного союза. «Следует изменить таможенные порядки, — писал Серристоры в 1845 г. в «Annali», — которые сегодня изолируют друг от друга государства Апеннинского полуострова... Если, к несчастью, этого не случится, значительная доля выгод от введения железных дорог будет потеряна для Италии!»⁴¹

Иной точки зрения придерживался крупный пьемонтский экономист и писатель Иларионе Петитти ди Рорето. В исследовании, специально посвященном проблеме итальянских железных дорог⁴², он говорил о необходимости железнодорожного строительства даже и при отсутствии таможенного союза. По мнению Петитти, гарантией успеха будет введение единого тарифа на железных дорогах, единая система мер, весов и денежных единиц, а также упрощенная система оплаты таможенных пошлин. Автор предлагал конкретные меры и нормы по рационализации и унификации железнодорожной системы на Апеннинском полуострове. В заключение Петитти предлагал свою схему единой железнодорожной сети в Италии⁴³.

Фундаментальный труд Петитти вызвал живой отклик в Италии. Его издание приветствовали виднейшие тосканские либералы Вьессе, Каппони и Серристоры. С большой рецензией на книгу выступил в парижском журнале «Revue nouvelle» (от 1 мая 1846 г.) Кавур. Это выступление было несчастливым для Кавура. Интерес к этой проблеме — не только теоретический, но и практический — возник у него еще в 30-х годах⁴⁴.

Высоко оценивая сочинение Петитти и развивая важнейшие его идеи, Кавур вместе с тем поставил ряд новых вопросов. Железные дороги, «это удивительное завоевание XIX века», подчеркивал Кавур, имеют особое значение для более отсталых в своем экономическом развитии стран. Для них это — «могущественное оружие, с помощью которого они смогут одержать верх над силами, замедляющими движение вперед, силами, которые держат эти страны в пагубном для них состоянии промышленного и политического детства»⁴⁵. К подобным странам Кавур относил и Италию, полагая, что сеть железных дорог поможет ей догнать передовые страны Европы.

Особое внимание было уделено в статье железнодорожному строительству в Сардинском королевстве. Кавур с похвалой отзывался о «мудрой политике» Карла-Альберта, поощрявшего строительство наиболее важных для Пьемонта железнодорожных линий с помощью государства. Если о состоянии железнодорожного строительства в Тоскане, где сооружалось пять линий, Кавур высказывался с удовлетворением, то позиция папского правительства, противодействовавшего какой бы то ни было инициативе в этом вопросе, вызвала у него самое суровое осуждение. Железные дороги, по мнению Кавура, были необходимы для Папского государства не только как важное средство коммуникаций: их строительство, заняв множество рабочих рук, «должно было бы привести к непосредственному улучшению положения низших классов этого государства»⁴⁶.

*

Существенным препятствием для развития экономики Италии были, по мнению итальянских либералов, нищета народных масс и невежество, порожденное этой нищетой. Однако их интерес к этой проблеме определялся не только экономическими соображениями. Опыт передовых стран, прежде всего Франции, пережившей революцию 1830 г., говорил о том, что пауперизм, низкий уровень культуры народа таит в себе угрозу социального взрыва. Пути решения социальной проблемы, предлагавшиеся демократами и особенно утопическими социалистами, воспринимались итальянскими либералами крайне враждебно. «Доктрины Сен-Симона, Оуэна и Фурье можно было бы назвать просто мечтами безумцев, — писал Петитти ди Рорето, — если бы они не порождали столь тяжких бедствий»⁴⁷. Чезаре Бальбо обличал «опасность» доктрины социалистов, сводящих всю политику к вопросу о заработной плате. Неизбежным следствием демократических порядков он считал «вахханалию социалистов и коммунистов»⁴⁸.

Весьма пренебрежительно отзывался Бальбо о демократах, полагая, что их авторитет и влияние в мире угасают. «Плетущиеся в хвосте всемирного прогресса, сами исключившие себя из растущей прослойки благородных, образованных и истинно либеральных людей, не способные ни сплотить, ни повести массы... ни организовать восстания, они очень скоро лишатся (или уже лишились) друзей и сочувствующих, кроме разве что тех, кто находится в рядах бедных сенсимонистов, оуэнистов и фурьеристов... Демократическое восстание может еще некоторое время оставаться пугалом для полиции и надеждой для тайных обществ, но его нельзя принимать всерьез в расчет в предвидимом будущем»⁴⁹.

Умеренные либералы — члены пьемонтского «Аграрного общества» — требовали от правительства более жестких законов против крестьян-бедняков, покушавшихся на пустующие земли. Они усматривали в этих действиях опасные тенденции «аграрного коммунизма»⁵⁰. Даже такой горячий сторонник экономического прогресса, как Кавур, подчас высказывался за сохранение старых форм производства, если их изменение могло угрожать социальному миру. Так, в статье «О сельскохозяйственной экономике Пьемонта» он высказывался против крупных прядилен (для разматывания коконов тутового шелкопряда), которые, как правило, создавались купцами — экспортерами шелка, поскольку это могло вызвать недовольство крестьян, испокон веков производивших эту операцию у себя на дому в маленьких прядильнях. Ведь это нарушило бы, писал Кавур, «отношения симпатии и привязанности, существующие между владельцами земель и теми, кто их обрабатывает; в наш век, как никогда, мы должны укреплять эти связи даже ценою некоторых жертв». Укрепление морального влияния «имущего класса» на трудящихся, полагал Кавур, необходимо, чтобы воспрепятствовать возникновению «опасностей, связанных с революционным духом» и. Поэтому задача либералов — способствовать улучшению материальных и моральных условий жизни трудящихся. «Сделаем так, — писал Кавур в конце 1847 г., — чтобы все наши сограждане, как богатые,

так и бедные еще в большей мере, чем богатые, выигрывали бы от развития цивилизации, от роста богатств, и тогда мы сможем мирно, по-христиански разрешить великую социальную проблему, которую иные хотели бы решить путем страшных возмущений и ужасающих разрушений»⁵².

Какие же пути решения социальных проблем видели итальянские умеренные 30–40-х годов XIX в.? Широкая социальная программа содержалась, например, в трудах видного деятеля умеренного течения Папского государства Теренцио Мамиани, участвовавшего в революции 1831 г. и эмигрировавшего затем во Францию. В брошюрах «Практические документы, касающиеся морального и интеллектуального возрождения итальянцев» и «Наше суждение об итальянских делах»⁵³ он писал о необходимости сокращения и даже отмены «всякого рода пошлин и налогов, которые более всего отягощают народные низы», «увеличения численности больниц и улучшения их качества», создания учреждений общественной благотворительности, о введении социального законодательства, организации технических школ, детских приютов и т.д. Поскольку эти меры требовали государственных расходов, следовало, по мнению Мамиани, увеличить доходы казны за счет прогрессивного налога и налога на наследство. Особое внимание уделял Мамиани социальным отношениям в сельском хозяйстве. Он утверждал, что аграрное законодательство должно так регулировать отношения между землевладельцами и крестьянами, чтобы оно способствовало улучшению условий жизни последних и защищало их от всяческих несправедливостей⁵⁴.

Проблема распределения богатств занимала и другого сторонника умеренных реформ в Папском государстве — Марко Мингетти. В одном из выступлений на заседании «Аграрного общества» Болоньи он, в частности, заявил, что «материальное благосостояние людей есть цель, а производство и богатство — средство для достижения этой цели». Защиту крестьян он рассматривал как одну из важнейших задач общества⁵⁵.

Большое значение введению социального законодательства в Пьемонте придавал Петитти ди Рорето. Он включил в свою программу следующие пункты: возрастное ограничение детского труда; определение максимальной продолжительности рабочего дня; запрещение ночного труда; гигиенические и другие меры по охране труда, создание для молодых рабочих условий, позволяющих продолжать учебу; эффективный контроль за осуществлением перечисленных выше мероприятий⁵⁶.

Практические шаги итальянских умеренных в области решения социальной проблемы сводились в основном к филантропии. По всему полуострову в 30-х и особенно в 40-х годах создавались сберегательные кассы для бедных, предназначенные главным образом для оказания помощи крестьянам. Особенно значительные масштабы приобрела благотворительная деятельность умеренных по созданию приютов для детей бедняков (от 2 до 10 лет), своего рода детских садов, где дети оставались, пока родители находились на работе. Начало движению по

основанию приютов было положено еще в конце 20-х годов в Ломбардо-Венецианской области (в г.Кремона) священником Ферранте Апорти. На протяжении 30-х — первой половины 40-х годов это движение широко распространилось в Пьемонте и Тоскане. Активную деятельность в области пропаганды и практической организации приютов осуществляло пьемонтское «Аграрное общество». Одним из наиболее деятельных организаторов первых приютов в Пьемонте был Кавур, в Тоскане — Р.Ламбрускини и Э.Мейер. Всего к 1846 г. по всей Италии было создано 1688 приютов для 18 тыс. детей. Создатели приютов вынуждены были отстаивать свою инициативу в ожесточенной борьбе с силами клерикальной реакции, прежде всего с иезуитами, крайне враждебно относившимися к методам воспитания в этих учреждениях, основанным на достижениях передовой педагогической науки того времени. В Папском государстве учреждение приютов было запрещено в 1837 г., тогда как в Ломбардии, Пьемонте и Тоскане правительства не препятствовали этой деятельности.

Вопросам народного образования, профессионального обучения, как уже отмечалось, итальянские либералы также придавали большое значение. Так, ломбардские журналисты выдвигали требования модернизации образования, т.е. введения основ технических знаний в курсы общеобразовательных школ, создания специальных технических училищ. Издатели и сотрудники журналов Ломбардии непосредственно участвовали в пропаганде научных и технических знаний. В начале 40-х годов в Милане Филиппо де Филиппи прочел в течение двух лет курс популярных публичных лекций по минералогии, анатомии и физике. Лекции для широкой аудитории (до 400–500 слушателей), среди которой было много рабочих, проводило созданное в 1841 г. «Миланское общество поощрения искусств и ремесел» (среди инициаторов этого общества был К.Каттанео)⁵⁷. В Тоскане маркизом Козимо Ридольфи в его имени Мелето был основан в 1834 г. так называемый Аграрный институт, где крестьянам преподавали основы сельскохозяйственных знаний⁵⁸. Пьемонтские либералы вели борьбу за создание вечерних и воскресных школ для трудящихся (детей и взрослых)⁵⁹.

Широкую просветительскую деятельность осуществляли специальные издания для народа, такие, как, например, пьемонтские журналы «Letture popolari» («Народное чтение») и сменивший его «Letture di famiglia» («Семейное чтение»), издававшиеся Лоренцо Валерио. В Тоскане выходили журналы «Educatore popolare» («Народный воспитатель»), издававшийся Э.Мейером и Дж.Монтанелли, и «Guida dell'educatore» («Руководство для воспитателя»), трактовавшие проблемы народного образования в патерналистском духе. «Народная литература», издававшаяся либералами, внушала народным массам мысль об общности их интересов с буржуазией, об искренней заинтересованности господствующих классов в улучшении условий их существования. Вместе с тем не следует забывать и того, что умеренные либералы в своей трактовке проблем народного образования выступали против крайне реакционного направления, «превозносившего, — по словам

Дж.Канделоро, — невежество и суеверия как наиболее надежные средства борьбы с революционными настроениями»⁶⁰. Выявляя причины выдвижения умеренных на первый план в итальянском общественном движении 40-х годов XIX в., А.Граммши особенно выделял их деятельность в области народного образования и воспитания, противостоявшую «иезуитской» школе. Он отмечал широкое воздействие педагогических и филантропических идей умеренных не только на светские круги, но и на «либеральное и антииезуитское» крыло духовенства. Помимо всего прочего, «эта деятельность, — указывал Граммши, — имела также большое практическое значение для интеллигенции... поскольку существовало крайне мало сфер приложения инициативы для ее мелкобуржуазных представителей»⁶¹.

*

В сложном и многогранном процессе выработки программы умеренно либерального течения, прежде всего в части ее социально-экономических требований, немаловажную роль играли общеитальянские конгрессы ученых, на которых представители интеллигенции со всех концов Апеннинского полуострова впервые получили возможность совместно обсудить ряд острых практических и научных проблем. Идея созыва конгрессов принадлежала крупному ученому-орнитологу племяннику Наполеона I князю Канино (Шарлю Люсьену Бонапарту), который с 1804 г. жил в Риме. Вернувшись с научного конгресса во Фрибурге в конце 1838 г., он обратился к тосканскому великому герцогу Леопольду II с предложением созвать подобный конгресс итальянских ученых в Тоскане и получил согласие. Конгресс состоялся в Пизе в октябре 1839 г. Инициатива в деле подготовки и проведения конгресса принадлежала тосканским умеренным либералам. Самую активную роль, в частности, играл Вьессе.

На конгрессах даже не упоминались политические проблемы и обсуждались лишь вопросы развития экономики, сельского хозяйства и естественных наук. Однако объективно эта форма контактов итальянских ученых, заинтересованных в прогрессе науки и экономическом развитии всей Италии и в подавляющем большинстве своем настроенных либерально, вела к сплочению умеренно либеральных сил и к усилению их влияния по всей Италии. Это прекрасно понимали не только их друзья, но и враги. Австрийское правительство осудило Леопольда II за разрешение провести I конгресс в Тоскане. Посланник Австрии во Флоренции Ровицкий называл великого герцога «бесчестным предателем, еретиком и вероотступником»⁶². Ученым из Ломбардо-Венецианской области было запрещено участвовать в I конгрессе. Папское и неаполитанское правительства также не разрешили своим подданным приехать в Пизу.

Сардинский министр иностранных дел ярый реакционер граф Соларо делла Маргарита, хотя и не смог помешать участию в конгрессе сардинских ученых, рассматривал этот съезд как угрозу общественному спокойствию в Италии. Этот конгресс, писал он, был не чем иным, как «орудием сект», что «науки и искусства были лишь предлогом для отвода

глаз, а истинная его цель — итальянская революция. Публично говорили о науке и искусствах, а в частной обстановке корифеи различных либеральных направлений встречались, чтобы обсудить совсем другие дела. Происходили личные знакомства, сближения... завязывалась переписка. Они утверждались в своих надеждах, готовились выработать соглашения о единстве всех сил от Альп до мыса Фаро во имя великого дня, когда наступит желанное возрождение»⁶³.

Число участников девяти конгрессов (с 1839 по 1847 г.) с каждым годом возрастало. На I конгрессе присутствовал 421 человек, на II (в Турине) — 611, на III (во Флоренции) — 888. Наиболее многолюдным (2427 участников) был VII конгресс в Неаполе⁶⁴. Участниками конгрессов были главным образом ученые из Пьемонта, Тосканы и Ломбардо-Венецианской области (запрещение австрийского правительства было отменено после первого конгресса). Более того, последнее вынуждено было, считаясь с духом времени и общественными настроениями в Италии, согласиться на организацию трех конгрессов в Падуе (IV), Милане (VI) и Венеции (IX). Значительно меньше представителей было из Королевства Обеих Сицилии. Разрешение на участие в конгрессах ученым Папского государства было дано лишь после восшествия на папский престол в 1846 г. Пия IX.

В ходе работы конгрессов все яснее проявлялась тенденция рассматривать Италию — ее науку, экономику, культуру — как единое целое. В конгрессах участвовали, по словам журнала «Rivista europea», «не тосканские, ломбардские или неаполитанские, а итальянские ученые»⁶⁵. Стремление распространить на всю Италию передовые институты и организации, существовавшие в некоторых государствах, отразилось в предложениях организовать повсюду технические училища, подобные ломбардским, аграрные союзы по образцу Тосканы и Пьемонта с тем, чтобы затем они все объединились в общеитальянскую ассоциацию. В целях поощрения национального виноделия было предложено создать в Милане общеитальянскую кладовую вин. На VII конгрессе в Неаполе тосканский либерал Луиджи Серристоры и маркиз ди Самбюи говорили о путях улучшения сельского хозяйства и производства шерсти по всей Италии. В Милане (на VI конгрессе) и в Неаполе обсуждался вопрос о внедрении в Италии единой системы мер, весов и денег, а на VIII конгрессе в Генуе — единой системы ирригации. На неаполитанском конгрессе предлагалось организовать общеитальянскую выставку промышленных изделий с целью «придать единообразие итальянской промышленности и технической мысли». Там же высказывались за создание итальянского таможенного союза. На VIII конгрессе в Генуе в 1846 г. видный историк и общественный деятель либерального направления Чезаре Канту изложил проект строительства железнодорожной сети для всей Италии, которая объединила бы ее материально и способствовала бы исчезновению «муниципальных предрассудков и ограниченности», а также тех «барьеров, которые разделяют братьев»⁶⁶.

В неразрывной связи с вопросами экономическими ставились на конгрессах проблемы тяжелого положения народных масс, дискутировались вопросы о средствах борьбы с пауперизмом, о продолжительности рабочего дня, об использовании труда женщин и детей. Так, на IV конгрессе в Падуе специальной комиссии было поручено проведение документированного обследования условий детского труда на мануфактурах. Вопрос о содействии начавшим возникать в тот период рабочим обществам взаимопомощи стоял на V конгрессе в Лукке⁶⁷. На конгрессах обсуждались также (в секции медицины) санитарные условия в больницах и тюрьмах, причины распространения болезней среди трудящихся.

На конгрессах, проходивших в Ломбардо-Венецианской области, несмотря на официальные запреты, все же порой проявлялись антиавстрийские настроения их участников. Так, русский посланник в Турине Н.А.Кокошкин сообщал, что на миланском конгрессе 1844 г. князь Канино (возглавлявший секцию зоологии и сравнительной анатомии. — М.К.) «обнаружил склонность к постановке нескольких неуместных вопросов»⁶⁸, а на последнем, венецианском конгрессе, по словам присутствовавшего там Григория Волконского, князь Канино «слишком громко призывал к независимости Италии»⁶⁹. Австрийская «Gazzetta di Venezia» (материалы из которой перепечатал петербургский «Русский инвалид») также не преминула отметить «только одно неприятное впечатление» от венецианского конгресса — первую речь князя Канино в секции зоологии, которая «имела политический оттенок»⁷⁰. По свидетельству секретного австрийского агента, один из участников дискуссии в секции агрономии того же венецианского конгресса выразил надежду, что австрийцы «скоро уйдут от нас»⁷¹.

Сардинское правительство пыталось принимать меры, направленные на то, чтобы ослабить воздействие на общественное мнение идей, выдвигавшихся крупнейшими учеными Италии. С этой целью на конгрессах, проходивших в Сардинском королевстве, местные власти устраивали, по словам Петитти, «множество празднеств, обедов, много балов», чтобы как можно меньше времени оставалось заниматься «подлинной передовой наукой»⁷².

Значительная часть выдвигавшихся на конгрессах предложений не была осуществлена: слишком много препятствий стояло на пути практического претворения их в жизнь. Однако это не умаляет исторического значения конгрессов. О роли конгрессов в создании предпосылок единства говорили сами их участники. Так, видный пьемонтский общественный деятель Дж.Баруффи⁷³ отмечал в 1840 г. в журнале «Letture popolari», что «в моральном отношении итальянский мир делал большие шаги к единству. Это была эпоха сближения и любви»⁷⁴. А.Грамши подчеркивал «двойной эффект» конгрессов итальянских ученых: «Во-первых, объединение интеллигентской элиты, что способствовало усилению ее влияния, и, во-вторых, усиление воздействия этой элиты на рядовых интеллигентов», которые тем самым активнее вовлекались в движение»⁷⁵. Благодаря конгрессам, таким

образом, происходило сплочение сил, сыгравших впоследствии большую роль в деле воссоединения Италии. Конгрессы ученых явились по существу первой организационной формой общенационального умеренно либерального движения.

Политические установки либералов

Поражение революции 1831 г. и особенно крах мадзинистских заговоров 1833—1834 гг. явились важнейшими событиями, которые способствовали более четкому размежеванию сил внутри итальянского освободительного движения, значительной консолидации умеренного его фланга. Даже те либералы, которые в прошлом активно участвовали в революциях или сочувствовали им, отличаясь от деятелей демократического лагеря представлениями скорее о целях движения, чем о средствах их достижения, теперь приходили к выводу о необходимости постепенного, умеренного, мирного преобразования Италии, к отказу от революционных методов достижения этой цели.

Показательна в этом отношении эволюция взглядов Кавура. Молодой офицер радостно встретил французскую революцию 1830 г. Думая о «несчастной Италии... вечно униженной системой гражданского и религиозного гнета», он надеялся, что победа во Франции приведет к тому, что «займется заря, которая осветит итальянское обновление»⁷⁶. Позднее, в 1843 г., Кавур писал: «В 1831 г. я был сторонником умеренного прогресса там, где это было возможным... Но я верил тогда, что в случае, если мирный прогресс окажется неосуществимым, следует стремиться к достижению успеха с помощью насильственных средств. На этот счет мои взгляды сильно изменились...»⁷⁷.

В действительности воззрения Кавура начали меняться еще в 1831 г. во время революционных событий в Центральной Италии, когда, по его словам, Италии угрожала «ужасная революция»⁷⁸. Находясь в 1833—1834 гг. в Швейцарии, Кавур осуждал правительство Карла-Альберта за «жестокость», «нарушение законности» во время судебных процессов над участниками мадзинистского заговора в Пьемонте, за отсутствие справедливости и человечности. Вместе с тем «Молодая Италия» и Мадзини вызывали у Кавура резко отрицательное отношение. Это — «неистовая, жестокая, нелепая партия». Ее «экстремистские выступления» мешают делу прогресса, так как толкают правительство на крайне реакционные меры, писал он⁷⁹.

Кавур пришел к убеждению, что в Италии «демократическая революция не имеет шансов на успех», поскольку господствующие классы «стоят на защите своих чрезвычайно консервативных интересов», связанных земельной собственностью⁸⁰.

Неверие в возможность преобразования Италии революционным путем, с одной стороны, и страх перед угрозой новых революционных вспышек в Италии и Европе — с другой, порождали у Кавура в середине 30-х годов сомнения в том, что в Италии, и в частности на его родине, в Пьемонте, осуществимы какие-либо либеральные преобразования. «Безрассудства республиканцев, их преступления, их жестокость

бесконечно задерживают продвижение вперед. Необходимо примириться со «статус-кво»⁸¹ — к такому пессимистическому выводу пришел он в 1835 г. Однако пассивность противоречила деятельной натуре Кавура. И он вновь проповедует необходимость экономического и социального прогресса в Италии, которого следует добиваться исключительно мирными, умеренными средствами.

Существенное идейное воздействие на Кавура и других итальянских либералов 30–40-х годов XIX в. оказали созвучные их настроениям философские взгляды сторонников доктрины Кузена и Гизо. Применительно к практической деятельности эти взгляды проявлялись в осуществлении политики «золотой середины», признававшей необходимость прогресса, но без нарушения легальности, без каких-либо насильственных толчков⁸². Кавур не раз говорил о том, что считает себя последователем этой французской доктрины. «Золотую середину» он понимал при этом не как особую систему взглядов того или иного мыслителя, но как «политику, суть которой сводится к согласованию с требованиями времени всего того, что оправдано разумом»⁸³.

«Я убежденный сторонник "золотой середины", стремящийся всеми силами к социальному прогрессу и действующий во имя этой цели, но твердо решивший не добывать его ценой всеобщего политического и социального переворота», — писал он своему другу в мае 1833 г. Позднее, в 1835 г., он снова воздает хвалу «золотой середине», «единственной политике... способной спасти общество от двух подводных камней, которые ему угрожают: от анархии и деспотизма»⁸⁴.

По существу ту же политику имел в виду Бальбо, когда утверждал, что «только равновесие власти и свободы может спасти нас от обеих опасностей — тирании и анархии»⁸⁵. Бальбо, как и другой виднейший деятель либерального течения — его кузен Массимо Д'Адзелио,⁸⁶ категорически отвергал революционные методы борьбы. Оба они сформировались в среде высшей аристократической знати Пьемонта, оба вступили в движение уже зрелыми людьми (Бальбо родился в 1789 г., Д'Адзелио — в 1798 г.). Ни тот, ни другой, находясь в Пьемонте в 1821 г., не одобрили начавшейся здесь революции, хотя многие их друзья оказались среди ее руководителей⁸⁷.

«Чезаре Бальбо говорил, что это движение, как и предшествующее ему неаполитанское, задержало на много лет наше освобождение, и он говорил правду»⁸⁸, — писал в своих мемуарах Д'Адзелио.

После провала мадзинистских заговоров Бальбо не раз с раздражением писал о «несчастных попытках», о восстаниях, которые «способствуют сохранению нечестивого огня взаимных распри и мщений». «Было бы ошибкой, ребячеством, непростительной глупостью, — указывал Бальбо, — придерживаться опасного пути революции». «Чрезвычайно опасной является такая ситуация, при которой человек может толкнуть свой народ на путь восстаний... помешать делу многих, даже целой нации, надолго задержать ее развитие и путем неуместных выступлений рисковать ее будущим»⁸⁹, — вторил ему Д'Адзелио. Он утверждал, что «самые важные действия во имя возрождения Италии

следует осуществлять, держа руки в карманах», т.е. мирным путем. Только такого рода «заговор при свете дня» может быть полезен родине⁹⁰. «Попытками неразумными, часто смешными и всегда вредной растратой сил» называл восстания анонимный автор брошюры «Итальянские железные дороги и Австрия» (опубликованной в 1846 г.), противопоставляя им «длительные усилия, упорную осторожную деятельность» умеренных во имя национальной независимости⁹¹.

Провал выступлений мадзинистов в 1833–1834 гг. вызвал сомнения в осуществимости революционного пути для Италии того времени и среди сторонников республиканско-демократического лагеря. Некоторые демократы отказывались от своих убеждений и переходили на позиции умеренного либерализма. Подобную эволюцию проделал Винченцо Джоберти. В начале 30-х годов он, как уже отмечалось, разделял взгляды Мадзини⁹². В эмиграции, размышляя над причинами неудач последних мадзинистских заговоров, он резко осудил «злополучную Савойскую экспедицию», сохраняя, однако, уважение к личным качествам мадзинистов.

15 сентября 1834 г. Мадзини обратился к Джоберти с письмом, содержащим аргументы в защиту революционных попыток, даже обреченных на неудачу. «Это — наука стойкости, а не покорности, наука взлетов и падений... наука не отчаиваться после первого и после второго падения, наука, которой необходимо овладеть народам, и особенно нашему... Иначе нам остается только прозябать в бездействии, смириться с потерей всякого национального сознания и могущества, отказаться от итальянского будущего и ждать вместе с доктринерами помощи от Франции».

В своем ответе Джоберти, сохраняя доброжелательный тон, осудил, однако, революционный путь, по которому намеревались и дальше идти Мадзини и его единомышленники: «Неудавшиеся революционные попытки еще больше ослабляют и устрашают слабых... уменьшают число сильных, усиливают злодеев... Они дают монархам и правительствам обоснованный повод не только к жестоким репрессиям, но и к ограничению и уничтожению тех возможных ростков просвещения, которые для такой отсталой и слабой цивилизации, как наша, имеют столь большое значение»⁹³. По мнению Джоберти, следует действовать другим путем — менее разрушительным, более осторожным, но и более эффективным.

«Пятнадцать лет поражения революций (с 1820 по 1834 г. — М.К.) по крайней мере вдвое ослабили темпы гражданского прогресса, который в противном случае уже достиг бы существенных результатов в Италии», — писал Джоберти в другом письме из Парижа в мае 1834 г.⁹⁴

Изменение отношения Джоберти к мадзинизму с течением времени отразилось и на его оценках личности самого Мадзини. Если в 1834 г., до Савойской экспедиции, он говорил о Мадзини как о человеке «с умом и сердцем, пламенная и непреклонная вера которого только и может завоевать души тех, кто слушает и читает», то в 1840 г. Мадзини представлялся ему «демоном, стремящимся к восстаниям и эксцессам»⁹⁵.

Взгляды Джоберти на «истинную умеренность», которая «на деле обезвредила безумные происки Мадзини и его друзей» и явилась первым подлинным вождем итальянского общественного мнения, разделял его друг пьемонтский либерал Петитти ди Рорето⁹⁶.

Центральный вопрос политической программы либералов, складывавшейся на протяжении 30-х годов и особенно интенсивно в 40-х годах, — создание единой Италии и неразрывно связанная с ним национальная проблема. Таможенный союз, единая система мер, весов и денежных знаков, создание единой сети железных дорог — словом, все экономические проблемы, о которых шла речь выше, приобретали в трудах либералов острое политическое звучание, поскольку трактовались они как предпосылки создания единой Италии. Так, Петитти видел в железных дорогах важнейшее средство возрождения Италии, превращения ее жителей в единую семью. Его главным стремлением было «объединить согласных между собой итальянцев и показать им, что подлинный общий интерес требует отказа от жалких муниципальных идей, которые всегда были причиной наших бед»⁹⁷.

Д'Адзелио в брошюре «О последних событиях в Романье» считал важнейшей задачей итальянцев выдвигание на первый план «национальных интересов», видя в этом «единственный путь, который рано или поздно может привести нас сначала к всеобщему благу, а затем с неизбежностью и к благу каждого»⁹⁸.

В представлениях Кавура эта проблема со временем приобретала все большую значимость. Если в 30-х — начале 40-х годов, как уже отмечалось, он полагал, что решающими для судеб Италии являются экономические вопросы, то уже в 1846 г. он подчеркивал первостепенное значение зрелого национального сознания широких кругов итальянцев для решения всех проблем, стоящих перед Италией. А в декабре 1847 г. в основанной Бальбо газете, которая получила знаменательное название «Risorgimento», т.е. «Возрождение» (под этим широко распространившимся в Италии в середине 40-х годов XIX в. термином представители передовой общественной мысли понимали «возрождение и объединение итальянцев» после падения Римской империи и многовековой государственной раздробленности Италии), Кавур заявлял: «Там, где нет общественной жизни, слабо национальное чувство, никогда не будет сильной промышленности»⁹⁹. Эта мысль развивалась и в флорентийской газете «Patria», подчеркивавшей, что «первая причина нашего экономического упадка та же, что лежит в основе и нашего политического упадка, а именно отсутствие в Италии сложившейся национальности». Та же «Patria» определяла формирование национального чувства как «начальную и конечную цель», как «идеальную синтетическую формулу, дающую свет и тепло отдельным преобразованиям»¹⁰⁰.

Такая, казалось бы, региональная организация, как пьемонтское «Аграрное общество», также усиленно подчеркивала свой итальянский, национальный характер. «Со всех концов полуострова, — писал Л.Валерио, — прибывали люди, чтобы записаться в нашу организацию как

организацию национальную, чтобы протянуть нам братскую руку во имя общего дела родины»¹⁰¹. Поскольку интеллигенция Пьемонта по традиции разговаривала и писала чаще на французском, чем на итальянском, языке, журнал «Letture popolari» вел активную пропаганду употребления исключительно итальянского языка.

Не раз обращался к национальной проблеме Чезаре Бальбо. События истории, замечал он в одном из писем, заставляют и наше поколение «желать, хотеть, верить... в то, что мы должны быть, что мы являемся итальянцами. Да, мы итальянцы, всегда будем ими, и никто не отнимет у нас этого»¹⁰². С особой силой эта тема звучала у либералов Ломбардии. «Наша страна... никогда не откажется от того, что она — часть Италии... Боритесь за то, чтобы наша история, наше братство с итальянцами, наш язык, наши мысли, наши интересы не считались преступными и не рассматривались как мятеж», — говорилось в анонимном адресе депутатам Центральной конгрегации Милана (1847 г.)¹⁰³.

Детальную разработку итальянская национальная тема получила в труде Винченцо Джоберти «О духовном и гражданском первенстве итальянцев», опубликованном в мае 1843 г.¹⁰⁴

Основные идеи важнейшего труда Джоберти не были оригинальными. От итальянской гуманистической культурной традиции он воспринял и развивал мысль о первенстве Италии, духовного центра цивилизованного мира со времен античности, в философии, теологии, в точных науках, в искусстве, литературе и языке. Интеллектуальные и духовные силы страны, мысль и воля прежде всего, должны заставить итальянцев осознать свое духовное и гражданское первенство в мире, и тогда они осуществят «великое дело национального возрождения». Главная мысль, к которой подводил читателя Джоберти, состояла в том, что «Италия содержит в себе самой... все необходимые условия национального и политического возрождения. Чтобы осуществить его, нет необходимости ни во внутренних революциях, ни тем более во вторжениях извне или подражании иностранным примерам». Важнейшее условие национального возрождения — объединение Италии, без которого невозможны «национальная жизнь» и независимость¹⁰⁵. Но для Италии неприемлем революционный путь объединения страны. Мадзинистской программе национальной революции Джоберти противопоставил программу национального примирения, согласия между монархами и народом. «Без власти суверена нет порядка, а без порядка нет ни мира, ни безопасности, ни свободной жизни, ни других благ цивилизации», — подчеркивал он¹⁰⁶.

Представители итальянской либеральной мысли в 40-х годах (до революции 1848 г.) в большинстве своем были сторонниками федеративной формы объединения Италии, отвергая, как утопическую, идею создания единого централизованного итальянского государства. Такой точки зрения придерживался, в частности, Джоберти. «Было бы безумием предполагать, что Италия, раздробленная на протяжении многих веков, — указывал он, — может мирно объединиться под властью одного монарха». Уровню развития страны, ее историческим традициям

соответствует ее объединение в форме федерации отдельных итальянских государств¹⁰⁷.

Безмерны блага, которые Италия получит от такого союза государств. Вырастет сила и мощь каждого из монархов, поскольку исчезнут причины внутренних раздоров, войн, революций. На пути иностранных вторжений в Италию возникнет непреодолимая преграда. К Апеннинскому полуострову вернется античная слава. Исчезнут различия между системами мер, весов и денежных знаков, таможенные различия, будут введены общие административные, торговые и гражданские порядки. Но даже если федерация и не даст всех этих благ, все же, по мнению Джоберти, «никто не будет отрицать, что наши судьбы будут намного лучше и завоевания наши окажутся тем более ценными, что они будут добыты без крови, без волнений, без революций»¹⁰⁸.

Федеративное устройство предполагало полную независимость всех итальянских монархов в решении внутренних дел.

Среди либералов не было единой точки зрения на то, кому из итальянских государей предназначено стать главой федерации. Джоберти полагал, что итальянским государствам следовало объединиться вокруг римского папы. Такие представления о роли папы были связаны у Джоберти с его идеей о решающей роли католической религии в духовном и гражданском возрождении Италии, об универсалистской роли католической церкви¹⁰⁹. При этом он сознавал, что в своем труде нарисовал картину, далекую от действительности, если иметь в виду конкретную фигуру реакционнейшего монарха Григория XVI, злоупотребления римской курии, кризисное положение Папского государства¹⁰⁹. В одном из неопубликованных документов, обнаруженных итальянским исследователем Э.Сольми, Джоберти даже признавал необходимость уничтожения светской власти папы, ибо это «положит конец... беспорядкам в римской курии, богатству, светскому могуществу и коррупции духовенства, их невежеству и вытекающим отсюда нетерпимости и враждебности к свободе и культуре, испорченной или просто бесполезной монашеской братии, процветанию иезуитов»¹¹¹. Вместе с тем Джоберти во имя утверждения национальной идеи отстаивал необходимость обновления, возрождения католической церкви путем ее примирения с идеями прогресса и свободы. Именно в неразрывном союзе религии с национальным движением и утверждается, по его мнению, духовное и гражданское первенство итальянцев. «Я стремлюсь сделать папу орудием свободы и культуры», — писал он в 1844 г.¹¹³

Стремление Джоберти примирить католическую религию с современными прогрессивными идеями, так же как и идея о культурном первенстве итальянцев, не было чем-то новым и оригинальным. Здесь он опирался на либерально-католические, неогвельфские идеи, широко распространенные в исследуемый период в итальянской художественной и исторической литературе. Наиболее крупными литераторами, принадлежавшими к этому направлению, были А.Мандзони и С.Пеллико. Джоберти с воодушевлением отзывался о творчестве этих «великих

писателей». Особенно привлекал его «народный католицизм» «Обрученных» Мандзони. Пеллико был посвящен главный труд Джоберти. Виднейшими представителями либерально-католической историографии были К.Тройя, Дж.Каппони, Ч.Бальбо, Ч.Канту и др. Немалое воздействие на либерально-католические концепции Джоберти оказали и взгляды Ламенне.

Итак, с одной стороны, по мнению Джоберти, такая глубоко католическая страна, как Италия, может возродиться, осознать себя как нацию лишь на основе религиозного возрождения и обновления католицизма в прогрессивном духе. С другой стороны, религия, по Джоберти, служит лишь орудием осуществления политических целей. Подобный подход к религии, равно как и способность согласовывать свои идейные установки с конкретной политической ситуацией, давал Джоберти основание говорить о себе как о «политическом реалисте».

«Политический реализм» Джоберти действительно обнаружил в постановке вопроса о важной роли Пьемонта в будущей федерации итальянских государств. По его словам, Пьемонт являлся «обителью силы» (тогда как Рим — «обитель милосердия»), «опорой и защитой Италии». Пьемонт должен был «зорко следить со своих гор за любым иностранным агрессором и раздавить его своими силами, способствуя возрождению — вместе со своими могущественными соседями — независимости Италии». Джоберти с похвалой отзывался о савойской монархии, дал высокую оценку прогрессивным мероприятиям Карла-Альберта¹¹⁴, которого еще совсем недавно, в конце 30-х годов, он резко осуждал. Джоберти выдвинул свою программу постепенного, нереволutionного преобразования Италии в момент, когда разочарование в революционных методах борьбы схватило широкие слои участников патриотического движения. Это явилось одной из причин широчайшей популярности идей Джоберти и, как следствие этого, вовлечения в ряды национального движения значительных сил (прежде всего широких кругов духовенства), которые ранее католицизм неразрывно связывал с реакционным лагерем. «Дорогой Джоберти, — писал ему Петитти, — у вас есть серьезное основание быть довольным собой. Ваша книга обратила духовенство в свою веру, и, несмотря на мракобесие епископов, оно превращается в движущую силу прогресса»¹¹⁵. Имея в виду именно эту цель, Джоберти в своей книге «О духовном и гражданском первенстве итальянцев» не касался вопроса о злоупотреблениях духовенства в Папском государстве, о необходимости коренных реформ в его управлении.

Вместе с тем сама мысль о руководящей роли папы в деле осуществления итальянского объединения и независимости была, как показало будущее, неогвельфской иллюзией, политическим мифом. Спустя три года после выхода книги Джоберти, с вступлением в 1846 г. на папский престол Пия IX, многим не только в Италии, но и в других европейских странах показалось было, что этот миф способен претвориться в жизнь. Однако очень скоро стала обнаруживаться беспочвенность этих надежд, а революция 1848 г. окончательно их разрушила. Показательно, что даже Ч.Бальбо, находившийся, по словам

Дж.Берти, «под влиянием католицизма и папы в гораздо большей степени, нежели Джоберти»¹¹⁶, разделявший большую часть либерально-католических положений «Первенства» и посвятивший свой труд «Надежды Италии» Джоберти, считал, что «великая идея» итальянской федерации под главенством папы практически неосуществима. Отстаивая вслед за Джоберти идею создания федерации существующих государств как «форму, наиболее соответствующую природе и истории Италии», Бальбо полагал, что ведущая роль в федерации итальянских государств должна принадлежать Сардинскому королевству¹¹⁷. Такой же точки зрения придерживался и Д'Адзелио, утверждавший, что Сардинское королевство может претендовать на эту роль, «поскольку оно ведет независимое существование, имеет в запасе большие средства, располагает значительным войском и т.д.»¹¹⁸. Несмотря на личную неприязнь к королю Карлу-Альберту, Кавур также был убежден в том, что савойская монархия должна возглавить осуществление любой национальной инициативы в Италии¹¹⁹.

Не только Бальбо, но и другие умеренные либералы (особенно из Папского государства и Тосканы) утверждали, что союз с католической церковью невозможен при существующей ныне порочной системе управления Папским государством и реакционной позиции папы и римской курии. Стремясь привлечь на свою сторону либеральные силы, которые отнеслись с недоверием к некоторым положениям «Первенства», а также нейтрализовать острую критику его идей демократами, Джоберти был вынужден более решительно и четко отмежеваться от реакционной католической доктрины. С этой целью он начал широкую и энергичную полемику с иезуитами, являвшимися в 40-х годах XIX в. важнейшим оплотом европейской реакции в борьбе против либеральных идей и политики реформ.

Наряду со вторым изданием «Первенства» в 1845 г. в Брюсселе была издана книга Джоберти «Введение к гражданскому и духовному первенству итальянцев», а в 1846—1847 гг. в Лозанне появился его новый пятитомный труд «Современный иезуит». В этих работах Джоберти называл учение ордена иезуитов «ложным и испорченным католицизмом». Если методы воздействия «подлинного» католицизма — любовь, терпимость, убеждение, утверждал Джоберти, то методы иезуитов — противные евангельскому духу соблазн и коварство. Особенно резким нападкам подвергал Джоберти систему воспитания у иезуитов. Орден покушается не только на неприкосновенную личность индивида, писал он, но и на национальную идею, в чем он оказывается заодно с Австрией. «Я хочу, чтобы Италия была единой, вы хотите видеть ее раздробленной и хаотической, — обращался Джоберти к иезуитам. — Я хочу, чтобы она была свободной, вы — рабой... Таким образом, вы стремитесь к регрессу и ухудшению обстановки, я — к улучшению. Вы хотите тьмы, я — света, вы — тихой смерти, я — энергичной, бурной жизни»¹²⁰.

Антииезуитские выступления Джоберти вызвали яростные атаки иезуитов. Так, в ответ на «Введение к духовному и гражданскому

первенству...» в 1845 г. появились две брошюры: «К Винченцо Джоберти», автором которой был Франческо Пеллико (брат писателя С.Пеллико), и «Факты и аргументы в ответ на многие рассуждения Винченцо Джоберти об иезуитах...», принадлежавшая перу иезуитского священника Карло Мариа Курчи. Последний, в частности, упрекал Джоберти в том, что он превратил религию в орудие осуществления своей политической программы, которая в пылу полемики изображалась этим святым отцом значительно более радикальной, чем она была в действительности. «Во имя Евангелия он требует парламента, во имя папы — итальянской конфедерации, а во имя христианской морали — изгнания австрийцев из Ломбардо-Венецианской области. Итак, с помощью религиозных идей хотят осуществить такие преобразования и, будем называть вещи своими именами, такие революции, которые в другое время совершались вооруженным путем руками хмельного озверевшего плебса»¹²¹.

Джоберти в своей полемике с иезуитами нашел поддержку в широких кругах национального движения по всей Италии. В Пьемонте, где позиции иезуитов были чрезвычайно сильны, Джоберти поддерживали не только либералы, но и демократы (например, Лоренцо Валерио). В связи с открытием в 1846 г. иезуитского учебного заведения в г.Пизе (Тоскана) 300 жителей города (в том числе 36 преподавателей местного университета) выступили с письменным протестом. Их гражданское мужество, отмечал Петитти в письме к Джоберти, питается сочинениями Джоберти, Бальбо и Д'Адзелио. Особо он подчеркивал близость этого документа к «Введению... к первенству...» Джоберти¹²².

*

И во время создания книги «О духовном и гражданском первенстве итальянцев», и в более ранние годы, и, разумеется, в последующий период Джоберти достаточно ясно понимал, что одно из важнейших препятствий на пути создания единой Италии — это гнет Австрии, и осознавал необходимость борьбы против «злостной и хищнической Вены». «Политическая ненависть к Австрии и ее гнету в Италии — в этом чувстве должны объединиться и слиться все мнения. Гражданское единство предполагает независимость», — писал он в конце 30-х годов¹²³. Не случайно иезуит Курчи обвинял Джоберти в том, что он требует изгнания австрийцев из Италии. Однако, стремясь примирить итальянские правящие круги с либеральным движением, Джоберти из тактических соображений в своем главном труде лишь мельком коснулся проблемы национальной независимости. В книге ни разу не была упомянута Австрия и ее роль в Италии¹²⁴.

Именно это обстоятельство послужило одной из причин появления уже упоминавшейся книги «Надежды Италии», принадлежавшей перу Ч.Бальбо, «который, — по словам его биографа Э.Рикотти, — с юных лет был больше влюблен в независимость, чем в свободу...» и таким образом «решил поправить дело»¹²⁵. В самом деле центральной мыслью, идейным стержнем труда Бальбо «Надежды Италии» является мысль о независимости Италии как самой великой цели национального движения. В

первых трех главах книги речь идет о тягостных последствиях для всей Италии прямой зависимости части ее территории — Ломбардо-Венецианской области и косвенной зависимости всех остальных государств Апеннинского полуострова от Австрии.

«Зависимость одной нашей провинции от иностранцев не только исключает возможность какой бы то ни было хорошей, достойной обстановки в этой провинции, но наносит ущерб порядкам в других областях, — указывал Бальбо. — При этом не могут быть полностью независимыми даже самостоятельные государства — итальянские монархии». Бальбо выдвигал тезис о том, что без завоевания независимости невозможно осуществить объединение Италии, что «итальянская конфедерация и неосуществима и нежелательна, если в нее входит иностранная держава»¹²⁶.

Каков же, по мнению Бальбо, практический путь достижения Италией независимости? Отвечая на этот вопрос, он рассматривает четыре варианта. Первый — согласованные действия итальянских монархов — он считал неосуществимым, так как государи без поддержки иностранных держав или своих народов сами ничего не смогут сделать. Народное восстание — второй вариант. Успешным оно могло бы быть, по мнению Бальбо, в случае, если бы единодушно восстало все 23-миллионное население Италии. Но опыт прошлых восстаний доказал нереальность такого варианта. На практике все сводится к спонтанным выступлениям в отдельных городах или государствах, а «это — ничто или даже хуже, чем ничто, для дела национальной независимости»¹²⁷. Третий путь — иностранная интервенция — представлялся Бальбо чересчур опасным, так как он мог привести к замене австрийского гнета владычеством другого государства. Наконец, четвертый вариант — использование благоприятно сложившейся для Италии международной обстановки — Бальбо считал единственным путем, дающим основание надеяться на успех. При этом он отвергал любые возможности, связанные как с действиями какой-либо великой державы, претендующей на роль гегемона в Европе, так и с революционными преобразованиями на европейском континенте. Оставалась только одна «благоприятная возможность»: в случае распада Османской империи, представлявшегося Бальбо неминуемым, следовало «переориентировать» Австрию на захват турецких владений на Юго-Востоке. Бальбо был уверен, что западные державы поддержали бы эту акцию, чтобы ослабить таким образом Россию. В результате Австрия должна была, по мысли Бальбо, добровольно отказаться от своих владений в Италии, и, следовательно, итальянцы мирным путем обрели бы свою независимость.

Проект «переориентации» Австрии, так же как и основные идеи Джоберти, не был оригинальным изобретением Бальбо. Он выдвигался неоднократно пьемонтской дипломатией еще с конца 20-х годов. С той же идеей встречаемся мы в брошюре Марокетти «Независимость Италии», изданной в 1830 г.¹²⁸, а также в письме Джоберти от 23 марта 1841 г. к Дж.Массари¹²⁹. В книге «Надежды Италии» концепция «переориентации» Австрии получила, однако, наиболее законченное и детально

разработанное выражение. Бальбо особо подчеркивал практический аспект этого проекта: помимо давления на Австрию и европейские державы, для Италии важно было подготовиться к его осуществлению путем усиления движения за обновление экономической, духовной и культурной жизни страны, а также укрепления союза между монархами и народом.

Важным компонентом концепции Бальбо о «переориентации» Австрии было его отношение к России. Толкая Австрию на захват турецких владений на Дунае и Балканах, он тем самым сталкивал Австрию с Россией, которая также претендовала на эти области. Бальбо считал, что их захват Австрией — в интересах Италии и всего европейского христианского цивилизованного мира. «Россия, — подчеркивалось в «Надеждах Италии», — одна противостоит интересам всех остальных христианских наций»¹³⁰. Враждебные чувства к России в значительной мере были порождены у такого рьяного католика, как Бальбо, его пропольскими настроениями. Показательно, что Бальбо, как и другие либералы резко осуждавший позиции Николая I в отношении к католической религии и к Польше, с восхищением отзывался о таких его предшественниках, как Петр I («поистине великий царь, повернувший русскую жизнь лицом к Западу») и Александр I, хотя и считал, что последний дал полякам «слишком ограниченную» свободу.

Ограниченность и противоречивость итальянского умеренного либерализма проявились в позиции Бальбо (равно как и других итальянских либералов) в отношении угнетенных народов. Отстаивая свободу и независимость для Италии и Польши, Бальбо отнюдь не был поборником этих прав для других народов, находившихся под австрийским гнетом, а также для тех национальностей, которые, по его плану, должны были перейти от Турции во владение Австрии. Идея «переориентации» Австрии предполагала и «переориентацию» русской завоевательной политики. Бальбо всячески приветствовал расширение влияния России на Востоке и Юго-Востоке.

Очень скоро жизнь показала утопичность проекта достижения национальной независимости Италии, выдвинутого Бальбо. Австрия, разумеется, вовсе не намерена была следовать по пути, на который ей предлагал вступить автор «Надежд Италии». Как отмечал поверенный в делах России в Турине Н.А.Кокошкин, картина будущего, нарисованная Бальбо, «полностью противоречила политическим взглядам Австрии»¹³².

С идеей национальной независимости как важнейшем условии итальянского Рисорджименто мы встречаемся практически в любом сочинении либеральных авторов, посвященном вопросу о будущем Италии. Так, Д'Адзелио сравнивал вопрос о независимости Италии «с большой миной, заложенной под всем полуостровом». Он говорил об общем для всех итальянцев «от Трапани до Сузы» убеждении в том, что «Италия нуждается в освобождении от иностранного господства и влияния»¹³³.

В цитированной выше статье об итальянских железных дорогах Кавур рассматривал их как важнейшую предпосылку независимости

Италии. Он упрекал австрийское правительство в том, что оно препятствует установлению необходимых для процветания Ломбардии связей с Францией и Средиземноморьем. «Будущее, к которому устремлены все наши помыслы, — говорилось в статье, — это завоевание национальной независимости»¹³⁴.

Антиавстрийская направленность сочинения Кавура привлекла особое внимание секретаря французского посольства в Турине, который в письме к Гизо от 30 июня 1846 г. замечал: «Это произведение содержит усиленные восхваления сардинскому монарху, чрезвычайно ясные пожелания итальянской независимости и соображения по поводу моральных и материальных выгод, которые она (эта независимость. — М.К.) принесет народам Апеннинского полуострова»¹³⁵.

Представители итальянской либеральной мысли, как и демократы, считали важнейшей задачей национального движения достижение для Италии единства, независимости и свободы. В самом общем виде эти цели сформулировал Джоберти в Заключении к первому тому своего «Первенства». Условия жизни народов различных итальянских государств в будущем могут и должны различаться между собой в частности, но не в главном, суть которого, по мнению автора, сводится к трем элементам — «единству, свободе и независимости родины»¹³⁶. Выше было показано, какой смысл вкладывали в понятия единства и независимости виднейшие представители умеренно либерального лагеря, прежде всего В.Джоберти и Ч.Бальбо. В центре внимания Джоберти, как мы видели, была проблема единства, тогда как вопросы независимости отступили на задний план. Бальбо, напротив, сосредоточил свое внимание в основном на проблеме независимости. Вместе с тем оба эти автора, связанные с либеральной традицией, хотя и в самом умеренном, даже консервативном, ее варианте, не могли не затронуть тот комплекс вопросов, который, разумеется, весьма условно, можно объединить общим понятием «свобода».

Отказавшись к началу 40-х годов XIX в. от своих прежних республиканско-демократических взглядов, Джоберти становится убежденным сторонником авторитаризма. «Самым большим врагом счастья народов, — писал он в этот период, — является, по моему мнению, республика, как ее понимают обычно, иначе говоря, чистая демократия...»¹³⁷ Либеральные преобразования в Италии не должны затронуть абсолютную власть монархов, которым необходима помощь «мудрых советников, составляющих избранную аристократию вокруг трона». В этом институте «мудрых советников» и в программе умеренных реформ, затрагивавших преимущественно сферу экономики, Джоберти видит «единственный эффективный способ избежать революций и навсегда сохранить троны монархов»¹³⁸.

Позиция Бальбо в этом вопросе близка к Джоберти. Разница состояла лишь в том, что Бальбо в отличие от Джоберти всегда сохранял неизменную верность монархам. Как и Джоберти, Бальбо восхвалял консультативную форму монархии¹³⁹, был сторонником либеральных преобразований в экономике. Если Джоберти находил, что будущее

Италии — за двумя силами — буржуазией и новым дворянством, которое он противопоставлял старой дворянской аристократии, то Бальбо хотелось, чтобы и в будущем в политической жизни Италии господствовал только слой новых аристократов. «Старая аристократия идет к концу? Что ж, рождается новая, — писал он. — Вы смеетесь над новыми графами и баронами: через сто лет они окажутся старыми... И если некоторые из них являются промышленниками, торговцами, капиталистами, то это всего-навсего новая форма, новый метод образования аристократии»¹⁴⁰.

Будучи горячим поборником авторитаризма, Джоберти не мог, разумеется, принять идею народного суверенитета. «Суверенитет народа, — замечал он, — т.е. равное участие всех в деле управления, противоестествен и безрассуден»¹⁴¹. Это убеждение вытекало из неверия Джоберти в возможности итальянского народа, в его силы. «Итальянский народ — это только слово, абстракция», — замечал он в письме к Массари в марте 1841 г.¹⁴²

Одной из важных обязанностей буржуа и дворян Джоберти считал их деятельность в пользу не способных на какую-либо инициативу народных низов, «самой нищей, самой презираемой, самой работающей и самой многочисленной части населения»¹⁴³. Противником народных движений и всякой самостоятельной инициативы народа в политической жизни оставался и Бальбо, вообще не затрагивавший в своем главном труде «Надежды Италии» такие внутриполитические проблемы, как народный суверенитет и конституция¹⁴⁴.

Политические взгляды Бальбо при всем их антидемократизме принципиально отличались от установок реакционеров. Это особенно ярко проявлялось в его отношении к гражданским свободам. Хотя он и считал, что «всякая надежда на свободу должна быть подчинена делу независимости», что «дело независимости не должно быть испорчено никакими внутренними свободами»¹⁴⁵, вместе с тем он признавал, что гражданские свободы — большая созидательная сила. Бальбо подчеркивал необходимость существования политических партий, свободы печати.

Позиции Джоберти по вопросу о свободе печати оказались значительно консервативнее взглядов Бальбо. Неограниченную свободу в этой области Джоберти считал более вредной, чем существование цензуры.

Джоберти и Бальбо в своих представлениях о будущем государственном строе ограничивались, как мы видели, понятием консультативной монархии. Они не выдвигали требований установления конституционного режима и введения представительных учреждений. Подобная постановка вопроса удовлетворяла не всех итальянских либералов. Так, в упоминавшейся выше книге «Об итальянской национальности. Военно-политический очерк» автор, выражая свое несогласие с Бальбо, говорил о том, что нельзя отделять борьбу за независимость и единство от движения за конституцию¹⁴⁶.

Важнейшие положения программы итальянских либералов,

складывавшейся на протяжении конца 30-х — 40-х годов, нашли предельно четкое и обобщенное выражение в брошюре Д'Адзелио «Проект программы итальянского национального общественного мнения», опубликованной в августе 1847 г. во Флоренции.

Обосновывая название брошюры, автор утверждал, что взгляды умеренных являются преобладающими в общественном мнении страны, что их движение можно определить как партию «итальянского национального общественного мнения»¹⁴⁷.

Центральная часть брошюры — это программа реформ, рекомендуемых итальянским государям. Наряду с требованиями «полной и абсолютной независимости», экономических преобразований (единой железнодорожной системы, устранения помех для развития итальянской торговли, единой системы денег, мер и весов), улучшения системы образования Д'Адзелио выдвигал на первый план такие политические требования, как создание муниципальных и провинциальных советов, учреждение современной военной системы при ее максимальной унификации для всех итальянских государств, совершенствование законодательства (и также максимально возможная унификация его в пределах всего полуострова).

Во имя успешного осуществления этих целей необходимо, утверждал Д'Адзелио, укрепление союза между итальянскими монархами. В заключение автор призывал к «деятельному спокойствию», т.е. к мирному движению, не выходящему за рамки законности, «чтобы неуместными требованиями не нанести ущерба великому национальному делу»¹⁴⁸.

При большом многообразии оттенков итальянской умеренно либеральной мысли существо ее в конечном счете сводилось к тому, что Италия должна была превратиться в единое независимое государство путем экономических и политических реформ, без каких бы то ни было революционных потрясений.

1 Ciasca R. L'origine del programma per «l'Opinione nazionale italiana» del 1847—48. Milano, 1965, p.371—372.

2 Канделоро Дж. История современной Италии. т.2. От Рестаурации до национальной революции. М., 1961, с.314—315.

3 Канделоро Дж. Указ.соч., с.336, 338.

4 Romeo R. Cavour e il suo tempo. vol.1—2. Bari, 1969—1977 Vol.2, pt.1, p.71—73.

5 Romeo R. Dal Piemonte sabauda all'Italia liberata. Roma-Bari, 1974, p.81—82.

6 Prato G. Fatti e dottrine alla vigilia del 1848: l'Associazione agraria subalpina e Camillo Cavour. Torino, 1921, p.355, 357, 361, 368; Romeo R. Cavour..., vol.2, pt 1, p.74—75.

7 Praio G. Op.cit., p.385.

8 Romeo R. Dal Piemonte..., p.66—67.

9 Sirugo F. L'Europa delle riforme. Cavour e lo sviluppo economico del suo tempo (1830—1850).— In: Cavour C. Scritti di economia. Milano, 1962, p.XL—XLII; Romeo R. Cavour..., vol.2, pt 1, p.173—175.

10 Камилло Бензо ди Кавур — будущий вождь итальянского умеренно

либерального течения — был выходцем из семьи крупных обуржуазившихся помещиков Пьемонта. В 1829 г. он окончил Туринскую военную академию и находился на военной службе. Выйдя в отставку в ноябре 1831 г., он много путешествовал по Европе. Особое восхищение вызвали у него политические порядки и экономическая система Англии. В 1835 г. Кавур поселился в своем имении Лери, где активно занимался хозяйственной деятельностью. Он прожил там с небольшими перерывами до 1848 г. Подробнее о его деятельности см. ниже (стр. 128). 11 Romeo R. Dal Piemonte..., p.69.

12 Greenfield K.R. Economics and Liberalism in the Risorgimento. A Study of Nazionalism in Lombardy 1814—1848. Baltimore 1934 p.299.

13 Ibid., p.170, 301. Та же мысль о бесполезности абстрактных раздумий о будущем родины вместо активной деятельности сегодня содержится в стихотворении тосканского поэта Джузеппе Джусти, которое цитировал видный пьемонтский либерал Иларионе Петитти ди Рорето. Вот эти стихи: «Герои, герои? Чем вы занимаетесь?» — «Думаем о будущем». — «А что у вас в мыслях по поводу настоящего?» — «Все, а точнее ничего». — «Молодцы! Скажите, а как же Италия?» — «Мы оставляем ее на произвол». — «На произвол монархов или либералов? Итальянцев или австрийцев?» — «А кто знает...» (Petitti di Roreto I. Lettere di Petitti di Roreto a Vincenzo Gioberti (1841—1850). Roma, 1936, p.8).

14 Карло Каттанео — один из виднейших деятелей и мыслителей демократического направления на втором этапе Рисорджименто — перед 1848 годом активно сотрудничал в ломбардской либеральной прессе, выступая с социально-экономическими исследованиями, в которых «склонялся к либеральным доктринам» (Берти Дж. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965, с.28, 327,479).

15 Greenfield K.R. Op.cit., p.304—309.

16 Gentile G. G. Capponi e la cultura toscana nel secolo XIX. Firenze, 1926, p.8. Наряду с трудами на экономические темы Дж. Каппони создал ряд крупных исторических сочинений. Позднее, во время революции 1848 г., Каппони стал крупным политическим деятелем и занимал пост премьер-министра тосканского правительства. Тесные дружеские отношения связывали Дж.Каппони с А.М.Горчаковым, с 1828 г. поверенным в делах России во Флоренции. (Копии писем Дж.Каппони к А.М.Горчакову см.: ЦГАОР, ф.828, оп.1, д.492.) .

17 Demarco D. Il tramonto dello Stato Pontificio Torino, 1949 p 243

18 Romeo R. Cavour..., vol.1, p.607—682.

19 Ibid., vol.2, pt 1, p.87.

20 Prato G. Op.cit., p.154—158.

21 Romeo R. Dal Piemonte..., p.89.

22 Ibid.; Prato G. Op.cit., p.150—153.

23 Prato G. Op.cit., p.155.

24 Prato G. Op.cit., p.185; Matter p.Cavour et l'unite italienne (avant 1848). Paris, 1922, p.268.

25 Prato G. Op.cit., p.188-190, 201—202, 216—219.

26 Л.Серристориди родился в 1793 г., занимался проблемами развития техники, экономики (его очерк «О паровых машинах» был опубликован во Флоренции в 1816 г.), а также вопросами народного образования. В 1819 г. Серристориди отправился в Россию, где в чин сначала капитана, а затем майора русской армии руководил строительством водопровода в Митаве, затем служил в отделе картографии при Главном штабе. Он много путешествовал по России, служил в Грузии (на границе с Персией), жил в Одессе и других черноморских портах,

занимал пост тосканского консула в Одессе. В 30-х годах Серристоры уехал в Западную Европу — сначала в Вену, а затем окончательно возвратился во Флоренцию. Документом, отразившим его глубокое знакомство с Россией, ее историей и актуальными проблемами (в частности, экономическими), явились его «Заметки о путешествиях», опубликованные в Италии Р.Ризалити. См.: Risaliti R. Studi sui rapporti italo-russi (coi «Ricordi di viaggi» inediti di Liugi Serristori). Pisa, 1972.

27 Ciasca R. Op.cit., p.LXXXVI–LXXXVII, 261.

28 Ibid., p.264, 267.

29 Cavour C. Scritti di economia, p.289.

30 Ciasca R. Op.cit., p.223.

31 Ciampini R. Gian Pietro Vieusseux. I suoi viaggi, i suoi giornali, i suoi amici. Torino, 19153, p.371–373.

32 Balbo C Delle speranze d'Italia. Capolago, 1844. Чезаре Бальбо — выходец из аристократической пьемонтской семьи, один из идеологов умеренно либерального течения. В 1848 г. — глава первого конституционного кабинета в Сардинском королевстве.

33 Ciasca R. Op.cit., p.295–297.

34 Balbo c.Op. cit., p.420–435, 441–452.

35 Ciasca R. Op.cit., p.290, 299.

36 Ciasca R. Op.cit., p.303–304.

37 Ciasca R. Op.cit., p.216.

38 Ibid., p.217–218.

39 Francovich C. Idee sociali e organizzazione operaia nella prima meta dell'800 (1815–1847). Milano; Roma, 1959, p.121; Passatnonti E. Il giornalismo giobertiano nel 1847–1848. Milano, 1914, p.34–43.

40 Balbo C. Op.cit., p.429.

41 Ciasca R. Op.cit., p.281–282.

42 Delle strade ferrate italiane e del migliore ordinamento di esse; cinque discorsi. Capolago, 1845.

43 Arese F. Cavour e le strade ferrate. Milano, 1953, p.42.

44 В 1838 г. Кавур — один из активнейших членов акционерной компании в Шамбери (Савойя) по строительству железной дороги Шамбери — Лион. Проект этот, однако, не был осуществлен. Начало железнодорожного строительства в Пьемонте Кавур приветствовал в «Gazzetta piemontese» в декабре 1839 г. См.: Romeo R. Cavour..., vol.1, p.736–744; Ciasca R. Op.cit., p.213.

45 Cavour C Op.cit., p.225–227.

46 Ibid, p.233–234.

47 Prato G. Op.cit., p.348.

48 Ibid., p.349–350.

49 Balbo c.Op. cit., p.123–124.

50 Prato G. Op.cit., p.331–334.

51 Cavour C. Op.cit., p.49, 66.

52 Ibid., p.289–290.

53 Mamiani t.Documenti pratici intorno alia rigenerazione morale e intellettuale degli italiani. Parigi, 1838; Idem. Parere inlomo alle cose italiane. Parigi, 1839.

54 Demarco D. Op.cit., p.252–255.

55 Demarco D. Op.cit., p.255

56 Prato G. Op.cit., p.386.

57 Greenfield K. R. Op.cit., p.260–262.

58 Francovich C. Op.cit., p.120.

59 Prato G. Op.cit., p.388; Passamonti E. Op.cit., p.56–57.

60 Канделоро Дж. Указ.соч., с.428.

61 Gramsci A. Il Risorgimento. Roma, 1971, p.135.

62 Tivaroni c.L'Italia durante il dominio austriaco (1815–1849). Torino; Roma, 1893, t.2, p.31. Австрийский маршал Радецкий полагал, что конгрессы предназначены для того, «чтобы заложить основы дела итальянского возрождения» (Bonfadini R. La politica degli stati italiani dal 1831 al 1846. — In: La vita italiana nel Risorgimento. Firenze, 1898, p.21).

63 Solaro delta Margarita c. Memorandum storico politico. Torino, 1852, p.123.

64 Ciasca R. Op.cit., p.253.

65 Ibid., p.252.

66 Ibid., p.255–257.

67 Francovich c.Op. cit., p.122–129.

68 АВПР, ф.Канцелярия, 1844 г., д.170, л.184–186.

69 ЦГАЛИ, ф.450, оп.1, д.11, л.206.

70 Русский инвалид, 1847, 8 окт.

71 Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 4 giugno 1814 al 22 marzo 1848. Capolago, 1852, vol.3, p.356.

72 Petitti di Roreto I. Op.cit, p.43.

73 Баруффи Дж.Ф. — священник, профессор философии Туринского университета. Человек широких научных и культурных интересов, он сотрудничал во многих либеральных изданиях, публикуя там статьи по проблемам образования, индустриализации, развития науки и т.д. Баруффи был неутомимым путешественником. В 1839 г. он побывал в России. Направился он туда с рекомендательными письмами своего друга С.Пеллико к П.А.Вяземскому, который тепло принял гостя из Италии, познакомил его с А.И.Тургеневым, Каролиной Павловой и др. Свои впечатления о пребывании в России Баруффи описал в книге: Baruffi G. F. Pellegrinazioni autunnali ed opuscoli. Fasc. I. Da Torino a S. Pietroburgo e Mosca. Torino, 1840; Kauchtschiswili N. Silvio Pellico e la Russia. Milano, 1963, p.62–63.

74 Ciasca R. Op.cit., p.257.

75 Gramsci A. Op.cit., p.135.

76 Romeo R. Cavour..., vol.1, p.317, 351.

77 Romeo R. Cavour..., vol.1, p.793.

78 Ibid., p.357.

79 Romeo R. Dal Piemonte..., p.80.

80 Cavour C. Op. cit., p.245.

81 Romeo R. Cavour..., vol.1, p.543.

82 Salvatorelli L. Il pensiero politico italiano 1830–1870. Torino, 1949, p. 318.

83 Romeo R. Cavour..., p.534.

84 Ibid., p.528–530.

85 Giusti W. Cesare Balbo e i problemi del mondo slavo. Trieste, 1957, P- 4.

86 Д'Адзелио — известный художник и писатель, автор романов «Этторе

- Фьерамоска» (1833) и «Никколо де Лапи» (1841), типичных для итальянской литературы того времени романтических произведений с некоторой долей риторики и декламации, посвященных героическому прошлому Италии. В 40-х годах Д'Аззелио увлекся политическими проблемами и стал видным политическим деятелем и идеологом умеренно либерального направления, См.: Vaccalluzzo N. Massimo D'Azeglio. Roma, 1930, p.80–83.
- 87 Maturi W. Interpretazioni del Risorgimento. Torino, 1963, p.122; Vaccalluzzo N. Op.cit., p.28.
- 88 D'Azeglio M. I miei ricordi. Roma, 1955, p.116.
- 89 Ciasca R. Op.cit., p.333–334.
- 90 D'Azeglio M. Degli ultimi casi di Romagna. 1846, p.105–107.
- 91 Ciasca R. Op.cit., p.333.
- 92 В мае 1833 г. Джоберти был арестован и помещен в Туринскую цитадель. Благодаря духовному сану и отсутствию доказательств того, что он вел нелегальную политическую деятельность, Джоберти в сентябре был освобожден из тюрьмы, но должен был покинуть Италию и поселиться в Париже.
- 93 Mazzini G. S.E.I., vol.10, p.68, 73.
- 94 Ciasca R. Op.cit., p.188.
- 95 Ibid., p.189.
- 96 Petitti di Roreto I. Op.cit., p.55.
- 97 Ibid., p.5.
- 98 D'Azeglio M. Degli ultimi casi..., p.13. Примечательно, что Дж.Мадзини в письме к матери от 14 апреля 1846 г., не соглашаясь с некоторыми идеями этой брошюры, высоко оценил постановку «национальной идеи», выраженной в ней «решительно, без недомолвок, с мужеством, достойным восхищения» (цит. по Канделоро Дж. Указ. соч., с.500).
- 99 Salvatorelli L. Spirit! e figure del Risorgimento. Firenze, 1961, p. 291.
- 100 Ciasca R. Op.cit., p.22, 25.
- 101 Prato G. Op.cit., p.407.
- 102 Romeo R. Dal Piemonte..., p.92–93.
- 103 Ibid., p.23.
- 104 Gioberti v.Del primato morale e civile degli italiani. Vol.1–2. Bruxelles, 1845.
- 105 Gioberti V. Op.cit., vol.1, p.50, 53.
- 106 Ibid., p.52.
- 107 Ibid., p.58.
- 108 Ibid., p.94–96, 98.
- 109 Ibid., p.36.
- не об этом свидетельствуют, в частности, его письма к т.Мамиани 1840–1841 гг. См.: Канделоро Дж. Указ.соч., с.440–446. 1,4 Solmi E. Mazzini e Gioberti. Milano, 1913, p.273.
- 112 Otnodeo A. Difesa del Risorgimento. Torino, 1951, p.121.
- 113 Представители либерально-католического, или неогвельфского, течения считали себя последователями средневековых гвельфов, видевших в римском папе защитника свободы и независимости Италии.
- 114 Gioberti v.Op. cit., vol.1, p.71, 78, 87.
- 115 Petitti di Roreto I. Op.cit., p.108.
- 116 Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959, с.549. В «Надеждах Италии» Бальбо писал о первенстве католицизма среди других религий в Европе и его прогрессе как условия осуществления надежд на независимость Италии. См.: Balbo C. Op.cit., p.356.
- 117 Balbo C. Op.cit., p.31, 43, 197.
- 118 D'Azeglio M. I miei ricordi, p.355.
- 119 Romeo R. Cavour..., vol.2, pt 1, p.248.
- 120 Romeo R. Dal Piemonte..., p.99; Solmi E. Op.cit., p.285, 290–291. Подробнее о полемике Джоберти с иезуитами см.: Канделоро Дж. Указ.соч., с.482–490.
- 121 Sciacca M. Il pensiero italiano nell'eta del Risorgimento. Milano, 1963, p.320–321.
- 122 Petitti di Roreto I. Op.cit., p.11–15.
- 123 Из неизданных документов, опубликованных в кн.: Solmi E. Op.cit., p.194–195, 271.
- 124 Однако даже отсутствие прямых упоминаний Австрии и ее политики в Италии не могло примирить австрийское правительство с произведением Джоберти. Либеральные тенденции его были признаны «опасными», а его книга была запрещена в Ломбардо-Венецианской области. Новое издание «Первенства» в Брюсселе в 1845 г. вызвало новое решение венецианской полиции о необходимости воспрепятствовать «провозу книги Джоберти и других сочинений подобного направления в Ломбардо-Венецианскую область» (Carte segrete..., vol.3, p.65, 79, 81).
- 125 Цит. по; Берти Дж. Указ.соч., с.548.
- 126 Balbo C. Op.cit., p.9–12, 18, 23, 47.
- 127 Balbo C. Op.cit., p.105.
- 128 Marochetti J.B. Indpendence de l'Italie, moyen de l'etablir dans l'interet general de FEurope. Paris, p.39–41. О ней подробнее см. на с.29, 49.
- 129 Канделоро Дж. Указ. соч., с.446.
- 130 Balbo C. Op.cit., p.147–150, 177–178.
- 131 Balbo C. Op.cit., p.178.
- 132 АВПР, ф. Канцелярия, 1846 г., д. 188, л. 107 об.
- 133 D'Azeglio M. Degli ultimi casi..., p.7, 14.
- 134 Cavour C. Op.cit., p.229, 247–249.
- 135 Arese F. Op.cit., p.45.
- 136 Gioberti v.Op. cit., vol.1, p.237.
- 137 Soltini E. Op.cit., p.234.
- 138 Gioberti v.Op. cit., vol.1, p.97.
- 139 Balbo C Op.cit., p.224.
- 140 Romeo R. Dal Piemonte..., p.74–75.
- 141 Цит. по: Solmi E. Op.cit., p.270.
- 142 Цит. по: Storia d'Italia. vol.3. Dal primo settecento all'Unita Torino, 1973, p.355.
- 143 Gioberti v.Op. cit., vol.1, p.191.
- 144 Giusti W. C Balbo..., p.5.
- 145 Balbo C Op.cit., p.200, 239.
- 146 Канделоро Дж. Указ.соч., с.513–514; Salvatorelli L. Il pensiero..., p. 304–305.
- 147 Канделоро Дж. Указ.соч., т.3, с.71.
- 148 Ciasca R. Op.cit., p.31–32, 337.

ГЛАВА 4. ИТАЛИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. ВОЗРОЖДЕНИЕ «МОЛОДОЙ ИТАЛИИ»

Демократическое движение в Южной Италии в 1835–1846 гг.

В середине 1835 г. Мадзини отказался от попыток установления прямых контактов с Италией¹ и отошел от руководства «Молодой Италией». Это решение практически означало ликвидацию центрального заграничного органа этого общества. Мадзини целиком посвятил себя созданной по его инициативе в апреле 1834 г. международной организации «Молодая Европа»². В середине 1836 г. прекратила свое существование и эта организация. Бесконечные преследования полиции не давали Мадзини возможности вести в Швейцарии эффективную политическую деятельность. Все эти обстоятельства заставили его перебраться в 1837 г. в Англию. Первый период пребывания в Лондоне был для вождя итальянской демократии временем горьких раздумий, трудного приспособления к новым условиям жизни и борьбы. Однако к середине 1839 г. Мадзини, преодолев душевный кризис, тягостные сомнения и недовольство собой, решил вновь вернуться к активной борьбе за дело независимости и единства Италии. Началась его деятельность по возрождению «Молодой Италии». При этом он нетерпимо относился к каким-либо отклонениям от того пути, который представлялся ему единственно правильным. «Ничто не может быть столь пагубным для Италии, как раздробленная, связанная с различными районами, а не единая деятельность... — писал он в августе 1839 г. — Единая нация, единая национальная ассоциация — одна вера, одна церковь. Только так, а не иначе мы добьемся успеха»³.

Помимо стремления добиться единства демократического лагеря, Мадзини толкала на воссоздание «Молодой Италии» и другая, не менее важная причина — усиление влияния умеренных либералов в освободительном движении. Возрождение демократической инициативы он рассматривал как самое эффективное средство против этой тенденции. Даже усиление репрессий со стороны правительств, которое неизбежно сопровождало бы оживление деятельности «Молодой Италии», Мадзини считал полезным. По его мнению, это помешало бы возникновению относительно терпимых условий, способствующих расширению деятельности умеренных⁴.

Идейная база возрожденной «Молодой Италии» оставалась прежней. «Италии либо не будет вовсе, либо она будет единой и республиканской, — указывал Мадзини в письме к Марку Аврелию Марлиани в середине 1839 г. (копия этого неопубликованного письма обнаружена Ф. Делла Перута в Ватиканском архиве). — Революция либо будет народной, либо она потерпит крах... Мы стремимся к общеитальянскому восстанию, так как хотим создать единую нацию, хотим, чтобы наша родина выполнила свою миссию перед человечеством, хотим, чтобы итальянец сохранил свое лицо чистым, незапятнанным перед небом, достойным бога. Прежде

всего мы должны воссоздать свое национальное сознание, а это сознание не воссоздается с помощью восстаний, зависимых от иностранных движений. Мы восстанем сами, и первые. Именно это дело заслуживает того, чтобы мы полностью принесли себя ему в жертву»⁵.

Организационные принципы новой «Молодой Италии» существенно отличались от принципов первой ассоциации. Ясно сознавая, что горький опыт 1833–1834 гг. должен был породить у участников демократического движения в Италии известное недоверие к возможности эффективного руководства из-за границы, Мадзини убедился в необходимости более широкой автономии местных ячеек «Молодой Италии», известной децентрализации подпольной деятельности. Вместе с тем для осуществления более тесных связей между Италией и эмигрантами Мадзини настаивал на создании ячеек «Молодой Италии» во всех странах, где проживали итальянцы, — в Англии, Франции, Швейцарии, Испании, Соединенных Штатах Америки⁶.

Наиболее важной особенностью программы воссозданной «Молодой Италии» была установка Мадзини на то, что ее главной опорой должны быть городские рабочие. Обдумывая причины прошлых неудач, Мадзини считал главной своей ошибкой то, что «Молодая Италия» действовала «для народа, но без народа», что она не обращалась к самой сердцевине трудящихся классов — ремесленникам и рабочим. Теперь он считал, что следует создать как бы две ассоциации: одну — из интеллигенции, другую — из рабочих и ремесленников. Реальную базу второй ассоциации Мадзини видел пока в «многочисленных итальянских рабочих, которые находятся в Швейцарии, Бельгии и здесь, в Англии, а затем возвращаются на родину»⁷.

Столь острый интерес Мадзини к городским «низам» и осознание им необходимости привлечь их к демократическому движению определялись рядом причин. Немаловажным был такой психологический момент, как разочарование Мадзини в поведении интеллигентов и вообще представителей средних слоев Италии в 1833–1834 гг. Большое влияние оказал на Мадзини также успешный опыт по вовлечению немецких рабочих в «Молодую Германию»⁸. Однако наиболее существенную роль сыграло близкое знакомство Мадзини с английским рабочим движением, переживавшим подъем чартизма, хотя он и был далек от поддержки в сех требований чартистов, с острыми социальными проблемами Англии конца 30-х — начала 40-х годов XIX в.

Вместе с тем стремление Мадзини привлечь итальянских рабочих к национально-освободительной борьбе было продиктовано и опасениями, что в противном случае в их среду проникнут «коммунистические» идеи. Мадзинисты должны были, по его мнению, «овладеть» зарождающимся итальянским рабочим движением⁹. Однако, как и прежде, Мадзини почти полностью игнорировал итальянское крестьянство и не включил в свою программу требований по аграрному вопросу.

В марте 1840 г. Мадзини основал в качестве секции «Молодой Италии» в Лондоне «Союз итальянских рабочих». Печатным органом «Союза» была газета «Apostolato popolare» («Народное служение»),

издававшаяся с ноября 1840 г. до сентября 1843 г. (всего вышло 12 номеров). При «Союзе» была создана воскресная школа для итальянских рабочих, где преподавал также и сам Мадзини. На страницах газеты Мадзини излагал свои взгляды по социальному вопросу. Во всех уголках Европы, указывал Мадзини, «лишенный земли, капиталов и кредита» рабочий вынужден добывать себе насущный хлеб изнурительным трудом. В отношениях с буржуазией он является не свободным участником договора, но рабом, вынужденным выбирать между голодом и ненадежной нищенской платой. Он всегда находится под угрозой потерять работу и обречен на постоянное неравенство. Такая же классовая структура — «два класса, из которых один является монопольным владельцем... земель, кредита и капиталов, а другой не имеет ничего, кроме своих рук» — существует и в Италии. С горечью писал Мадзини о политической и культурной отсталости итальянских трудящихся по сравнению с английскими, французскими и бельгийскими. Главную причину этой отсталости он видел в политическом положении Италии — отсутствии единства и национальной независимости. Оно обрекало итальянских трудящихся на изоляцию, слабость, невежество, пассивность. Таким образом, неременной предпосылкой улучшения положения рабочих Италии являлось, по мнению Мадзини, осуществление единства и независимости страны. Однако, подчеркивая приоритет национальной проблемы, Мадзини указывал, что итальянская революция, чтобы удовлетворить интересы людей труда, должна быть одновременно и политической и социальной.

Вместе с тем из признаний того факта, что европейское общество состоит из двух враждующих классов — буржуазии и пролетариата, Мадзини не делал вывода о неотвратимости классовой борьбы. В своих статьях в «Apostolato popolare» он, как и прежде, оставался на позициях классового мира. Важной целью «Союза итальянских рабочих» он считал убеждение представителей средних классов в необходимости улучшить условия труда и жизни рабочих. Осуждая гражданскую войну, насилие, борьбу классов, Мадзини утверждал, что «наши средства носят мирный характер», что следует «проповедовать любовь всех классов». Обращаясь к буржуазии, он призывал поддержать его идеи, добровольно пойти навстречу трудящимся, возглавив их движение. Борьба с социалистическими и коммунистическими идеями являлась одной из центральных тем в сочинениях Мадзини, опубликованных в «Apostolato popolare».

Материалистическому утилитаризму, являвшемуся, по мнению Мадзини, общей основой для всех социалистических идей, он противопоставлял «веру» как условие обновления общества, причем носителями «сильной религиозной веры» должны были стать представители средних слоев. Таким образом, Мадзини утверждал необходимость инициативы «сверху» в деле решения важнейших проблем, стоявших перед Италией. Пути преодоления социальных противоречий он видел в конечном счете в воспитании, интеллектуальном развитии, моральном совершенствовании всех классов общества. Вместе с тем

Мадзини более четко, чем раньше, сформулировал в своей программе такие важнейшие требования, отвечающие интересам рабочих, как сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, необходимость единой бесплатной системы народного образования¹⁰.

Наряду с организацией итальянских рабочих в Лондоне по инициативе Мадзини с помощью его друзей и единомышленников в 1841 г. были созданы конгрегации «Молодой Италии» в Париже, Бельгии, Швейцарии, Испании, а также в Нью-Йорке и Монтевидео.

Явный крен Мадзини в сторону организационной деятельности среди итальянских эмигрантов в ущерб развертыванию работы внутри Италии вызывал нарекания со стороны некоторых его соратников. Так, итальянский демократ Федерико Кампанелла писал своему другу в феврале 1841 г. из Парижа, что Мадзини «всерьез» пишет ему о создании конгрегации «Молодой Италии» в Северной и Южной Америке, Константинополе, Африке и т.п. «Не желая выяснять, насколько силен элемент фантастики в этом утверждении, — указывал он, — я считаю, что даже если бы конгрегации были созданы на Луне, то они и тогда бы заслуживали наших забот. Однако мы все же должны были бы считать их второстепенными. Самой важной для нас должна быть работа на полуострове. Именно оттуда, а не с Миссисипи следует ожидать освобождения Италии... Из Лондона Пиппо (уменьшительное имя от Джузеппе — М.К.) не может оперативно руководить действиями внутри страны, ибо связи с ней редки, дорогостоящи, трудны и требуют слишком много времени»¹¹.

Хотя непосредственные связи Мадзини с демократическим движением в Италии во второй половине 30-х — начале 40-х годов XIX в. и были слабыми, все же влияние мадзинистских идей там сохранялось. Кое-где продолжали действовать местные ячейки «Молодой Италии». Так, на протяжении 1834—1836 гг. в Пьемонте существовала мадзинистская группа, занимавшаяся распространением подпольной революционной литературы, агитацией среди молодежи — учащихся и рабочих. Власти усматривали прямую связь между деятельностью этой группы и волнениями в различных городах Сардинского королевства, и в 1836 г. члены «Молодой Италии» были арестованы¹². Активную деятельность вели мадзинисты Тосканского герцогства. В ряде городов они собирали оружие, распространяли подпольную литературу (в частности, сочинения Дж.Мадзини), вербовали сторонников среди молодежи, в том числе среди ремесленников и рабочих.

В Королевстве Обеих Сицилии воздействие Мадзини на сложный и многообразный мир тайных обществ было всегда слабее, чем в Северной и Центральной Италии. Однако и здесь даже после провала попытки восстания в 1833 г. сохранялось известное идейное и организационное воздействие «Молодой Италии».

Ячейка «Молодой Италии» продолжала действовать на протяжении 1834—1836 гг. в г. Таранто (Апулия), осуществляя контакты с подпольным движением ряда других городов, в частности Бриндизи и Бари. В 1837 г. эта организация была обнаружена властями. В ходе следствия над 50 ее

членами выявился весьма разнородный социальный состав членов общества: земельные собственники, торговцы, священники и ремесленники¹³. Мадзинистские идеи вдохновляли деятелей многочисленных подпольных организаций, не связанных непосредственно с «Молодой Италией», в частности общества «Республиканская пропаганда» в г.Чиленто и участников движения в г.Пенне (Абруццы) летом 1837 г.¹⁴

Бесспорное влияние мадзинизма на подпольное движение в Королевстве Обеих Сицилии не привело, однако, к радикальному преобразованию этого движения, воспитанного на просветительских идеях южного «якобинства» конца XVIII в. и не порывавшего с карбонарскими традициями. Своеобразный сплав этих южных традиций, идей утопического социализма и мадзинизма отразился на характере нового тайного общества «Сыны Молодой Италии». Возникло оно в 1834 г. в Калабрии, важнейшем центре подпольного движения, где в начале XIX в. появились первые карбонарии. Основал это общество Бенедетто Музолино, выходец из семьи калабрийских «якобинцев» 1799 г. На его идейное формирование большое влияние оказали утопические идеи Кампанеллы.

Конечной целью общества Музолино считал создание «братской» республики, где царил бы разум и было бы упразднено экономическое неравенство. Единственное «разумное» средство достижения этого Музолино видел в провозглашении коммунистического принципа — общности имущества. Ближайшие политические задачи общества — объединение Италии и создание единой республики, основанной на справедливости и политическом равенстве,— совпадали с программой Мадзини.

Принципы организации «Сынов Молодой Италии» также были близки к обществу Мадзини. Так, обе организации признавали применение вооруженных методов борьбы во имя достижения целей движения, обе считали недопустимым вмешательство иностранцев в эту борьбу, всячески подчеркивали первостепенное значение опоры на собственные национальные силы. Музолино, как и Мадзини, считал необходимым установление диктаторской власти в ходе революции. После победы революции власть должна была, по мысли Музолино, перейти в руки народа, единственного и истинного суверена, текст клятвы «Сынов Молодой Италии» во многом совпадал с клятвой мадзинистов. Не случайно было выбрано и само название общества, несомненно говорящее о преемственной связи организации Музолино с «Молодой Италией». Это признавал и сам Музолино. Вместе тем он постоянно подчеркивал свою независимость, принципиальное отличие своего общества от общества Мадзини. «Как ясно каждому, — писал он, — существует глубокое различие между "Молодой Италией" Мадзини и "Сынами Молодой Италии". Конечно, обе они ставили своей целью создание единой республиканской Италии, общими были и военные принципы, но в целом направление развития было весьма различным. Мадзини никогда не высказывался вполне определенно, причем не

только по важнейшим социальным проблемам, но даже по вопросам практической организации истинной республики, с точки зрения образования, экономики, политики, администрации»¹⁵. В свою очередь, Мадзини резко отзывался о калабрийской организации Музолино, ставя ей в вину, в частности, и то, что конечной целью ее было «упразднение всякой собственности и всякой религии»¹⁶.

Число последователей Б.Музолино в первые годы существования «Сынов Молодой Италии» было невелико. Одним из главных препятствий увеличения численности этой организации была непрерывная слежка неаполитанской полиции, осуществлявшаяся с середины 1835 г. После застоя, продолжавшегося в течение 1836—1837 гг., в 1838—1839 гг. наблюдается оживление деятельности общества «Сыны Молодой Италии». Расширилось его влияние в Калабрии и среди неаполитанского студенчества. Однако и теперь численность его была весьма ограничена. Своих сторонников Музолино вербовал преимущественно из представителей мелкой буржуазии, главным образом интеллигенции.

О весьма радикальных социальных воззрениях членов общества Музолино говорят, в частности, бумаги веронца Джованни Де Винченти, попавшие в руки полиции при следующих обстоятельствах. Приехав в 1838 г. в Неаполь, он вступил там в общество «Сыны Молодой Италии». Решив в апреле 1839 г. вернуться на родину, Де Винченти получил от Музолино поручение заняться вербовкой сторонников на Севере. В феврале 1840 г. он был арестован в Ливорно, а затем отправлен в Милан в распоряжение австрийских властей. Среди документов, оказавшихся в полицейском архиве Милана, особый интерес представляет политический катехизис, по-видимому предназначенный для распространения среди народных «низов». В нем утверждалось, в частности, что необходимо ликвидировать все привилегии и провозгласить республику, подлинную власть народа, основанную на равенстве. Особо подчеркивалось право на труд. Главным злом объявлялось экономическое неравенство, когда «огромные богатства сосредоточиваются в руках немногих, а бедность и нищета распространяются среди большинства людей»¹⁷.

Общество «Сыны Молодой Италии» окончательно распалось в 1839 г., после того как в мае был арестован Музолино.

*

1837 год ознаменовался в Королевстве Обеих Сицилий, как и в других частях Италии, вспышкой стихийных волнений и беспорядков, связанных с эпидемией холеры. В волнениях участвовали не только городские «низы», но и крестьяне. Особенно большого размаха достигло движение в Сицилии, где массовые выступления охватили сельские районы вблизи Палермо, города Катанию и Сиракузы.

Чрезвычайно острая ситуация, сложившаяся на острове, привлекла к себе внимание итальянского демократа Никола Фабрици, оказавшегося в изгнании на острове Мальта, в непосредственной близости от Сицилии¹⁸. Близкий сотрудник Мадзини в период создания в Марселе «Молодой Италии», отправившийся затем с группой единомышленников — итальянских офицеров — сражаться за дело свободы в Испании, он в

эмиграции вынашивал планы организации общеитальянской революции. По мысли Фабрици, именно Сицилия должна была стать первым очагом этой революции. Убеждение Фабрици, что «эта часть Италии более других способна дать сигнал и положить начало национальному возрождению», основывалось на доводах стратегически-политического характера. Важнейшие из них сводились к удаленности от этого района австрийских войск, к особо острому накалу антибурбонских настроений у жителей острова и к благоприятным условиям для ведения партизанской войны. Таким образом, Никола Фабрици явился, по выражению Дж.Берти, «знаменосцем "инициативы Юга" среди итальянских демократов»¹⁹, идеи, справедливость которой была подтверждена последующими событиями итальянского Рисорджименто.

Для осуществления своих планов Фабрици сразу же после прибытия на Мальту приступил к созданию новой революционной организации «Италийский легион». Организация эта, по его замыслу, должна была вновь объединить разрозненные после фактического роспуска «Молодой Италии» демократические силы Апеннинского полуострова. Главным мотивом, побуждавшим Фабрици, храброго офицера, опытного и деятельного конспиратора, к активной деятельности, было его убеждение в том, что на полуострове уже сложилось благоприятное соотношение сил для успешного осуществления национально-демократической революции. В широко распространявшемся по всей Италии документе «Исходные идеи при создании Италийского легиона» (первая его редакция относится к 1838 г., вторая, окончательная — к 1839 г.) Фабрици отмечал, что для революций 1820—1821 и 1831 гг. было характерно участие «всевозрастающего народного элемента» и что именно это обстоятельство позволило на первых порах добиться успехов. Главную причину поражения этих революций он, как и Мадзини, видел не в пассивности масс, но в отсутствии вождей, «немногих», которые должны были руководить массами. Отсюда Фабрици делал вывод, что Италия не только «созрела морально для принятия своей новой судьбы», но что у нее имеется достаточно сил для победы над австрийским войском, являющимся «главным и постоянным препятствием» на пути воссоединения Италии.

Для успешного осуществления революционных планов, помимо благоприятных возможностей, утверждал Фабрици, необходимо выбрать правильные средства и методы борьбы. Он считал, что толчок революции должны дать партизанские отряды. В дальнейшем эти отряды объединятся с регулярными войсками, участие которых определит исход борьбы. Руководство движением, по мысли Фабрици, должно быть в руках относительно узкой организации, которой призван стать «Италийский легион». Важнейшие политические принципы этой организации повторяли основные политические установки «Молодой Италии»: принцип национальности, республиканско-демократические идеалы, неприятие политики соглашательства и умеренности, отказ от идеи иностранной помощи, и прежде всего от «французской инициативы».

Несмотря на бесспорную близость идейных и организационных основ

«Молодой Италии» и «Италийского легиона», взаимоотношения между руководителями этих организаций, в прошлом близкими друзьями и единомышленниками, к концу 30-х годов осложнились. Следует отметить, что инициатором конфликта был не Фабрици, а Мадзини. Правда, Фабрици избегал прямых упоминаний «Молодой Италии» и Мадзини. Но делал он это, по его собственным словам, потому, что не считал в тот период мадзинистскую ассоциацию действующей в Италии силой. Кроме того, он не хотел объявлять «Италийский легион» продолжателем дела «Молодой Италии» или ее филиалом, ибо не без основания полагал, что провалы заговоров 1833—1834 гг. дискредитировали «Молодую Италию» в глазах многих сторонников демократического движения. Впрочем, с декабря 1839 г. Фабрици, стремясь избежать разрыва с Мадзини, что было бы, по его словам, «открытым вызовом, брошенным отцу сыном», признавал ее роль идеолога демократического движения²⁰.

Мадзини же занял враждебную позицию в отношении революционных планов Фабрици, прежде всего осудил его идею «инициативы Юга». Отказавшись от собственных представлений 1833 г., Мадзини в этот период отдавал предпочтение революционному движению на Севере и рассматривал выступления на Юге лишь как дополнительные, второстепенные, поскольку в его представлении «моральная революция» в Северной Италии, тесно связанная с европейским демократическим движением, была более зрелой²¹. Мысль Фабрици о том, что искра общеитальянской революции может вспыхнуть даже не в континентальной части Неаполитанского королевства, а на Сицилии, казалась Мадзини тем более лишенной разумных оснований.

«Я возлагаю очень мало надежд — или, вернее, почти никаких — на Сицилию как на место, где может начаться национальная революция, — писал он Фабрици в январе 1838 г. — Сицилия не пользуется у нас никаким влиянием; на нее смотрят как на какой-то обособленный мир; вести оттуда поступают в более важные районы Италии с очень большим опозданием... Усилия, направленные на ее итальянизацию, почитаю святым делом и т.д. Но как на центр действия я не возлагаю на нее надежд»²².

Даже если на Сицилии и вспыхнет восстание, полагал Мадзини, то весьма вероятно, что оно примет сепаратистский характер и остров перейдет под протекторат Англии²³.

Другим важным пунктом принципиальных расхождений между Фабрици и Мадзини был вопрос о роли партизанских отрядов в революционной войне. Фабрици полагал, что войну отрядами следовало начинать в горах, что именно отряды должны были стать инициаторами революционной войны, организаторами широкого повстанческого движения. Связи и координации действий между отрядами и всеобщим восстанием, которое охватит не только сельские местности, но и города, Фабрици не придавал большого значения. Мадзини же в тот период в полемике с Фабрици уделял особое внимание именно этой проблеме. «Война отрядами когда-нибудь спасет Италию, но это осуществится

только на почве восстания, революции, — писал он Фабрици в 1840 г. — Действуйте вместе со мной, чтобы подготовить эту почву чтобы убедить итальянцев, что восстание, подобное тому, какое было в 1831 г., но руководимое по-иному, может привести к общеитальянской революции, способной победить. Через два дня у вас будет столько отрядов, сколько вы захотите»²⁴.

Таким образом, позиция Мадзини по вопросу о восстании в конце 30-х — начале 40-х годов стала глубже и реалистичнее, чем в первый период существования «Молодой Италии». Теперь Мадзини четко решал проблему соотношения отрядов и восстания: не стихийные действия отрядов порождают восстание, как думал Фабрици, но, напротив, сами отряды возникают лишь в ходе восстания. Главная задача руководителей состоит не в том, чтобы послать несколько отрядов в неподготовленную к революции область, а в том, чтобы повседневно и повсеместно готовить почву для восстания. В ходе восстания прежде всего надо «создать правительство», захватив власть в одном или нескольких итальянских государствах, «завоевать на свою сторону часть регулярной армии, всю молодежь, иметь в своих руках весь необходимый для ведения войны материал. А затем в тот момент, когда в борьбу вступят австрийцы, правительство организует войну отрядами» — такой план действий намечал Мадзини в письме к Фабрици от 22 сентября 1843 г.²⁵

Помимо расхождений по важнейшим проблемам революционной стратегии, причиной столкновений Мадзини с Фабрици явилось также решение Фабрици о создании «Итальянского легиона» как автономной революционной организации. Фабрици предлагал Мадзини следующее разделение функций между двумя организациями: «Молодая Италия» выдвигает идеи, а «Итальянский легион» занимается организацией сил. Мадзини отверг это предложение Фабрици, настаивая на необходимости сосредоточить всю деятельность под эгидой «Молодой Италии». «Пагубно выделять в особую группу тех людей из «Молодой Италии», — замечал он в письме к Фабрици, — которые должны будут посвятить себя вооруженной борьбе, ибо в один прекрасный день все должны быть готовы принять в ней участие»²⁶. Решение Мадзини о возрождении деятельности «Молодой Италии», принятое им в 1839 г., по-видимому, в известной степени было реакцией на известие о создании «Итальянского легиона». Мадзини немедленно сообщил о своем решении Фабрици, предложив ему подчинить свою деятельность на Мальте «Молодой Италии».

Расхождения между Мадзини и Фабрици привели к тому, что на протяжении 1841–1842 гг. между ними были прерваны всякие отношения. Однако публично и в своей переписке с друзьями в Италии Мадзини никогда не критиковал Фабрици. Лишь на вопрос о том, являются ли предложения, исходящие от Фабрици, также и его идеями, он отвечал отрицательно, указывая, что «Итальянский легион» действует независимо от него. Фабрици же, в свою очередь, с начала 1840 г. постоянно подчеркивал, что «Итальянский легион» — это «вооруженное подразделение, борющееся за принципы, провозглашенные «Молодой Италией»»²⁷.

Итак, независимо от планов Мадзини, точнее, даже вопреки им Никола Фабрици с конца 1837 г. начал предпринимать практические шаги к организации «Итальянского легиона». В соответствии с установкой на «инициативу Юга», и прежде всего Сицилии, он решил сделать остров главным опорным пунктом своей организации, вступив в контакт с антибурбонскими силами в различных его центрах. Фабрици в августе 1838 г. обратился с «Предложением к сицилийским патриотам», в котором, обосновывая причины выбора Сицилии как «исходного района для начала общеитальянского движения», он указывал на географическое положение острова, на его гористую поверхность, на характер его жителей и исторические традиции. Фабрици подчеркивал, что волнения летом 1837 г. на острове вызвали глубокий отклик и в континентальной части Королевства Обеих Сицилии, и даже в некоторых районах Папского государства. «Сицилийское восстание теперь, — замечал он, — является общеитальянской миссией, и в этом убеждена вся Европа»²⁸. Утверждение, что вся Европа убеждена в необходимости сицилийской инициативы, было, разумеется, лишь риторическим приемом, использованным, чтобы привлечь внимание к этой идее. Однако бесспорно, что сицилийский вариант приобретал со временем все большее число сторонников, особенно среди демократов Юга.

Инициатива Сицилии в «Предложении к сицилийским патриотам» рассматривалась Фабрици в национально-унитаристском контексте. Сепаратистские настроения, все еще распространенные среди деятелей сицилийского освободительного движения преимущественно умеренно консервативного крыла и захватившие также некоторых демократов²⁹, сурово им осуждались.

«У континентальной Италии и Сицилии — одни и те же общие интересы точно так же, как у них — общий язык, одни и те же обычаи, одно небо, одинаковые продукты, общие границы и те же враги». Единство Италии определялось в этом документе как «моральная и органическая централизация Италии ... с единым правительством», которое будет создано в «тот день, когда вся нация, освобожденная от иностранцев», сможет осуществить свой суверенитет. При этом, подчеркивал Фабрици, будет провозглашено также, что «единство не должно противоречить свободе действий отдельных частей Италии в том, что касается их местных интересов»³⁰.

Несмотря на многочисленные препятствия, и в частности противодействие групп сепаратистов, Фабрици и его соратникам удалось на протяжении 1838–1839 гг. сплотить сицилийских демократов в Мессине вокруг программы «Итальянского легиона». Мессинское ядро состояло из убежденных противников сепаратизма, активно отстаивавших идею создания единой итальянской республики. «Моя родина, — писал один из сторонников Фабрици в декабре 1839 г., — всегда имела твердое желание объединиться с континентом, а не вести борьбу изолированно». Весьма прочные позиции, кроме Мессины, завоевал «Итальянский легион» в Катании, тогда как среди участников антибурбонского движения в Палермо господствовали сепаратистские настроения³¹.

Если в Сицилии «Италийский легион» стал определенной силой и смог начать в 1840–1841 гг. практическую деятельность по укреплению своих рядов и установлению контактов между отдельными центрами, то на Юге континента положение было значительно менее устойчивым. Фабрици так и не удалось завоевать прочные позиции в этой части Апеннинского полуострова. Более успешными оказались результаты контактов Фабрици с участниками подпольного движения в Тоскане и Папском государстве. Были установлены связи с рядом городов Тосканского герцогства: сначала – с Пистойей и Флоренцией, позднее – с Ливорно, который стал важнейшим опорным пунктом «Италийского легиона» в Тоскане. Появились сторонники «Италийского легиона» и в Папском государстве, главным образом в Романье.

К началу 1841 г. итоги деятельности Фабрици и его единомышленников по созданию «Италийского легиона» можно было бы кратко суммировать следующим образом: в Сицилии были достигнуты значительные успехи. Что касается остальных областей, то лишь в некоторых городах Центральной Италии возникли «зародыши» «Италийского легиона». Но их развитию нередко препятствовало сопротивление местных оппозиционных сил различной ориентации. Так, сторонники «Молодой Италии», как правило, не только не вступали в «Италийский легион», но даже мешали деятельности членов этой организации (что, безусловно, было, следствием разногласий между Мадзини и Фабрици).

В 1842–1843 гг. Фабрици удалось завязать более тесные связи с участниками подпольного движения в Романье – самой мятежной области Папского государства. С помощью своих ближайших соратников он пытался в 1843 г. координировать действия по подготовке восстаний одновременно в Королевстве Обеих Сицилии и Папском государстве. Однако эта попытка окончилась неудачей. Восстание на Юге было сорвано вследствие пассивной выжидательной тактики весьма умеренного местного руководства подпольного движения. Революционная вспышка в августе 1843 г. в Романье была быстро задушена папским войском³².

*

Аграрный кризис 1843–1844 гг. в Южной Италии привел к обострению социальных и политических противоречий в Королевстве Обеих Сицилий. Стихийные народные волнения вспыхивали в разных частях королевства. Самым крупным из них явилось восстание в калабрийском городе Козенца 15 марта 1844 г. Главную причину его русский посланник в Неаполе граф Леон Потоцкий усматривал в «остром голоде». Восставшие подняли знамя «Молодой Италии» и провозгласили конституцию. Они намеревались выпустить из тюрем 800 заключенных, но жандармы и городская гвардия вступили в бой с этим отрядом и заставили его отступить, причем с обеих сторон имелись жертвы.

15 марта вечером о событиях в Козенце по телеграфу был извещен король, пославший туда воинские силы. 17 марта порядок в Козенце был восстановлен³³.

Восстание в Козенце, вновь привлечшее внимание итальянских демократов к Югу, толкнуло на решительные действия братьев Бандьера³⁴. Офицеры австрийского флота в Венеции Аттилио и Эмилио Бандьера в 1840 г. создали тайное общество «Эсперия», состоящее в основном из итальянских моряков, служивших в австрийском флоте. Возглавлялось оно братьями Бандьера и их другом, тоже морским офицером, поэтом и математиком Доменико Моро. Статут общества четко определял иерархическую, централизованную и военизированную структуру общества. «Подчинение – жизненная основа всякой организации, – говорилось в этом документе, – и заговор еще больше нуждается в дисциплине, чем армия». По мнению основателей общества, Италия уже созрела для завоевания свободы, поскольку ненависть к иностранному деспотизму, стремление к национальной независимости и единству все шире распространяются не только среди узких групп заговорщиков, но и среди «масс» народа. Главная цель общества – создание единой республиканской Италии, хотя его создатели допускали, что прийти к ней, возможно, придется не сразу, пройдя сначала стадию федерации. Не был возведен в абсолют и республиканский принцип: в случае необходимости, связанной с противодействием великих держав созданию демократической республики, следовало согласиться на конституционно-монархическое устройство³⁵.

В документах «Эсперии» отразилась и этико-религиозная концепция братьев Бандьера. Подчеркивая неразрывную связь политики и морали, авторы статута утверждали, что «свобода не может царить там, где нет строгих нравов». Членам общества рекомендовалось «укреплять... свою веру в бога, в существование человеческой души, загробной жизни – одним словом, во все то, что дает нам божественное откровение»³⁶.

Республиканско-демократические идеи, формировавшиеся под несомненным воздействием мадзинистской идеологии, сочетались с иными, чем у Мадзини, организационными установками «Эсперии». Принципы подбора членов этого общества были близки к «Сынам Молодой Италии». Участие в тайной организации трудящихся максимально ограничивалось. Среди «плебса» следовало вербовать сторонников с большой осмотрительностью, поскольку «сама природа делает его неосторожным, а нужда – испорченным. Поэтому предпочтительнее обращаться к богатым, стойким и образованным, пренебрегая слабыми и невежественными бедняками»³⁷.

В июне 1842 г. на Мальте состоялась встреча Аттилио Бандьера с Фабрици, положившая начало тесным контактам между этими деятелями. Вскоре братья Бандьера вступили в переписку с Мадзини. В первом письме от 15 августа 1842 г. Аттилио Бандьера называл Мадзини «вождем тех благородных людей нынешнего поколения, которые составляют национальную оппозицию тирании». Он предлагал Мадзини объединиться и использовать его общество в качестве «той силы, которая первая в бою попытается поднять сорванное знамя нашей независимости и нашего возрождения»³⁸. Спустя некоторое время, в том же году, в Лондоне побывал Доменико Моро, познакомивший Мадзини с деятельностью

«Эсперии». Руководители «Эсперии» по их просьбе были приняты в «Молодую Италию», а само общество стало секцией мадзинистской организации.

Свою важнейшую задачу братья Бандьера, одержимые стремлением немедленно действовать, видели в том, чтобы организовать как можно скорее вооруженное выступление в Италии или примкнуть к вспыхнувшему независимо от них движению. «Я ищу способ и возможность самому вступить в действие, — писал Аттилио Бандьера в конце 1843 г. Мадзини. — Мой план состоит в том, чтобы, прибыв на место, возглавить повстанческий отряд, отправиться в горы и там сражаться за наше дело, отдав ему жизнь. Я прекрасно понимаю, что практическая значимость подобного действия будет невелика. Но значительно важнее было бы его моральное воздействие, ибо я заронил бы сомнение в сердце самого сильного нашего угнетателя и показал бы пример всем тем, кто, как и я, был связан абсурдными клятвами. Таким образом, я укрепил бы веру наших сторонников, слабость которых больше всего проистекает из отсутствия веры в собственные силы и из преувеличенных представлений о могуществе врага»³⁹.

В конце 1843 г. через своего агента австрийские власти узнали о существовании тайного общества в австрийском флоте. Братья Бандьера вынуждены были после этого дезертировать из флота и в феврале 1844 г. бежать на остров Корфу. Весть о дезертирстве братьев Бандьера дала повод для распространения различных слухов. Так, агент австрийской полиции в г. Полезелла сообщал в апреле 1844 г., что до него дошли слухи, по его мнению явно преувеличенные, как будто «целый 26-пушечный фрегат, находившийся в водах Венеции, дезертировал со многими людьми на борту по направлению к острову Мальта, чтобы присоединиться там к итальянским эмигрантам»⁴⁰. В эдикте австрийского правительства от 4 мая 1844 г. братья Бандьера обвинялись в государственной измене — принадлежности к секте «Молодая Италия».

Вести о восстании в Козенце вызвали у братьев Бандьера и присоединившегося к ним на острове Корфу Д. Моро еще более активное стремление как можно скорее переправиться в Италию и начать борьбу. Как и Фабрици, они пришли к выводу, что восстание должно быть начато именно на Юге. «Мы убеждены, что самым удобным в стратегическом отношении районом является южная оконечность полуострова, — писал Эмилио Бандьера Н. Фабрици. — Мы должны все свое внимание сосредоточить именно на этой области, где столь энергичные жители, такие высокие горы и густые леса, где прошлое давало примеры великого героизма. Мы верим, что можно будет преодолеть все препятствия и разжечь восстание, которое распространится в Сицилии и Аbruццях, прежде чем австрийцы успеют добраться туда»⁴¹.

Слухи о том, что в горах Калабрии создаются большие повстанческие отряды (не подтвердившиеся на деле), окончательно определили для братьев Бандьера решение о высадке десанта именно в этом районе. Как Мадзини, так и Фабрици, узнав об этих планах братьев Бандьера, неоднократно писали им, уговаривая отказаться от попытки, которая

была, по их глубокому убеждению, обречена на провал. Однако вести о нарастающем движении в Калабрии продолжали поступать. Большую роль в распространении этих ложных слухов сыграл агент неаполитанского правительства на Корфу Боккачампе, убеждавший братьев Бандьера в том, что их ждут в Калабрии⁴². 10 июня 1844 г. был решен вопрос о начале экспедиции в Калабрию.

11 июня, за два дня до начала экспедиции, в прощальном письме к Мадзини братья Бандьера, желая еще раз показать ему, что их революционные планы совпадают с его программой, писали, что, отправляясь в путь, берут с собой текст созданной ими новой политической конституции Италии (основное ее содержание Аттилио изложил Мадзини месяцем раньше: «Италия независимая, свободная и единая, организованная как демократическая республика со столицей в Риме»)⁴³. 16 июня братья Бандьера с девятнадцатью товарищами высадились на Калабрийском побережье близ Кротоне и обратились к жителям с прокламацией, где вслед за лозунгом «Молодой Италии» «Свобода, равенство, человечность, независимость, единство!» следовал призыв: «К оружию, братья! Пусть больше не будет у нас монархов! Что делали с нами монархи? Они продавали, преследовали, угнетали нас!»⁴⁴. Однако никто из обитателей тех мест не присоединился к отряду, направившемуся в глубь территории, к г. Козенце. В ответ на антимонархические призывы группы братьев Бандьера встречные крестьяне, по словам русского дипломата Хрептовича, кричали: «Да здравствует король!»⁴⁵. Неаполитанское правительство, предупрежденное своими агентами, подготовилось к встрече с отрядом. В результате схватки, в которой были убиты два патриота, отряд попал в руки властей. Судебный процесс, проходивший в Козенце, закончился 25 июля казнью девяти повстанцев. Героически встретили смерть братья Бандьера, Никола Риччотти, Доменико Моро и другие патриоты. «Несчастные! Они надеются, что с нашей смертью все кончится... — сказал перед смертью Доменико Моро. — Но есть место, где идет подготовка к борьбе, и скоро грянет буря. Не пройдет и 1849 год, как Италия станет свободной!»⁴⁶.

Дж. Мадзини, осуждавший братьев Бандьера за опрометчивое решение вступить в борьбу в момент, когда условия для этого еще не созрели, глубоко скорбел об их гибели, преклонялся перед их самоотречением, восхищался их героизмом. Мадзини видел в их подвиге огромной силы воздействие на следующие поколения борцов. «Мученичество никогда не бывает бесплодным... — писал он в брошюре, посвященной братьям Бандьера и опубликованной в Париже в 1845 г. — Люди, принесшие себя в жертву в Козенце, учат всех нас тому, что человек должен жить и умирать за свои убеждения. Они показали миру, что итальянцы умеют умирать, Они утвердили в глазах всей Европы мнение, что единая Италия будет создана»⁴⁷.

Трагическая гибель братьев Бандьера и их товарищей произвела огромное впечатление не только в Италии, но и во всей Европе. Неаполитанское правительство, учинившее эту жестокую расправу,

Обострение политического кризиса в Папском государстве. Пий IX

подвергалось суровому осуждению. Вместе с тем было очевидно, что подобные меры, принимавшиеся в ту пору различными итальянскими правительствами, свидетельствовали скорее об их слабости, чем о силе. «Правительства, которые прибегают к таким крайним мерам, — замечал Петитти в письме к Джоверти в связи с казнью в Козенце, — сами уже являются разлагающимися трупами, поэтому нельзя даже вообразить, что они смогут еще долго держаться!»⁴⁸

Вину за гибель людей в «безрассудных предприятиях», подобных экспедиции братьев Бандьера, представители умеренно либерального течения Рисорджименто возлагали не только на правительства. Они вновь обрушились на Мадзини, считая его ответственным за любые революционные попытки, предпринимавшиеся в Италии. Крушение этих попыток в начале 40-х годов умеренные использовали для того, чтобы доказать вредность революционных методов борьбы.

Крах экспедиции братьев Бандьера, объективно способствовавший укреплению позиций умеренного лагеря, не мог не иметь негативные последствия для итальянского демократического движения. Пессимистические настроения охватили даже такого стойкого и деятельного руководителя, каким был Н.Фабрици. Под тяжестью разочарований, постигших его в последние годы, он все более трезво оценивает итальянскую ситуацию того времени, понимая, что те задачи, которые он с 1837 г. ставил перед «Италийским легионом», неосуществимы. В феврале 1845 г. он покинул Мальту и поселился на Корсике. С тех пор прекратилось существование «Италийского легиона», а Фабрици вообще отошел от активной политической деятельности.

Изменившаяся обстановка в итальянском освободительном движении, выражавшаяся в росте авторитета умеренных и переходе на либеральные позиции части демократов, заставила руководство демократического течения изменить свою тактику. Еще в конце 1843 г. Мадзини впервые поставил вопрос о том, что, оставаясь республиканцами, демократы могут из тактических соображений временно снять лозунг республики, поскольку первостепенными для них являются лозунги единства и независимости «Мы республиканцы, — заявлял Мадзини в письме-циркуляре "Молодой Италии". — Но мы не считаем необходимым предписывать, чтобы восстание было обязательно республиканским. Мы убеждены в том, что республика будет создана в результате общенародного голосования. Но мы не хотим выдвигать свои голоса вместо мнения всего народа. Итак, когда мы выступим, мы не напишем на нашем знамени "Республика", но напишем "Свобода, независимость, единство"»⁴⁹.

Вместе с тем разгром выступлений 1843–1845 гг. окончательно убедил Мадзини и его соратников в неосуществимости общеитальянской революции в ближайшее время. На первый план выдвигается теперь задача усиления пропаганды идей «Молодой Италии».

Во второй половине 30-х — начале 40-х годов ситуация в Папском государстве оставалась, как и прежде, крайне напряженной. Правительство папы Григория XVI продолжало проводить политику, которая шла вразрез с насущнейшими требованиями прогресса. Упадок промышленного производства и замедленное развитие сельского хозяйства порождали рост обнищания городских и сельских «низов», вызывали усиление всеобщего недовольства.

В различных концах папских владений распространялись подпольные листовки, где с большой эмоциональной силой звучала тема социального неравенства. «Скажи, о народ, что делают твои тираны, чтобы избавить тебя от нищеты? — говорилось в одной из них. — ... Постучись в их дом, чтобы попросить хлеба, и они бросят тебе в лицо камень. Для них — роскошь и развлечения, для тебя — тяжкий труд и слезы; для них — хорошие должности и почести, для тебя — рабство... Единицы владеют всей землей, а тебе следует надеяться получить лишь тот ее кусочек, который послужит тебе могилой»⁵⁰.

Авторами подобных листовок и наиболее активными пропагандистами революционных идей оказывались в большинстве случаев приверженцы «Молодой Италии». Это обнаружилось и в ходе судебного процесса над организацией «Молодой Италии», раскрытой властями в Риме в 1836 г. Под судом оказалась большая по тем временам группа людей — 450 человек. Руководитель организации священник Томмазо Виварелли заявил на суде: «Члены секты говорили, что они хотят республиканского правительства, что лучшим из правительств является то, которое всем даст хлеб и избавит страну от кардиналов, прелатов и священников, объедающих ее. Именно из-за них люди вынуждены платить такие большие налоги». Власти, напуганные распространением подобных идей среди римских «низов», жестоко расправились с обвиняемыми по процессу Виварелли: часть из них приговорили к пожизненному заключению, других — к 20-летнему тюремному сроку⁵¹.

В 1837 г. в Риме и пригородах неоднократно происходили народные волнения, порожденные ростом безработицы, повышением цен на хлеб, распространением эпидемии холеры. Как писал русский посланник в Риме Кривцов в своем донесении Нессельроде от 15(27) мая 1837 г., «в Риме и пригородах неоднократно нарушалось общественное спокойствие». Эти «взрывы недовольства» вызваны «дороговизной хлеба и исключительной непогодой, которая помешала большой массе трудящихся заработать себе на жизнь...» Далее Кривцов объяснил, что сельское население некоторых областей Папского государства было лишено заработка из-за строгих карантинных заслонов на пути холеры. Когда толпы крестьян пришли в Рим и близлежащие городки в надежде найти здесь работу на полях, то оказалось, что из-за погодных условий все сельские работы были прекращены. Таким образом, «эти бедняки... были обречены на страшную нищету». «Несколько дней назад, — продолжал Кривцов, — карета папы, выехавшего из Ватикана, была

окружена толпой этих людей, к которым присоединилась и римская беднота». Они требовали хлеба и работы. На следующий день подобные сцены повторились перед кардиналом-епископом г.Альбано, который сбежал в Рим. Тогда эти люди отправились к губернатору, но, ничего от него не добившись, опустошили несколько хлебных складов. Затем наступила очередь Фраскати и его пригородов, где «спокойствие восстановлено и охраняется с помощью присланных из Рима вооруженных сил». В конце донесения русский посланник сообщал о том, что в г.Орвието раскрыт заговор, в котором участвовали 30 человек. Они собирались ночью захватить врасплох и уничтожить городские власти, а затем предать город разграблению. «К счастью, — замечал Кривцов, — заговор был вовремя раскрыт». Некоторые его участники погибли в стычке с карабинерами, остальные арестованы. Среди убитых был руководитель заговора Кольтеллини. Захваченные у него бумаги, говорилось в одном из последующих донесений Кривцова, показали, что целью заговора была организация движения, которое имело бы «политическую окраску»⁵². В конце мая народные волнения охватили города Пезаро, Фано и Сенигаллию.

Несколько позднее был раскрыт план восстания в Риме. Оно должно было начаться 31 августа 1837 г. захватом с помощью части гарнизона замка Святого ангела. В качестве заложников повстанцы собирались захватить папу и кардиналов. Среди руководителей заговора большинство либо были членами «Молодой Италии», либо принадлежали к карбонарскому обществу. Следствие по этому делу длилось до декабря 1838 г., среди привлеченных к суду было много ремесленников, в том числе будущий вождь римских «низов» каретник Анджело Брунетти по прозвищу Чичеруаккио⁵³.

После отвода австрийских войск из Болоньи и французских — из Анконы в 1838 г.⁵⁴ подпольное движение в Папском государстве переживало новый подъем. Наиболее активными были организации Романьи, готовившиеся с 1841 г. к восстанию. Среди членов подпольных комитетов преобладали сторонники умеренно либеральных взглядов. Участие в тайных обществах оказывалось для них необходимостью, поскольку папское правительство жестоко преследовало даже самые умеренные проявления несогласия с его политикой. Поэтому многие либералы полагали, что только с помощью восстания можно добиться проведения либеральных реформ.

Однако в подпольных комитетах Романьи было немало убежденных демократов. Именно с ними, как отмечалось, вступил в контакт в 1843 г. Фабрици. По его поручению в Романье побывал один из ближайших его сподвижников, сражавшийся ранее вместе с ним в Испании, — Иньяцио Риботти, посетивший до того также Сицилию, Неаполь и Ливорно и повсюду установивший контакты с руководителями подпольных организаций в целях их более активного участия в организации восстания. В то же время один из руководителей движения в Романье — Дзамбеккари побывал на Юге (в Неаполе, Мессине и Палермо) и договорился о том, что 31 июля начнется восстание в столице

Королевства Обеих Сицилии, которое будет сопровождаться одновременными выступлениями в южных областях — Калабрии, Абруццах, а также в Папском государстве — в Умбрии, Марке и в легатствах.

Следует отметить, что Риботти и Дзамбеккари действовали независимо друг от друга. Планы Фабрици и патриотов Романьи также не были согласованы. В то время как Фабрици предполагал, что должны будут одновременно восстать Романья и Сицилия, а затем их поддержат Калабрия и Абруццы, деятели из Романьи считали, что восстанию в Папском государстве должно предшествовать восстание в Неаполе. Политические установки руководителей этих центров также отличались друг от друга. Фабрици и его сподвижники на Мальте настаивали на демократическо-республиканском перевороте, неаполитанцы — на конституционно-монархическом, деятели Папского государства говорили лишь о национальной независимости и буржуазных преобразованиях. Разногласия между отдельными центрами готовящегося в Италии движения, а также ряд организационных неувязок (в частности, Риботти не удалось в условленный срок доставить в Болонью обещанные мальтийским центром финансовые средства) в большой мере предопределили его неудачу. Кроме того, правительства итальянских государств получали информацию о действиях подпольщиков от своих агентов в их рядах (в первую очередь от Аккурси).

Срыв намеченного на 31 июля 1843 г. восстания на Юге вызвал замешательство среди руководства движением в Романье. Однако некоторые демократы, непосредственно связанные с Фабрици, настаивали на немедленных действиях. 15 августа отряд под командованием братьев Муратори, состоявший из 80 человек, жителей Болоньи и провинции, одержал победу над папскими карабинерами близ селения Савиньо. Однако под напором превосходящих сил противника они вынуждены были оставить это селение и уйти в горы. До 24 августа отряд продолжал партизанскую войну, но силы были неравны. Второй отряд, численностью 100 человек, собранный Риботти, двинулся в направлении г. Имола, но был рассеян, так как власти города были предупреждены о его приближении. Часть повстанцев бежала в Тоскану, на остальных обрушились жестокие репрессии. Из 116 человек, находившихся под следствием, 20 были приговорены к смертной казни, остальные — к различным срокам тюремного заключения. Семь смертных приговоров были вскоре приведены в исполнение⁵⁵.

Материалы судебного процесса (присланные в Петербург посланником в Риме Бутеневым) дают возможность составить ясное представление о социальном составе участников восстания. В обоих отрядах преобладали ремесленники и рабочие — грузчики, столяры, сапожники, типографские рабочие, портные, чесальщики конопли, работники прачечной и др., было и несколько крестьян. В отряд Риботти наряду с ремесленниками входили представители буржуазии и лица свободных профессий — бухгалтеры, художники, бывший офицер — землевладелец, два студента и др.

Несмотря на жестокие расправы с участниками Движения 1843 г. и установленный в Романье после этих событий суровый полицейский режим, там продолжали свою деятельность заговорщические группы, вновь открыто выступившие в 1845 г.

Центром восстания на этот раз стал г.Римини, расположенный вблизи от Сан-Марино (где можно было скрыться от папских властей в случае неудачи). Кроме того, в Римини заговорщики были тесно связаны с местным гарнизоном. Вечером 22 сентября 1845 г., по рассказу русского дипломата Скарятин (замещавшего в те дни в Риме Бутенева), толпа горожан, собравшаяся якобы для игры в мяч, по сигналу руководителей движения двинулась к казармам и захватила оружие. К восставшим присоединилось 300 человек из гарнизона. Губернатор и другие правители города были арестованы. Власть в городе оказалась 23 сентября в руках повстанцев во главе с Пьетро Ренци⁵⁶.

Повстанцы обратились с прокламацией «К народу Римского государства», в которой был сформулирован их лозунг – «Гражданская свобода, светское правительство, общественный порядок». «Мы долго терпели варварские законы, – говорилось в прокламации, – безрассудный деспотизм, непомерные налоги, чересчур высокие для бедноты цены на хлеб, наглухо цензуру, грозную инквизицию, духовенство, оскверненное кровью... продажных, лицемерных, корыстных и злых судей и таких же министров... Мы прибегаем к оружию, так как никакого другого средства для восстановления справедливости и мира не остается. И мы беремся за него с твердой решимостью не откладывать его в сторону до тех пор, пока мы не добьемся спокойной и благополучной жизни для граждан»⁵⁷.

Вслед за Римини восстали Фаэнца и городок Баньякавалло, где восставшие (в большинстве своем ремесленники и крестьяне) разоружили карабинеров, освободили политических заключенных и провозгласили уничтожение светской власти папы⁵⁸.

Любопытно, что, черпая сведения о поведении повстанцев в Римини из разных источников, русские дипломатические представители в Италии сообщали в Петербург весьма противоречивую информацию. Так, Бутенев писал о том, что «повстанцы не могли и думать ни о чем другом, кроме беспорядков и грабежа. Двери тюрем были открыты»⁵⁹. Совсем иначе выглядит позиция восставших в письме очевидцев, приведенном в донесении русского генерального консула в Генуе Бютцева. «За время своего краткого господства в городе, – говорилось в этом письме, – революционеры с уважением относились не только к собственности и к правам личности, но даже к папским солдатам, провозгласив, что их единственное желание – получить конституцию»⁶⁰. Эта последняя версия больше соответствовала действительному положению вещей. Ведь требования руководителей восстания были чрезвычайно умеренными. Их требования ограничивались рамками «Меморандума» представителей великих держав, направленного папскому правительству в мае 1831 г.

Программа повстанцев Римини была изложена в «Обращении населения Римского государства к государям и народам Европы»,

автором которого был участник восстания, впоследствии либеральный историк Луиджи Карло Фарини. Она сводилась к требованию комплекса таких либеральных реформ, как амнистия политическим заключенным, составление гражданского и уголовного кодексов в духе передовых стран Европы, светская реформа судопроизводства, создание Государственного совета, замещение гражданских и военных должностей светскими лицами, секуляризация народного образования, ограничение цензуры и т.д. и т.п. Восставшие обещали подчиниться власти папы, если их требования будут выполнены⁶¹. Значительная часть этой весьма ограниченной программы, как мы вскоре увидим⁶², была осуществлена папой Пием IX.

Отсутствие координации действий между городами Римини, Фаэнца и Бьянкавалло, а также бездействие остальных областей Папского государства привели к тому, что повстанческое движение в Романье было чрезвычайно быстро подавлено. Уже 27 сентября в Римини вступили папские войска. Около 100 человек из перебравшихся в Тоскану повстанцев было посажено под арест в крепости Ливорно, остальные сумели отплыть на французском корабле в Марсель⁶³.

Поражение восстания в Римини явилось новым аргументом для умеренных либералов в пользу мирных методов борьбы. Д'Адзелио, как и другие итальянские либералы, уделявший в начале 40-х годов много внимания проблеме Папского государства и считавший, что первостепенной задачей является проведение там реформ, посвятил этим выступлениям брошюру «О последних событиях в Романье». Однако, прежде чем вспыхнуло восстание, он попытался оказать личное воздействие на патриотов Папского государства с тем, чтобы отговорить их от вооруженных выступлений.

В конце 1844 г. Д'Адзелио приехал в Рим и сблизился с местными либералами. При их содействии снабженный тайным документом, он в сентябре 1845 г. отправился в путешествие по Романье. Маршрут его проходил по так называемому пути «тяжких испытаний» («trafila») – тайной дороге, соединявшей Папское государство с Неаполитанским королевством. Встречаясь с членами тайных обществ Романьи, Д'Адзелио убеждал их отказаться от заговорщических методов борьбы, от подготовки восстаний и добиваться преобразований в Папском государстве мирным путем. Кроме того, он пропагандировал мысль о Карле-Альберте как освободителе всей Италии и о национальной миссии Пьемонта.

Несмотря на огромный авторитет известного писателя и подготовленность значительной части деятелей освободительного движения Папского государства к восприятию подобных идей, кое-кто из них выражал сомнение в том, что Карл-Альберт – «предатель 1821 и 1833 гг.» – захочет и сможет помочь им. В ответ Д'Адзелио, как он позднее рассказывал в своих воспоминаниях, утверждал, что «освобождение от гнета австрийцев и правительства попов» выгодно самому Карлу-Альберту, оно сделает его «более великим, более могущественным, чем теперь». Д'Адзелио, по его словам, легко удавалось убедить своих

собеседников, что «секты, конспирация, революция — это безумие, что нужны иные методы борьбы». Постепенно они принимали идею о гегемонии Пьемонта⁶⁴.

Однако, как мы уже видели, дальнейшие события показали, что Д'Адзелио не смог переубедить всех членов тайных обществ: восстание состоялось и вновь, как и в прошлые годы, потерпело поражение.

После поездки в Романью Д'Адзелио был принят по его просьбе сардинским королем Карлом-Альбертом. В ходе беседы, посвященной положению в Папском государстве, Карл-Альберт сделал первое публичное заявление о своей «итальянской миссии»: «Моя жизнь, жизнь моих детей, мое оружие, моя казна и моя армия, — сказал он, — все будет отдано для дела Италии»⁶⁵.

Либеральные жесты Карла-Альберта не привели, однако, к изменению его политики. Одно из свидетельств этого — запрещение публикации в Пьемонте брошюры Д'Адзелио «О последних событиях в Романье». Книга была тайно опубликована во Флоренции в марте 1846 г. Выражая свое отношение к этим событиям, Д'Адзелио считал их «несвоевременными и вредными», приведшими к «напрасным жертвам». Сами цели восстания, «частичные, местные», неотвратимо обрекали его на поражение. Однако Д'Адзелио не мог не отдавать дань уважения людям, «неоспоримая заслуга которых состоит в том, что они продемонстрировали редкую способность к самопожертвованию». На основе анализа событий в Римини автор пришел к выводу, что в Италии любое повстанческое движение обречено на провал, ибо «восстановить немногим — бесполезно, а многолюдное восстание невозможно». Этот свой тезис Д'Адзелио отстаивал в полемике с демократами, уповавшими на развертывание в Италии широкой партизанской войны против Австрии. По мнению же Д'Адзелио, в Италии в отличие от Испании нет условий для гверильи⁶⁶.

Итак, Д'Адзелио полагал, что ни революция, ни война (для ведения которой у итальянских монархов в 1845 г. не было сил и средств) непригодны для решения центральных итальянских проблем — национальной независимости и единства⁶⁷. Поэтому главная задача — формирование соответствующего общественного мнения. Чтобы освободить итальянцев от иностранного господства, «необходимо сначала подготовить их души и сердца»⁶⁸. Здесь нетрудно увидеть прямое влияние Джоберти, Бальбо и многих других представителей умеренно либерального лагеря. Не случайно труд Д'Адзелио был посвящен его кузену и единомышленнику Чезаре Бальбо. Вместе с тем в отличие от Джоберти и Бальбо, в сочинениях которых отсутствовал критический анализ конкретной ситуации в итальянских государствах (вспомним, что Джоберти даже возвел в принцип недопустимость критики деятельности правителей), Д'Адзелио выступил с развернутой критикой порочной системы управления Папским государством. Он бичевал царивший здесь судебный произвол, связанный с отсутствием кодекса, говорил о полном развале экономики. «Экономическая система государства и его финансы доведены до такого состояния, что никто во всей Европе не

сомневается... в их неотвратимом крахе... Запретительная система тормозит экспорт и импорт с помощью высоких таможенных пошлин, которым невежество дало название покровительственных». Следствие такой системы — высокие цены на продукты, наносящие ущерб большинству населения в интересах немногих. «Папское правительство заявляет: "Я не верю в железные дороги". И над этими словами смеется вся Европа...» Правители препятствуют созданию банков, которые способствовали бы росту государственного кредита, сельскохозяйственных и промышленных обществ. Тяжелые налоги на сельскохозяйственных собственников разоряют сельское хозяйство, торговля практически сведена к нулю. Единственное средство «вдохнуть жизнь и энергию в это обессиленное умирающее государство» состоит, по мнению Д'Адзелио, в том, чтобы «папа царствовал, но не управлял»⁶⁹, т.е. по существу он выступил против светской власти папы.

Брошюра Д'Адзелио «О последних событиях в Романье», хорошо аргументированная в ее критической части (к книге, в частности, были приложены статистические материалы о бюджете Папского государства), прекрасно написанная в литературном отношении, произвела огромное впечатление на итальянцев. Бальбо считал эту брошюру «самой полезной из всех наших современных политических книг». Сам автор писал брату, что книга «произвела фурор»⁷⁰. По словам Петитти, эта брошюра вскоре после выхода в свет стала «на вес золота» в Тоскане и Папском государстве. В Турине 200 экземпляров этой книги «расхватили в один миг»⁷¹. Тосканское правительство, опасавшееся массовых манифестаций, решило выдворить Д'Адзелио за пределы герцогства. Однако это решение лишь усилило солидарность либеральных кругов Тосканы с автором: его чествовали на банкетах и народных манифестациях во Флоренции, Ливорно и Пизе. Достоинства книги были признаны и в демократическом лагере. Выше приводился отзыв на нее Дж.Мадзини⁷². Под влиянием этой брошюры неаполитанский демократ Луиджи Сеттембрини создал свой «Протест народа Обеих Сицилии».

Примечательно, что представители правящих кругов России и Австрии (будь то дипломаты или же полицейские агенты) расценивали политическую деятельность Д'Адзелио, а также острокритическую направленность его книги как весьма опасную для существующих порядков в Италии. Так, в венецианских полицейских документах, относящихся к концу марта 1846 г., Д'Адзелио называли «опасной в политическом отношении личностью», которую нельзя допускать на территорию Ломбардо-Венецианской области. Необходимо также помешать ввозу на территорию этих провинций его «опасного сочинения» «О последних событиях в Романье»⁷³. Об отношении австрийского правительства к этому труду сообщал в Петербург из Турина Н.А.Кокешкин. Это издание, по его словам, «вызвало такое недовольство австрийского правительства, что оно потребовало, чтобы ее автор Массимо Д'Адзелио был выслан из Тосканы. "По-видимому, — замечал далее Кокешкин, — пьемонтское правительство не могло поддерживать и вдохновлять подобные сочинения. Однако его распространение не было

полностью запрещено в Пьемонте. Д'Адзелио, который не мог поселиться ни в Милане, ни во Флоренции, обосновался в Турине. Эта терпимость Пьемонта рассматривается Австрией как поощрение пропаганды враждебных ей идей»⁷⁴.

К брошюре Д'Адзелио обращался в своих донесениях и русский посланник в Риме А.П.Бутенев. Книга «О последних событиях в Романье» представлялась Бутеневу настолько опасной, что он счел необходимым познакомить с ней Нессельроде. В донесении, poslanном вместе с экземпляром брошюры, он писал Нессельроде, что «маркиз Д'Адзелио, публицист и художник... опубликовал там зажигательную брошюру о дерзком предприятии в Римини, которая является не чем иным, как памфлетом, столь же примечательным элегантноcтью cтиля, сколь и резкостью и непоследовательностью его содержания. Он направлен против влияния Австрии и в пользу химерического национального единства независимой Италии. Этот памфлет, — замечал в заключение Бутенев, — вызывает сенсационный интерес на всем полуострове»⁷⁵.

В том же 1846 году, когда появилась брошюра Д'Адзелио, были опубликованы еще две книги, посвященные положению в Папском государстве. Речь идет о сочинениях тосканских либералов Джино Каппони «О современном положении Романьи» и Леопольдо Галеотти «О суверенитете и светской власти пап». Мысль о том, что папа, как в древности, должен царствовать, но не управлять, является центральной в обеих этих брошюрах. «Папа царствующий, но не правящий — это единственное средство, которое может распутать до сих пор безнадежно запутанный узел, — замечал Каппони. — Теперь, когда священники и епископы отвечают за государственное хозяйство, устанавливают налоги, возглавляют войско и — мне стыдно даже говорить об этом — являются руководителями и вдохновителями сыщиков, пороки такой системы становятся нестерпимыми»⁷⁶.

На основе развернутого анализа взаимоотношений между местными учреждениями и папским правительством Галеотти в своей книге показал, как на протяжении веков папская администрация вырождалась и превратилась наконец в узкую церковную олигархию, обладающую огромными привилегиями. Галеотти обличал бездарность и невежество церковных правителей, которые лишены даже элементарной светской культуры. Отвергая народный суверенитет в качестве альтернативы нынешней системы управления, Галеотти, подобно Джоберти и Бальбо, видит выход для Папского государства в создании консультативной монархии, в широкой самостоятельности местных органов управления»⁷⁷.

Не только деятели итальянского патриотического движения, но и папа Пий IX, вынужден был признать неотвратимость политических перемен в его владениях. Казалось, началась новая эра — эра претворения в жизнь либеральных неогвельфских идей и программ. Хотя масштабы реформаторской деятельности Пия IX первых полутора лет его понтификата (до начала революции 1848 г.) и были значительно скромнее, чем того хотелось бы прогрессивной общественности как в Италии, так и во всей Европе, все же на первых порах эта деятельность

могла породить некоторые надежды на то, что Папское государство вступает на новый путь. Близкая дружба будущего папы в его бытность епископом в Имоле с графом Джузеппе Пазолини, придерживавшимся умеренно либеральных взглядов, дала основание для передававшихся из уст в уста рассказов о том, что на выборы в Рим будущий папа взял с собой сочинения Джоберти, Бальбо и Д'Адзелио⁷⁸. В действительности Пий IX, разумеется, не руководствовался в своей деятельности программой умеренных. Ведь среди их требований содержался неприемлемый для него отказ от светской власти, а также ряд конституционных уступок. Однако в условиях общественного подъема, с особой остротой проявлявшегося в Папском государстве, Пий IX, даже не обладая качествами крупного политика, не мог противиться обстоятельствам, толкавшим его на путь преобразований.

В этом направлении воздействовали на него и некоторые его советники, находившиеся под влиянием неогвельфских идей.

Побудительные причины, заставившие нового папу пойти на реформы, были очень четко изложены новым статс-секретарем кардиналом Жицци в его беседе с А.П.Бутеневым. «...Не имея возможности вырвать с корнем... тайное и вредное направление неисправимых врагов общественного порядка, — передавал в Петербург Бутенев слова Жицци, — необходимо употребить все способы к тому, чтобы привлечь к себе людей благонамеренных... Надо внушить им уверенность к правительству, показывая, что оно внимательно занято нуждами и выгодами народонаселения, заботится об уничтожении злоупотреблений со стороны второстепенных властей — улучшает администрацию и правосудие...» Папа, по словам кардинала, «вовсе не намерен поощрять в своем государстве, как приписывают ему легкомысленные и злонамеренные люди, и благоприятствовать где бы то ни было в других странах проповеди так называемых либеральных идей, представительных учреждений и, наконец, стремлений к единству и независимости Италии»⁷⁹.

Среди реформ, предпринятых правительством Пия IX, наибольшее значение имела амнистия политическим заключенным, провозглашенная эдиктом от 16 июля 1846 г. По этому эдикту почти все политические заключенные получали свободу, если они давали письменное обязательство «не злоупотреблять этой милостью» и «выполнять все обязанности подданных»⁸⁰. Под давлением общественного мнения Пий IX пошел на некоторую либерализацию цензуры. По эдикту от 15 марта 1847 г. политическую цензуру должен был осуществлять совет, состоящий из четырех светских лиц и одного представителя духовенства. К этому совету могли апеллировать «писатели и издатели периодических изданий... если цензор отказал им в дозволении печатать. Газетам позволено говорить о политике и современной истории»⁸¹.

Итальянские умеренные с восторгом встретили первые шаги нового папы по пути преобразований. Еще в октябре 1846 г. в Болонье была тайно опубликована брошюра М.Д'Адзелио «Письмо к NN» (под этими буквами скрывалось имя деятеля либерального движения в Романье

Марко Мингетти), являвшаяся подлинным гимном Пию IX. «Ум, воля и великодушие» представлялись Д'Адзелио главными его качествами. Он выражал уверенность, что эти качества помогут папе справиться с двумя грозящими ему опасностями – слева и справа, т.е., с одной стороны, обуздать чересчур радикальные устремления демократов, а с другой – парализовать противодействие политике папы со стороны противников каких бы то ни было реформ⁸². После того как папа познакомился с этой брошюрой, ее автору в начале 1847 г. было разрешено приехать в Рим, где он получил аудиенцию у папы, встречался с министрами, выступал на банкетах, организованных римскими умеренными.

Д'Адзелио широко печатался также в либеральных газетах, которые стали появляться в Риме одна за другой. Петитти, приветствуя «подлинную и славную свободу печати» в Риме, сообщал в своих письмах к Джоберти об издании там ряда новых политических газет, в частности «Il secolo» («Век»), «Il contemporaneo» («Современник») и др.⁸³. В «Il contemporaneo», в частности, и была опубликована вызвавшая досаду Бутенева статья Дж.Монтанелли «Мадзони, Джоберти и Пий IX». В начале 1847 г. в Риме начали выходить газеты «La speranza» («Надежда»), «Italice» («Итальянская газета») и другие издания.

Преобразования, предпринятые правительством Пия IX, вызвали горячий энтузиазм не только в Папском государстве и по всему Апеннинскому полуострову, но и в других европейских странах. Передовая русская интеллигенция также отдала дань восхищения новому «либеральному» папе. Так, петрашевец Н.А.Момбелли писал в статье «Основание Рима и царствование Ромула»: «Пылкая Италия, приходящая в энтузиазм от всего прекрасного, наконец восстает от продолжительного летаргического сна и обещает энергичную опору идеям истины. Дух разрозненности и недоверия в Италии уступает место единодушию и братскому доверию. Во главе возрождающейся Италии становится глава католицизма, папа Пий IX»⁸⁴.

Поэт и моряк Е.П.Зайцевский, в 1847 г. занимавший пост секретаря русского посольства в Неаполе, восторженно принял либеральные эдикты папы, назвав его «одним из лучших пап, какие когда-либо бывали!.. Нет сомнения, что его намерения благи и мудры», – писал он С.А.Соболевскому. Однако вслед за этим замечал: «Но действия его медленны и нерешительны... Не о преобразовании должно бы прежде всего подумать, но о немедленном уничтожении всех злоупотреблений светской и в особенности духовной власти»⁸⁵.

«Пий IX в самом деле был одушевлен желанием добра, когда сел на престол, первое время его понтификата было истинно поэтической эпохой», – писал А.И.Герцен. Однако, наблюдая в самом Риме деятельность папы, Герцен вскоре улавливает внутреннюю противоречивость и слабость его политики. «Странное явление в истории этот Пий IX, – замечает он, – два-три благородных порыва, два-три человеческие действия поставили его во главу итальянского движения, окружили его любовью, ему стоило только продолжать, по крайней мере не мешать, нет, слабые плечи его ломаются под тяжестью великого призвания. Он

стоит на рубеже двух сильных потоков, и то один уносит его с собою, то другой»⁸⁶.

Эти строки были написаны Герценом в начале 1848 г. Но еще в 1847 г. со все большей очевидностью начала обнаруживаться медлительность и непоследовательность папы в осуществлении провозглашенных им реформ. Соответственно менялись и настроения жителей Рима и всего Папского государства. Если на первых порах приобщавшиеся к активной политической жизни римские «низы» вслед за умеренными либералами просто восторженно славил нового папу, то позднее в ходе стихийных народных манифестаций в честь Пия IX под влиянием агитаторов (среди которых наибольшую популярность приобрел Чичеруаккио) выдвигаются требования более широких и радикальных преобразований Папского государства⁸⁷.

Демократическая публицистика 40-х годов

40-е годы XIX в. отмечены расцветом демократической публицистики. Именно в усилении пропагандистской работы во имя разъяснения своих важнейших программных установок, как уже отмечалось, видели демократы тогда главную задачу. При весьма существенных различиях во взглядах все они были единодушны в своем критическом отношении к умеренно либеральной идеологии.

Полемика с умеренными либералами содержалась практически во всех наиболее значительных сочинениях демократов, созданных в 40-х годах – накануне революции 1848 г. С уничтожающей оценкой деятелей этого течения встречаемся мы в цитированном выше очерке Дж.Мадзини «Воспоминания о братьях Бандьера»: «За последние восемь или девять лет среди людей, которые называют себя патриотами, появилось течение, которое прилагает все силы к тому, чтобы ослабить итальянцев в собственных глазах и перед другими народами не только как трусов, но и как хвастунов. Влиятельные (некоторые – благодаря своему социальному положению и богатству, все – из-за приверженности к либерализму, быть может, и искреннему, но пассивному), не лишённые способностей, но без искры таланта и с дурной склонностью к ограниченному, бесплодному, отдающему мертвечиной анализу, взятому взаймы у XVIII века, они, к несчастью, становятся вождями и оракулами молодежи на полуострове. В любом движении народного недовольства они оказываются непременно посредниками, стремящимися помешать переходу этого недовольства в открытый взрыв»⁸⁸.

Большой интерес представляют сочинения одного из крупнейших идеологов демократического течения – Джузеппе Феррари, публиковавшиеся во французской периодике. Фигура Феррари стоит особняком среди итальянских демократов. Пожалуй, никто из них в своих воззрениях не ушел так далеко от Дж.Мадзини, как он. Даже характеры этих людей резко различались. У Мадзини – постоянное стремление воплотить свои идеи в жизнь, добиться единства мысли и действия, и доктринерский, умозрительный подход к животрепещущим итальянским проблемам – у Феррари. В 1838 г. Феррари по собственной воле покинул

Италию и поселился во Франции, ведя отшельническую жизнь ученого и не вступая в контакт с бурным, полным противоречий миром итальянской эмиграции. В справедливой в своей основе критике итальянской действительности, содержавшейся в многочисленных работах Феррари, ее социальной, политической и культурной отсталости, от которой, по мнению Феррари, можно избавиться, только порвав со средневековыми традициями революционным путем, всегда чувствовалась позиция стороннего наблюдателя.

Этого ему не могли простить ни демократы, ни либералы.

Революционная Франция представлялась Феррари образцом, которому во всем следовало подражать итальянцам. «Франция для Италии,— писал он,— больше, чем нация: это — религия»⁸⁹. Судьбы итальянской революции Феррари ставил также в зависимость от французской инициативы. «Феррари мыслил, однако, в большой степени вне конкретной итальянской действительности, — замечал в этой связи А.Грамши, — он очень офранцузился. Часто в своих суждениях он забежал далеко вперед, отрываясь от реальности, так как применял к Италии французские схемы, которые отражали ситуацию значительно более передовую, чем в Италии»⁹⁰.

Преклоняясь перед разумом и считая важнейшим залогом прогресса широкий обмен идеями в европейском освободительном движении, Феррари осуждал заговоры, «обедняющие мысль и прибавляющие только ненависть»⁹¹. Как и идея французской инициативы, этот тезис коренным образом расходился с установками Мадзини. Не менее существенным было расхождение взглядов Феррари и Мадзини на характер будущей объединенной Италии. В отличие от унитаризма Мадзини Феррари был сторонником федералистского пути объединения.

Сторонниками федерации были, как уже отмечалось, в большинстве своем и умеренные либералы. Однако близость Феррари к их взглядам по этому вопросу не исключала непримиримой вражды между Феррари и виднейшими представителями умеренного течения — Джоберти и Бальбо. Статья Феррари «О католической философии в Италии», опубликованная в 1844 г. в парижском журнале «Revue des Deux mondes», была направлена против неогвельфизма, возвеличивающего такой антинациональный ретроградный космополитический институт, как папство. В ответ на выпады Феррари против Джоберти, главного носителя неогвельфской идеологии, последний выступил публично в печати, обвиняя Феррари в том, что он забыл родину, удалившись в добровольное изгнание.

В том же журнале «Revue des Deux mondes» появилась и другая статья Феррари — «Революция и революционеры в Италии», где главным объектом критики был Чезаре Бальбо с его надеждами на дипломатию и монархов в деле решения итальянской проблемы. Бальбо, по словам Феррари, — это анти-Мадзини. Мадзини говорит о свободе, Бальбо — лишь о независимости, Мадзини — о войне и восстании, Бальбо — о мире и покорности, Мадзини — о свержении правительств, Бальбо — об их укреплении, забыв, что именно итальянские монархи призвали на

помощь Австрию в 1799, 1814, 1821 и 1831 гг. Феррари упрекал умеренных в том, что проблему свободы они подчиняли независимости, тем самым оказывая поддержку существующим правительствам, и отвергали революционный путь и идею народной инициативы⁹².

Феррари, таким образом, подчеркивал положительное значение мадзинистской платформы в противовес умеренным, тем самым утверждая, что, несмотря на существенные различия между ним и Мадзини, они все же находились по одну сторону баррикад. Это подтверждается и высокой оценкой личности Мадзини, которая содержалась в работе «Революция и революционеры в Италии»: «Ни один человек среди итальянских заговорщиков никогда не оказывал столь могущественного и широкого влияния, как Мадзини. Большинство из тех, кто окружал его, были покорены им, а те, кто воспротивились его влиянию, не могли отойти от него без сожаления. Скольким опасностям он смело шел навстречу!.. После стольких усилий и стольких жертв генуэзский конспиратор, изгнанный с континента, не имеет ничего, кроме чести быть человеком, более всех очерненным врагами»⁹³.

Большим своеобразием отличалась позиция и другого видного представителя демократического лагеря — Филлипо Де Бони. Он родился в 1816 г. в семье ремесленника, провел юношеские годы в Венеции и Падуе, а затем, с 1841 г., поселился во Флоренции, где сблизился с местными демократическими группами. Занимаясь литературно-публицистической деятельностью, Де Бони в 1843 г. начал издавать литературный журнал «Quel che vedo e quel che penso» («Что я вижу и что я думаю»). В марте 1846 г. Де Бони, как и другие активные участники демократического движения в Тоскане, был выслан правительством из Флоренции и обосновался в Турине. Здесь он задумал издание нового политического журнала. Однако из Турина он был вскоре изгнан и оказался в эмиграции в Швейцарии. Поселившись в Лозанне, он вместе с типографом Станислао Бонамичи приступил к изданию ежемесячного журнала «Cosi la penso» («Что я об этом думаю»). Публиковавшиеся в журнале материалы (их присылали корреспонденты из Ломбардии, Сардинского государства и Романы) были направлены против умеренных, главным образом против Ч.Бальбо и М.Д'Адзелио. В известном смысле исключение среди них составлял, по мнению Де Бони, В.Джоберти, благодаря которому в Италии произошел раскол реакционного блока и который, следовательно, оказался «идейным творцом тех событий, которые происходят два последние года на нашем полуострове... Нам его деятельность пошла на пользу»⁹⁴. Что же касается других деятелей умеренно либерального лагеря, то Де Бони подвергал беспощадной критике «их кажущийся реализм, их пресловутый "практический" ум, их стремление возвести в главный принцип постепенность и ограничиться легальной оппозицией, административными преобразованиями, таможенными соглашениями, сохранив старую основу...». В противоположность умеренным Де Бони подчеркивал необходимость «употребить меч» в борьбе за национальное единство⁹⁵.

Пафосом обличения умеренных было проникнуто сочинение южного демократа Джузеппе Риччарди «Утешения Италии, или Приготовление к восстанию», изданное в 1846 г. в Париже⁹⁶. В этой работе автор развивал антимонархические взгляды, противопоставляя их установкам Джоберти и Бальбо, выступавших за такое соглашение монархов с народом, в котором решающая роль принадлежала бы монархам. На деле же династические интересы монархов, утверждал Риччарди, всегда противостоят интересам нации.

Риччарди признавал положительное значение деятельности либералов, «стремящихся на пути культурного прогресса достичь желаемых изменений. Они организуют научные конгрессы, объявляют войну диалектам и проповедуют любовь к общему языку, ведут исторические исследования, напоминая итальянцам об их былой славе и разжигая в сердцах патриотизм, строят железные дороги, создают детские приюты и сберегательные кассы... Это большое дело осуществляется ими невзирая на препятствия, чинимые угнетателями... Рост благосостояния и культуры нации, — отмечал Риччарди, — является немалым вкладом в достижение цели, за которую мы боремся». Однако эта деятельность, по мнению Риччарди, имеет и негативную сторону, поскольку она «отвлекает итальянцев» от главной задачи — достижения единства и независимости, которые «можно завоевать лишь с помощью оружия, т.е. путем революции», а «не распространением просвещения»⁹⁷.

Среди наиболее значительных произведений передовой итальянской мысли 40-х годов, полемически заостренных против либералов, важное место занимает двухтомный труд однофамильца Дж.Мадзини тосканского демократа Андреа Луиджи Мадзини «Об Италии и ее отношении к свободе и современной цивилизации»⁹⁸, опубликованный на французском языке в Париже в 1847 г. Многие современники приписывали авторство книги «Об Италии...» Джузеппе Мадзини, которому, судя по его переписке, не раз приходилось опровергать это мнение. Да и значительно позднее, вплоть до недавнего времени, имя Андреа Луиджи Мадзини было малоизвестно не только в Европе, но и в Италии. Единственным исследователем, детально и всесторонне изучившим жизнь и творчество А.Л.Мадзини и переиздавшим недавно его главное сочинение, является видный современный итальянский историк А.Саитта⁹⁹.

А.Л.Мадзини окончил юридический факультет университета в Пизе, с 1837 г. обосновался во Флоренции, занимаясь литературно-издательской деятельностью. В этот период он опубликовал ряд статей по проблемам философии, обнаруживших бесспорное воздействие на автора идей Гегеля. Это дало основание А.Саитте считать А.Л.Мадзини одним из первых пропагандистов Гегеля в Италии¹⁰⁰.

Важный этап в идейном формировании А.Л.Мадзини начался с момента его добровольной эмиграции в Париж в октябре 1844 г.¹⁰¹ Он сотрудничал в парижской «Gazzetta italiana» — органе умеренно либеральных эмигрантов. В статье «О гражданском образовании итальянцев» А.Л.Мадзини выступал убежденным приверженцем идей

независимости и национального суверенитета. Проблема Рисорджименто определялась им как необходимость «догнать Европу на пути просвещения». Вместе с тем автор в тот период решительно осуждал итальянских демократов и высказывался в пользу принципа «золотой середины», восхваляя Ч.Бальбо и В.Джоберти. Последнего он называл «самым ярким светилом Италии в нашу эпоху»¹⁰².

В конце 1845 г. А.Л.Мадзини прекратил сотрудничество в «Gazzetta italiana», что в значительной степени было связано с переживаемым им серьезным идейным кризисом. Существенное воздействие на радикализацию его воззрений оказали как французская социальная действительность, так и контакты с французскими республиканско-демократическими кругами и итальянскими демократами, находившимися в эмиграции в Париже (в частности, с Дж.Риччарди и Дж.Феррари). А.Л.Мадзини испытывал на себе влияние идей сенсимонизма и особенно левого гегельянства.

Плодом идейных исканий А.Л.Мадзини, завершившихся переходом на позиции не только республиканизма и демократии, но и утопического социализма, явился его труд «Об Италии и ее отношении к свободе и современной цивилизации».

Сочинение А.Л.Мадзини было направлено против тех, чьим единомышленником автор был еще совсем недавно, т.е. против умеренных либералов. Уже во Введении автор, имея в виду умеренных публицистов, замечал: «Вызывает глубокое огорчение, когда итальянцам говорят о независимости и свободе от имени абсолютистской власти пап или деспотического произвола нескольких монархов, и находятся такие патриоты, либералы, которые аплодируют этой лицемерной мистификации»¹⁰³.

Не раз обращался А.Л.Мадзини к критике неогвельфских концепций Джоберти. По его мнению, их «главный дефект» состоит в том, что Джоберти «хочет быть одновременно революционером и аристократом, философом и рьяным католиком. Он стремится отстаивать историю, частные, ограниченные интересы некоторых привилегированных классов против чистой мысли, абсолютной идеи, общих интересов всех народов, универсальной цивилизации. За Италией Цезаря и пап он признает идеальное, абсолютное превосходство над всеми остальными народами на земле... Очевидно, что политические доктрины аббата Джоберти неизбежно должны были привести этого писателя, несмотря на всю его эрудицию и большой талант, к противоречиям и утопии». А.Л.Мадзини считает «малоубедительными» его представления о будущем Италии. Джоберти надеется, что единство абсолютных монархов с итальянским народом в определенный момент обеспечит Италии национальную независимость и моральное и материальное возрождение. Подобные взгляды, по мнению А.Л.Мадзини, лишены «какого бы то ни было политического основания»¹⁰⁴.

А.Л.Мадзини считал представителем «доктринерского и консервативного либерализма» наряду с Джоберти и Ч.Бальбо, не считавшего национальную революцию в Италии «ни необходимой, ни

осуществимой, ни полезной». Он «открыто выступает против всякой попытки создания демократической организации, против любого народного восстания». Он сторонник «монархической конфедерации, в которой абсолютная власть монархов была бы ослаблена консультативным органом, находящимся непосредственно у трона». Бессмысленно желать, как это делает Бальбо, «чтобы монархи, которые деспотически правят сегодня в итальянских государствах, сами открыли путь к национальной независимости Италии... Это значит стремиться к тому, что с точки зрения логики и с точки зрения политики невозможно», — подчеркивал А.Л.Мадзини. Бальбо и другие либералы полагают, отмечал он, что надежды Италии сводятся к формуле смирения и бессилия: Италия должна ждать изменения своего положения от монархов или от европейских держав. Абсолютно нереально ожидать, что освобождение Италии от австрийского гнета будет, например, делом рук папы. «Папство и Австрия, — указывал А.Л.Мадзини, — в чисто политическом плане связаны нерасторжимыми узами, которые сможет уничтожить только подлинная могучая демократическая революция». Надежды Бальбо на европейскую дипломатию — тоже иллюзия, «невинные мечтания», не заслуживающие даже серьезных возражений¹⁰⁵. Хотя А.Л.Мадзини ставил политику реформ пьемонтского короля Карла-Альберта на одну доску с политикой Пия IX, определяя и ту и другую как «санфедизм»¹⁰⁶, только более прогрессивный, более утонченный, более искусный, чем прежде», он все же признавал, что у туринского правительства, «быть может, есть стремление к свободе, чувство прогресса, но нет смелости... Оно бы, вероятно, хотело править всей Италией, но позиции его слишком слабы». В страхе перед революционным взрывом Карл-Альберт, возможно, и пошел бы на некоторые уступки умеренным, чтобы противостоять активным действиям демократов. А.Л.Мадзини допускал вероятность того, что именно в Пьемонте «рано или поздно возникнет подлинно национальное течение... самое просвещенное, самое энергичное, способное воспринять передовые идеи века, а когда придет время — проявить могучую инициативу в деле итальянского возрождения»¹⁰⁷.

Программе умеренных либералов А.Л.Мадзини противопоставлял установки «Молодой Италии», в значительной части близкие его собственным взглядам. Он восхищался «благородством и мужеством» членов этой организации, «живой и пылкой верой ее знаменитого вождя». Он высоко ценил и прозорливость Дж.Мадзини, еще в 1832 г. понявшего, что «всякая подлинно серьезная революция должна стремиться прежде всего обеспечить себе прочную поддержку в мнении масс». В анализе причин поражения революций 1820—1821 и 1831 гг. в Италии А.Л.Мадзини был согласен с Дж.Мадзини, подчеркивая что «их организовывали заговорщики, тогда как народы, массы были не в состоянии принять в них активное участие. Таким образом, эти движения были лишены той силы, той необходимой поддержки, которая... способствует успеху какого бы то ни было политического движения»¹⁰⁸.

Вместе с тем в книге А.Л.Мадзини немало критических замечаний в

адрес «Молодой Италии», печатного органа этой организации, самого Дж.Мадзини, «жертвы благородных иллюзий и отважных надежд молодой итальянской демократии». Одна из таких иллюзий, которую А.Л.Мадзини считает важнейшей ошибкой Дж.Мадзини, — это его уверенность в том, что массам присуще пристрастие к революции, которого на деле нет и которое следует создать путем пропаганды идей и принципов современной демократии. А.Л.Мадзини считает, что статьи в журнале «Молодая Италия» (идейному содержанию которых он давал самую высокую оценку) носят слишком «абстрактный и философский характер». Между тем главной целью издания должна быть пропаганда в широких массах «средств, наиболее пригодных для осуществления важнейшей современной задачи — изменения путем революции законов, институтов и правительств». Критикуя деятельность «Молодой Италии», А.Л.Мадзини вместе с тем подчеркивал большие достоинства этой «единственной революционной партии, которая, несколько изменив свои установки... вероятно, сумеет оказать большое влияние на будущие судьбы итальянского народа»¹⁰⁹. Для труда А.Л.Мадзини характерен широкий подход к трактовке итальянского Рисорджименто как явления не узконационального, но общеевропейского. Проблема Рисорджименто — это, в частности, проблема достижения Италией уровня европейской цивилизации. В практическом плане подобный подход приводил А.Л.Мадзини к убеждению, что Италия сможет добиться национальной независимости и единства только в том случае, если ей будет оказана поддержка другими европейскими революционными силами. Одной из причин поражения революций 1820—1821 и 1831 гг. была, по его мнению, изоляция руководителей итальянских движений «не только от чувств и стремлений масс, но и от идей и реальных интересов других революционных стран Европы, и особенно Франции». Именно Франция — и здесь А.Л.Мадзини сходилась с Феррари — была той «более молодой, более сильной, более прогрессивной нацией», которая в первую очередь должна была оказать Италии помощь в ее революционной борьбе. Вместе с тем у него возникали опасения, что, освободившись с французской помощью от австрийского гнета, «итальянцы перестанут быть рабами одних, чтобы попасть, быть может, под политический гнет других»¹¹⁰.

*

Полемика с умеренными была неразрывно связана в трудах демократов с обличением папства. Еще в начале 40-х годов начал выступать против папской власти Дж.Риччарди. Он уделил проблеме папства центральное внимание в труде «Разговор о правилах, которым должны следовать итальянцы, борющиеся за независимость, единство и свободу своей родины»¹¹¹, изданном в 1843 г. в Париже. Крайне реакционный характер папства проявился, по мнению Риччарди, в позиции папы Григория XVI, призывавшего в 1831 г. восставших поляков подчиниться власти русского царя. В самой Италии папы также всегда на стороне монархов — против их жертв. Но особенно опасной представлялась Риччарди позиция, которую займет папа по отношению к освободительной борьбе, которая вот-вот развернется в Италии. Он не

соглашался с тезисом либералов о том, что «следует лишить папу светской власти, но сохранить его как духовного владыку». Необходимо изгнать его из Италии. Однако, полагает он, «надо убедить католиков в том, что мы (демократы. — М.К.) не думаем бороться с их верой». Ричарди высказывался за свободу мысли и совести.

Дж.Мадзини подверг резкой критике сочинение Джоберти «О духовном и гражданском первенстве итальянцев», считая, что автор толкует тему «в ультракатолическом духе». «Это поветрие добиваться возрождения Италии с помощью папы стало ныне, несомненно, модой», — писал он матери в июне 1843 г.¹¹²

На восстания в Романье Дж.Мадзини откликнулся очерком «Папские владения», опубликованным на английском языке в лондонском журнале «Westminster Review» за сентябрь—декабрь 1845 г. В противовес идеям либералов о возможности мирных преобразований в папских владениях Мадзини утверждал, что только революция сможет разрешить стоящие перед этим государством проблемы. «Всеобщее недовольство», царящее здесь, по мнению Мадзини, порождено пороками папской администрации — «анархией», коррупцией, политикой, способствующей упадку торговли и промышленности, «полным отсутствием народного образования», отвратительным состоянием финансов. «Таким образом, папскую власть, — подчеркивал Мадзини, — не только ненавидят за все то зло, которое она творит, но и презирают ее. Наши читатели, — добавлял автор, имея в виду читателей английского журнала, — поймут теперь, почему время от времени в Папском государстве раздражаются столь крупные волнения, которые и дальше будут повторяться во всевозрастающих размерах... В один прекрасный день здесь вспыхнет революция»¹¹³.

В брошюре «Италия, Австрия и папа»¹¹⁴, изданной на английском языке в том же 1845 году в Лондоне, Дж.Мадзини бичевал пороки как светской, так и духовной власти папы. Ее гнет не менее тягостен для Италии, чем гнет Австрии: «Папа — это рукоятка меча, острием которой является Австрия, — писал он, — и этот меч висит над всей Италией»¹¹⁵.

Приход к власти папы Пия IX и его первые «либеральные» шаги породили у некоторых представителей итальянской демократической мысли надежды на возможность коренных преобразований в Папском государстве. Даже такой радикально мыслящий человек, как южный демократ антиклерикал Луиджи Сеттембрини, соратник и единомышленник Б.Музолино, поддавался было этим иллюзиям. Пий IX, писал он тогда, начал «самую удивительную и священную революцию, какая только может быть в мире». Он называл нового папу «тем святым, который твердо и уверенно сказал Италии: восстань и иди!». Однако вскоре Сеттембрини осознал, сколь ограниченным было реформаторство Пия IX. «Хоть папа и порядочный человек, но он остается священником», — замечал он¹¹⁶.

В отличие от Ричарди Де Бонн отнесся скептически даже к первым шагам нового папы. «Я тоже хочу реформ, — писал он в октябре 1846 г., — но мало верю в реформы, предпринятые монархами и в той же мере — папой. Ибо папа не может уничтожить зло, даже если он стремится к

этому, без того, чтобы не уничтожить церковное правительство или свою теократическую олигархию». В письме к Ч.Канту в мае 1847 г. Де Бонн отмечал, что «если светская власть сохранится в руках папы, то Италии, возможно, удастся добиться независимости, но стать свободной и единой — никогда»¹¹⁷.

Антипапская позиция сочеталась у Де Бони, как и у Дж.Мадзини, с утверждением важной роли религии. «Вера — это нравственная жизнь, — писал он в «Così la penso». — И человеческий род стремится к религиозной и гражданской вере, которая наполняет сердца людей». Однако Де Бонн был сторонником не католицизма с его догмами и пышными обрядами, а примитивного евангелизма с ярко выраженной народной тенденцией. Дж.Берти усматривал в евангелических устремлениях Де Бони отзвук религиозных воззрений, присущих движению карбонариев¹¹⁸.

Острокритическая оценка института папской власти содержалась в труде А.Л.Мадзини, написанном еще в первый период правления Пия IX. Папство, по его словам, «значительно в большей степени, чем другие деспотические правительства, чем гнет Австрии, чем интересы великих держав... в течение веков оказывало на итальянскую мысль, на волю народа пагубное влияние». В «ретроградной» папской власти, «духовной и светской», автор видел главную причину всех несчастий Италии. «Папская власть — это интеллектуальная и моральная тирания, которая постепенно превращает первый народ Европы в последний на Земле», — утверждает в книге. А.Л.Мадзини не разделял всеобщих восторгов в связи с воцарением на папский престол Пия IX. Он признавал, что Пий IX — «один из самых выдающихся людей Европы» и что «благодаря ему в Папском государстве можно теперь спокойно обсуждать проблемы независимости Италии». Однако А.Л.Мадзини призывал итальянцев не поддаваться бесплодным иллюзиям: папство не может уничтожить цепи рабства, не уничтожив самого себя. Между тем, к его удивлению, эти иллюзии разделялись в Европе даже многими демократами, которые видели в Пии IX человека, который не только возродит Папское государство и всю Италию, но и умиротворит Европу. Реформы, проводившиеся Пием IX в Папском государстве, по мнению А.Л.Мадзини, не имели серьезного политического значения, так как они по существу не затронули характера законодательной и исполнительной власти, «отличающейся произволом и деспотизмом». Восторги же по поводу объявленной Пием IX амнистии А.Л.Мадзини называл «позорными для свободно мыслящих людей. Ведь тем самым признается, что все прошлые восстания были преступными»¹¹⁹.

*

Одним из доминирующих мотивов в публицистических трудах демократов, создававшихся накануне революции 1848 г., было обличение австрийского гнета в Италии. Ярче всего эта тема отразилась в работах Дж.Мадзини и А.Л.Мадзини. В сентябре 1845 г. отрывок из уже упоминавшейся выше брошюры Дж.Мадзини «Италия, Австрия и папство» был переведен на французский язык и опубликован в парижском журнале

«Revue independante». В ноябре того же года в Венеции появилось секретное предписание полиции не допускать проникновения брошюры Дж.Мадзини в Ломбардо-Венецианскую область¹²⁰. Разумеется, австрийские власти всполошились не зря. Стрелы этого пылающего гневом сочинения, иронически посвященного английскому министру внутренних дел сэру Джеймсу Грехэму¹²¹, направлены были в первую очередь против австрийского гнета в Италии. «Четвертая часть полуострова управляется австрийскими штыками, итальянские монархи являются не чем иным, как уполномоченными Австрии... Стоит раздаться кличу свободы в любом конце Италии... как Австрия выступает в поход, чтобы подавить его силой»¹²². Такова роль Австрии по отношению ко всем итальянским государствам. Но особенно тяжело приходится Ломбардо-Венецианской области, где Австрия является «непосредственным и исключительным хозяином». «Австрия хорошо знает, — отмечал Мадзини, — что она хозяйничает в Италии временно. И у нее нет других намерений, кроме того, чтобы продлить на возможно больший срок такое положение и максимально эксплуатировать ту область, которая сегодня находится в ее руках. До тех пор, пока это возможно, она сопротивляется любому прогрессивному мероприятию»¹²³.

На большом фактическом материале Мадзини показывал, как в Ломбардо-Венецианской области осуществляется австрийское вмешательство в народное образование, направленное на то, чтобы «по возможности вытравить в детях национальное чувство», в интеллектуальную жизнь, развитию которой мешает строжайшая цензура.

Тяжкий налоговый гнет (итальянцы в Ломбардо-Венецианском королевстве платят вдвое больше налогов, чем другие подданные Австрийской империи), таможенные барьеры, препятствующие развитию местной промышленности и торговли, жестокий полицейский террор, цель которого — «подавление национального духа», — таковы характерные черты австрийского правления в Северной Италии¹²⁴.

А.Л.Мадзини, как и все итальянские патриоты, бы, убежден в том, что Австрия является главным препятствием на пути прогрессивных преобразований в Италии. «Целью Австрии, — писал он, — постоянной целью, на осуществление которой она направляет все свои усилия, является дело абсурдное, химерическое, неосуществимое: она хочет увековечить прошлое, остановить поступательный ход истории, задержать человечество в осуществлении им преобразований, неизбежных в ходе прогрессивного развития». Естественный результат австрийского гнета в Италии — всевозрастающая всеобщая ненависть к Австрии. Никогда эта ненависть, по словам автора, не была «более сильной и повсеместной, чем сегодня»¹²⁵.

В брошюре «Италия, Австрия и папа» Дж.Мадзини, как и в прежних работах, ставил вопросы, касавшиеся целей, задач и характера итальянского национально-освободительного движения. Он подчеркивал то обстоятельство, что отдельные вспышки и заговоры в Италии возникали не изолированно от настроений населения, как это часто изображалось, например, в английской печати. В стране существует

всеобщее недовольство, и на его почве, естественно, вспыхивают те волнения, которые время от времени привлекают внимание Европы. Жесточайшие расправы обрушиваются на участников движения во всех итальянских государствах. «Италия — это обширная тюрьма, охраняемая большим числом тюремщиков и жандармов, которых в случае необходимости поддерживают штыками люди, не понимаемые нами и не понимающие нас». Неистребимое стремление итальянцев к объединению, отмечал в заключение автор, увенчается успехом. «Еще до того, как придет к концу XIX век, протоколы Венского конгресса будут годны лишь на то, чтобы итальянские солдаты заворачивали в них патроны»¹²⁶.

И республиканско-унитаристские идеалы, и отношение к религии, и борьба против светской власти пап — все это сближало воззрения Де Бони с идеологией мадзинизма. Даже готовность временно отказаться от требования республики во имя достижения широкого национального единства, отразившаяся в публикуемых журналом Де Бони материалах, перекликалась с позицией Мадзини в те годы. Как и Мадзини, Де Бони полагал, что национальный вопрос — главный для Италии. «Нация, которая забывает, что она является нацией, сама себя убивает, — писал он. — Она не может отказаться от своего имени, не предав собственного существования. Если все же она теряет качества нации, то должна стремиться отвоевать их любой ценой»¹²⁷.

Близким к мадзинистскому был также подход Де Бони к итальянской революции как к движению прежде всего политическому, отрицание им «коммунистических» тенденций в этой революции. Так, говоря о некоторых подпольных изданиях, распространявшихся в Тоскане зимой 1846/47 г. и содержавших, в частности, идеи, созвучные утопическому коммунизму, Де Бони писал, что «подобные идеи не принадлежат ни к одной из политических школ, которые появляются теперь в Италии. Здесь люди стремятся не к социальным преобразованиям, но только к политическим... Поэтому все мы (по-видимому, демократы. — М.К.) протестовали — и в устных выступлениях, и в печати — против обвинения нас в том, что мы являемся коммунистами»¹²⁸.

Вместе с тем по тактическим соображениям Де Бони подчас занимал соглашательские позиции в отношении умеренных. Так, явно примиренческие ноты звучали в опубликованном им в «Cosi la penso» в начале 1847 г. заявлении, где, в частности, говорилось: «Что же мы представляем собой? Мы не являемся ни умеренными, ни экзальтированными, или, если хотите, мы и то и другое одновременно, оставаясь всегда итальянцами... Мы протягиваем руку всем, сливая воедино все интересы, все мнения и стимулируя дальнейшие действия правительств, которые движутся к той же цели, что и мы, т.е. к коренным преобразованиям в национальной жизни и единству»¹²⁹.

Идеи Де Бони относительно руководства итальянским освободительным движением во многом отличались от мадзинистских. Де Бонни считал, что руководство демократической партии должно находиться не в эмиграции, а в Италии. «Не следует смешивать идею с

действием. Эмиграция в этом отношении никогда не давала положительных результатов, о чем свидетельствует история от (Данте. — М.К.) Алигьери до Мадзини»¹³⁰. Критическое отношение Де Бони к методам Мадзини привело в 1848—1849 гг. к серьезным расхождениям между ними.

Большим своеобразием отличалась постановка национального вопроса у А.Л.Мадзини. Будучи солидарным с Дж.Мадзини в признании первостепенной важности для Италии национальной проблемы, он отрицал абсолютную значимость «национального принципа».

В то время как Дж.Мадзини полагал, что в будущем Европа и все человечество будут состоять из отдельных всесторонне развитых наций, А.Л.Мадзини считал, что национальное государство — лишь преходящий момент в истории человечества. Его идеал — это превращение Европы в «широкую федерацию народов, политические и социальные формы существования которых были бы одинаковы и которые управлялись бы с помощью аналогичных законов и учреждений»¹³¹.

Многочисленно А.Л.Мадзини обращался к проблеме революции, которая трактовалась им в двух планах — абстрактно-философском и практически-политическом. В первом случае революция для него — это «не пушки, не только физическая сила. Революция — это нечто более грандиозное, более могучее, более неукротимое. Это — мысль, это — слово, это — мнение..... Что касается трактовки революции в практическом плане, то здесь А.Л.Мадзини прежде всего подчеркивал непримиримость интересов правительств с нуждами и потребностями (как материальными, так и интеллектуальными) общества в самом широком смысле. Как всякое насилие, «политическая революция является злом,— утверждал автор,— даже преступлением, но злом и преступлением для того, чтобы наказать и искупить зло и преступления значительно более тяжкие»¹³².

А.Л.Мадзини чувствовал приближение европейского революционного кризиса 1848 г., и это отразилось на содержании книги «Об Италии...». Близкое знакомство с французским рабочим движением привело автора к пониманию того, что грядущая революция в Европе будет иметь не только политический, но и социальный характер. И перед этой «социальной революцией» не устоят старые правительства. «Эта революция поставит под удар не принципы, не мнения, не верования, но традиционную структуру истории... словом, собственность и капитал во всех их видах», — утверждал А.Л.Мадзини¹³³.

А.Л.Мадзини полагал, что в Италии в самое ближайшее время «истинная революция», т.е. движение, в котором будут участвовать широкие массы народа, «ни в моральном, ни в материальном отношении невозможна». Итальянский народ, большинство населения, по его словам, «ничего не смыслит в наших восстаниях, в наших планах завоевания свободы или независимости, республики или конституционной монархии». «Итальянский народ,— утверждал он,— все еще народ религиозный, народ-художник, народ-поэт, вследствие этого он не может принимать активное участие в революционном движении».

Препятствия на этом пути, указывал А.Л.Мадзини, могут быть преодолены либо путем медленной и постепенной работы среди народа, либо под воздействием могучего общеевропейского взрыва. Но и в таком случае непременным условием успеха должно быть одновременное восстание «всего населения, способного бороться, сопротивляться иностранным армиям, тем сотням тысяч австрийцев, которые готовы по первому сигналу напасть на нас»¹³⁴.

Вместе с тем А.Л.Мадзини был твердо убежден, что в Италии в конце концов произойдет революция. В заключительном разделе книги, названном им «Будущее Италии», он даже выразил надежду, что уже «через полтора-два десятилетия историческая Италия, Италия прошлого будет разрушена до основания»¹³⁵.

По мнению А.Л.Мадзини, революция в Италии, как и в других европейских странах, будет носить не только политический, но и социальный характер, ибо народные массы скорее расположены участвовать в социальной революции, чем в чисто политической. Однако дальше подобных общих и весьма абстрактных рассуждений о социальных интересах масс в итальянской революции А.Л.Мадзини не шел. Более того, он, пожалуй, даже с большей категоричностью, чем Дж.Мадзини, отстаивал тезис о приоритете высоких моральных принципов по сравнению с материальными интересами в качестве стимулов вовлечения в революцию народных масс. «"Молодая Италия" ясно поняла, что массы можно поднять только с помощью идейных принципов, что революции, берущие за основу лишь материальные интересы, неосуществимы, ибо материальные интересы односторонни и эгоистичны по своей природе», — писал А.Л.Мадзини¹³⁶.

Значительно более глубокую трактовку проблема участия масс в революции получила в сочинениях Будини и Де Бони. Особый интерес в этом плане представляет брошюра Джузеппе Будини «Некоторые мысли относительно Италии»¹³⁷, опубликованная в 1843 г. в Лондоне. Книга была выпущена лондонской секцией «Молодой Италии» с предисловием Дж.Мадзини, где тот отмечал свое согласие с автором по важнейшим принципиальным вопросам. Выходец из городских «низов» (что также подчеркнул Мадзини), Будини участвовал в начале 20-х годов в подпольном движении Романьи и был в 1825 г. приговорен к 15 годам тюрьмы. Однако в 1831 г. он уже на свободе и снова в гуще революционных событий в Болонье. Поражение революции вынудило Будини эмигрировать во Францию, где он вступил в «Молодую Италию». Работая типографским наборщиком, Будини занимался пропагандой мадзинистских идей среди итальянских рабочих в парижской секции. В конце 1847 г. он вернулся в Италию и стал активным участником революции 1848 г.

В своей работе Будини уделяет главное внимание роли масс в итальянской революции, выводит, по его словам, «на первый план деревенские и городские низы». «Деревенские низы, привыкшие ... к нужде, — отмечает Будини, — более всего подходят для формирования отрядов». «Деревенскими низами» Будини считает тех, кто «поденно

работает на более зажиточных крестьян. Италия изобилует такими людьми. Это самый отчаянный народ, который легко привести в движение». Однако, для того чтобы заинтересовать эти массы, необходимы стимулы. Важнейший из них – улучшение материального положения трудящихся: «...дать народу в ходе самой революции материальные выгоды настолько ощутимые, чтобы они не вызвали сомнений». В качестве образца Будини ссылался на опыт Великой французской революции, в ходе которой якобинцы решительно ликвидировали феодализм, и на этой основе был создан союз крестьянства и революционной буржуазии. Отрицательный пример у Будини – польское восстание 1831 г., где «аристократия только накануне поражения обратилась к массам, обещая свободу сотне тысяч крепостных, тогда как следовало освободить их с самого начала восстания»¹³⁸.

Причины поражения итальянских революций 1820– 1821 и 1831 гг., по мнению Будини, – те же, что и польской, т.е. руководители этих движений ничего не сделали для народа. Те мелкие подачки, которые были ему брошены (т.е. уменьшение цен на соль, табак, гербовую бумагу), замечал автор, могли лишь ненадолго привлечь массы. «Народу говорили о свободе, но это слово теряет смысл, если оно не сопровождается ощутимыми практическими делами. Ведь слова "свобода", "равенство" употребляют все тираны». Вожди революции должны были, указывал Будини, подумать об удовлетворении насущных нужд низшего слоя итальянского общества, т.е. батраков, всегда неуверенных в том, что у них будет кусок хлеба, «в то время как огромные земельные пространства остаются необработанными». Следовало наделить определенными участками земли за счет церковных владений всех волонтеров, которые изъявили бы желание их получить¹³⁹.

Мера, предлагавшаяся Будини для решения земельной проблемы, – перераспределение церковных владений в пользу крестьянской бедноты – не была столь радикальной, чтобы обеспечить действенное участие крестьянства в демократической революции. Для этого следовало поставить вопрос также и о перераспределении земель крупных землевладельцев, настроенных реакционно и проавстрийски. Вместе с тем четкое понимание необходимости активного участия в итальянской революции масс, и прежде всего крестьянских, было бесспорно важным достоинством брошюры Будини, отличавшим ее от сочинений большинства других демократов, включая самого Мадзини.

Мысль о народных массах как важной силе национально-освободительного движения встречается и в сочинениях Де Бонн. Многие материалы издававшегося им журнала «Così la penso» пронизаны пониманием того, что их нужно «научить снова искусству умирать и побеждать». Активное участие трудящихся масс в национальном движении, отмечал Де Бонн, пугало умеренных либералов, тогда как сам он приветствовал вступление в политическую жизнь представителей этих слоев – ремесленников и крестьян. «Невдалеке от трона пребывает в тени пока еще не обнаруживший себя народ, – писал он в январе 1847 г.

– До сего времени забитый, подкупаемый и предаваемый кем угодно, он теперь начинает понимать свои задачи. Его мысль зреет на фабрике или в деревнях, когда он вращает колесо или орудует мотыгой, плачет или напевает, чтобы забыть о своей нищете. Время от времени он поднимает от работы голову... и задумывается о своей судьбе»¹⁴⁰.

Следует сказать, что в трудах большинства итальянских демократов до 1848 г. трактовка социального вопроса в революции была, как правило, значительно более ограниченной, чем у Будини и Де Бонн. Весьма распространенной была, например, точка зрения, которой придерживался Риччарди. Считая вовлечение народа в национальную борьбу делом первостепенной важности, он, однако, видел единственное средство разрешения социальных проблем в отмене налогов и таможенных пошлин. Это способствовало бы, по его мнению, развитию промышленности и торговли и, таким образом, облегчило бы жизнь «как богатым, так и бедным»¹⁴¹.

В книге Риччарди «История Италии с 1850 по 1900 год»¹⁴² и уже упоминавшемся труде «Утешения Италии» рассматривался такой важнейший аспект революции, как партизанская война отрядами, в которой автор видел единственно возможный путь к завоеванию независимости, единства и республиканской свободы. Всесторонне исследовал эту проблему и Будини в упоминавшейся выше брошюре «Некоторые мысли относительно Италии». Оба автора трактовали вопрос об организации революционной войны отрядами в духе Бьянко и Дж.Мадзини. Вместе с тем в отличие от Дж.Мадзини и Будини и Риччарди в вопросе о том, в каком районе Апеннинского полуострова должна начаться итальянская революция, примыкали к позиции Фабрици, т.е. были сторонниками «южной инициативы». Сицилия, по мнению Будини, окажется «якорем спасения для итальянского возрождения». Королевство Обеих Сицилии – наиболее удаленная от Австрии область Италии – представлялось Риччарди наиболее пригодным для того, чтобы начать здесь освободительную войну, которая затем охватит остальные итальянские государства. «У итальянцев должно быть глубокое убеждение в том, что как только революция вспыхнет в одной провинции, – отмечал Риччарди, – все остальные должны подняться без промедления»¹⁴³.

Большое внимание уделил Риччарди в труде «Утешения Италии» характеристике «истинной республики», которая будет создана после победы революции. Он подчеркивал необходимость широкой автономии для отдельных местностей, суверенитета нации, полного равенства прав и обязанностей всех граждан, выборности всех должностей, разделения законодательной и исполнительной власти, независимости суда, избираемого народом. Касаясь «будущего цивилизованного мира», и в первую очередь Европы, он представлял его таким образом, чтобы «ни один народ не был ни господином, ни рабом...», чтобы соблюдались естественные границы отдельных наций, «чтобы ни один народ не вмешивался в дела других народов, кроме тех случаев, когда следовало предотвратить какую-либо крупную несправедливость, например, когда

сильная нация угнетала бы более слабые... Правительства каждой нации должны опираться на народный суверенитет и равенство всех граждан», – утверждал автор¹⁴⁴.

*

В отличие от представлений Ричарди о будущем Италии и Европы, вполне укладывающихся в рамки буржуазно-демократических идеалов, на некоторых сочинениях демократов лежит печать воздействия идей утопического социализма. Так, Сеттембрини, как и Музолино, предполагал в обществе будущего ликвидацию социального неравенства, искоренение нищеты одних и привилегий других путем превращения людей в собственников и обеспечения всем им возможности трудиться¹⁴⁵.

Влияние идей утопических социалистов сказалось на концепции общества «новой эпохи» у Дж.Мадзини. Окончательно эта концепция сложилась у него уже после революции 1848 г., но в 40-х годах Дж.Мадзини не раз касался этой проблематики¹⁴⁶. В обществе будущего, по его мнению, исчезнут социальные антагонизмы, – это будет ассоциация людей, управляемая единым законом и стремящаяся к единой цели. Все будут работать и жить плодами своего труда. Принцип распределения в этом обществе был сформулирован в эпиграфе к газете «Apostolato popolare»: «Вознаграждение, пропорциональное труду». Несомненно его близость к распространенному в социалистической мысли того времени принципу «От каждого по способностям, каждому по труду».

Экономическая структура нового общества разрабатывалась Дж.Мадзини позднее, однако в 40-х годах он утверждал, что в основе ее должен лежать фульеристский принцип «объединения труда, интеллекта и капитала»¹⁴⁷. Вслед за сенсимонистами Дж.Мадзини в своей социальной утопии выступал как сторонник мелкой трудовой собственности. В духе французских утопических социалистов представлял себе Дж.Мадзини и будущую Европу как всемирное братство народов.

Еще более отчетливо, чем у Дж.Мадзини, можно обнаружить перекличку с французским утопическим социализмом у его однофамильца А.Л.Мадзини. В труде «Об Италии и ее отношении к свободе и современной цивилизации» автор анализировал такие понятия, как «коммунизм» и «социализм», подчеркивая своеобразие каждого из них. Коммунистические идеи, по словам А.Л.Мадзини, все шире распространяются в различных европейских странах («и даже в России»), и рано или поздно они проникнут и в Италию. Приверженцами этих идей являются представители низших классов общества – рабочие и крестьяне, тогда как социализм в его фульеристской форме привлекает прежде всего образованные средние классы. А.Мадзини выражал уверенность в том, что будущее – за коммунизмом, хотя сам он, по его словам, всегда останется сторонником «священного и неприкосновенного принципа собственности»¹⁴⁸.

Подобно Сен-Симону, А.Л.Мадзини рассматривал современную ему эпоху как переходную к эре, когда Европа станет единым целым с однотипными политическими институтами для всех наций. Близка к

утопическому социализму у А.Л.Мадзини и концепция гражданской свободы. «Свобода новой демократии... – заявляет он, – означает стремление к тому, чтобы люди были подлинно свободными, чтобы их интеллектуальная и моральная свобода гарантировалась и становилась реальностью с помощью социальной свободы, т.е. экономической свободы, и независимости каждого в соответствии с его способностями, занятиями и трудом»¹⁴⁹.

Пролог революции

1847 год был ознаменован резким обострением противоречий феодально-абсолютистской системы во всех итальянских государствах. Этому способствовал европейский экономический кризис, особенно остро ощущавшийся в Италии. Многократные неурожаи вели к росту цен на продовольствие и к голоду, увеличивалась безработица. В стране то тут, то там вспыхивали массовые волнения, участники которых выдвигали социальные требования. В этих условиях активизировались и итальянские либералы, стремившиеся добиться от правительств проведения буржуазных преобразований.

В Папском государстве зимой 1847 г. вследствие голода вспыхнули народные волнения в Романье и Марке. Толпы голодающих нападали на пекарни и булочные, захватывали зерно и хлеб. В селах провинции Феррара забастовали поденщики, требовавшие повышения заработной платы. Встревоженная буржуазия в ряде городов приступила без разрешения центральной власти к формированию гражданской гвардии, которая, с одной стороны, должна была защитить их собственность от покушений со стороны «низов», а с другой – стать средством давления на правительство в борьбе за реформы.

Среди либералов Папского государства, единодушно одобрявших политическую линию Пия IX, в 1847 г. выделилась группа так называемых экзальтированных. То были сторонники более решительного нажима на папское правительство во имя осуществления широких политических реформ и последовательной антиавстрийской борьбы. Они не боялись апеллировать к народным массам, выступая в печати и на многочисленных народных манифестациях. Деятельность левой группы либералов поддерживали и мадзинисты, видевшие свою главную задачу в том, чтобы придать народному движению антиавстрийский и национальный характер.

Активизация политического движения в Риме проявлялась во все более радикальных выступлениях печати, в создании клубов, например Римского клуба, где велись горячие дискуссии по актуальным политическим вопросам. Под давлением общественного мнения Пий IX вынужден был в апреле 1847 г. издать циркуляр об учреждении Государственной консулты (совета), в состав которой входили представители провинций, – некоего зародыша представительной системы. В июне был опубликован декрет о создании гражданской гвардии. Эти реформы были восторженно встречены как либералами, так и широкими слоями населения. Вместе с тем народные массы требовали

новых преобразований — обновления всего государства, проведения национальной политики. Самым активным инициатором все новых народных манифестаций и составления петиций на имя Пия IX был народный трибун, пламенный патриот Чичеруаккио, «упорный защитник народных требований, неутомимый представитель народных Политический курс папы Пия IX, несмотря на всю ограниченность и непоследовательность его осуществления, все же способствовал росту либерального и национально-освободительного движения по всей Италии. В Тоскане проходили массовые демонстрации в честь Пия IX, на которых выдвигались требования политических реформ. Одним из самых активных организаторов подобных манифестаций был Дж.Монтанелли, в прошлом, как уже упоминалось, деятель «Молодой Италии», а теперь — горячий поборник неогвельфской программы¹⁵¹. Среди тосканских умеренных не было единства по вопросу о том, какие средства можно применять для воздействия на правительство, прежде всего следует ли в борьбе за реформы опираться на массовое движение. Против каких бы то ни было активных действий выступал Джино Каппони, которого поддержали Л.Галеотти, К.Ридольфи и др. Эта позиция вызвала резкое осуждение со стороны другой группы видных тосканских либералов, ведущую роль в которой играл В.Сальваньоли. Излагая суть своих разногласий с Каппони, Сальваньоли писал Монтанелли 31 марта 1847 г.: «Я и мои друзья полагаем, что теперь необходимо открыто обратиться к главе правительства, почтительно обрисовав ему общественные бедствия и указав на средства, пригодные для их исправления. А он (Каппони. — М.К.) со своими друзьями считает, что выступать следует не с протестами, а с газетными статьями. Я хочу, чтобы слово превратилось в дело, а он — чтобы слово осталось пустым звуком. Ты видишь, какая бездна разделяет нас»¹⁵².

Массовые волнения в Тосканском герцогстве, как и в Папском государстве, иногда принимали социальный характер. Летом 1847 г. участились случаи голодных бунтов. В Монмассано крестьяне громили помещичьи имения. В Картоне по установленным вожаками «низов» ценам был захвачен весь хлеб из лавок. В Ливорно, городе, где промышленный пролетариат был более многочисленным, чем в других тосканских городах, 8-тысячная толпа в течение нескольких часов бушевала перед губернаторским дворцом, требуя введения твердых цен и права на труд. Выдвижение подобных требований было связано не только с обострившейся нищетой рабочих, но и с пропагандой сенсимонистов и «истинных итальянцев». Главой ливорнских демократов был Ф.-Д.Гуэррацци. Возможно, он и возглавлял ту демократическую организацию, которая, по словам российского генерального консула в Ливорно Гуэррацци (однофамильца Ф.-Д.Гуэррацци), распределяла среди бедняков города хлеб, чтобы вовлечь их в «беспорядки» в июне 1847 г., вспыхнувшие в годовщину вступления Пия IX на папский престол. В том же донесении сообщалось об акции демократов г. Пизы, организовавших манифестацию памяти братьев Бандьера, «которых признают жертвами борьбы за общеитальянское дело». Несмотря на запрет властей, во

многих церквях города были отслужены траурные молебны¹⁵³.

Непрестанное народное брожение, активная деятельность демократов и «левых» либералов, пример соседнего Папского государства вынудили тосканское правительство пойти на некоторые преобразования в либеральном духе. В мае 1847 г. был опубликован закон о печати, предусматривавший частичную отмену цензуры. Во Флоренции начала выходить упоминавшаяся выше умеренно либеральная газета «Patria» («Родина»), которую редактировали Сальваньоли и Риказоли. О появлении в тот период еще двух новых газет, «Alba» («Заря») и «Italia», сообщал в Петербург Гуэррацци, отмечая, что они «отличаются крайне либеральными принципами и весьма дерзкими правилами»¹⁵⁴. На самом деле эти газеты существенно различались по своему направлению. «Italia», издававшаяся в Пизе, хотя ей и были присущи известные демократические тенденции (вдохновителем ее был Дж.Монтанелли), во многих вопросах придерживалась неогвельфских концепций. Выходившая во Флоренции «Alba» отличалась ярко выраженным демократическим характером. Большой интерес она проявляла к социалистическим идеям. Издатели газеты поддерживали тесные связи с французской социалистической печатью¹⁵⁵. Деятельность этого органа привлекла внимание издателя «Новой Рейнской газеты» К.Маркса, обратившегося к редактору «Alba» с предложением обмениваться газетами и заявившего, что немецкие демократы поддерживают политическую линию газеты, как и борьбу итальянского народа за свободу и независимость родины¹⁵⁶.

В августе—сентябре 1847 г. были значительно расширены состав и права совещательного органа при тосканском правительстве — Государственной консулты, создана гражданская гвардия. 28 сентября тосканский великий герцог был вынужден пойти на реорганизацию кабинета, в результате которой во главе правительства был поставлен представитель наиболее консервативного крыла умеренных Козимо Ридольфи. Таким образом, впервые в Италии у кормила власти одного из итальянских государств оказался представитель умеренно либерального движения.

Брожение, охватившее в 1846—1847 гг. всю Италию, не могло не сказаться и на политике сардинского короля. Решающее влияние на него в этом направлении оказывала все более активно выступавшая за проведение в стране реформ либеральная группировка. Вместе с тем в правящем блоке были достаточно сильны позиции реакционных сил, наиболее активным представителем которых был министр иностранных дел Соларо делла Маргарита. Реакционная партия всячески подерживала Карла-Альберта в его стремлении уклониться от изменения весьма консервативного политического курса. Однако удержаться на этих позициях Карлу-Альберту не удавалось. С ужасом наблюдал Соларо делла Маргарита «усиление связей короля с вождями либеральной партии». Сардинское королевство, как и вся Италия в его представлении, находились «на кратере вулкана»¹⁵⁷. И не только в связи с активизацией пьемонтских либералов. Кратером вулкана представлялась ему Италия

потому, что повсеместно возрастала политическая активность масс. Наряду с требованиями реформ и антиавстрийскими лозунгами выдвигались и социальные требования. С особой остротой это проявилось в Генуе, где трудящиеся боролись за отмену налога на соль и за снижение других косвенных налогов. Здесь сохраняло сильные позиции демократическое мадзинистское движение. Однако теперь демократы были склонны поддержать либеральную программу реформ.

Стремясь уклониться от проведения реформ, Карл-Альберт усилил антиавстрийскую направленность своей политики. Еще весной 1846 г. сардинский монарх решился пойти на серьезный конфликт с Австрией в торговом вопросе. Швейцарскому кантону Тичино было разрешено закупать соль в Генуе (тогда как по договору 1751 г. Сардинскому королевству запрещалось экспортировать соль в Швейцарию, которая должна была закупать этот продукт только в Ломбардии). В ответ Австрия повысила пошлины на пьемонтские вина, вывозившиеся в Ломбардию¹⁵⁸. В условиях общественного подъема и все нарастающего накала антиавстрийских настроений этот торговый конфликт, так и оставшийся неразрешенным, поскольку ни Австрия, ни Карл-Альберт не пошли на уступки, вызвал в различных частях Италии широкие отклики политического характера. Так, в Ломбардии, рассказывал Петитти в письме к Джоберти, «повсюду раздаются голоса в нашу защиту». Под окнами австрийского посланника в Турине и на улицах города 6–8 мая проходили стихийные демонстрации с возгласами «Да здравствует Карл-Альберт!». Король призвал участников демонстраций к спокойствию, «по ошибочному мнению некоторых, из боязни, по справедливому мнению других, более мудрых, из осторожности», — замечал Петитти¹⁵⁹.

Красноречивым свидетельством роста антиавстрийских настроений по всей Италии явилось празднование 5 декабря 1846 г. столетия поражения австрийцев при Генуе. В этот вечер вся цепь Апеннинских гор — от Лигурии на Севере до Калабрии на Юге — была ярко иллюминирована¹⁶⁰.

Выступления итальянских либералов против Австрии приобрели в этот период весьма решительный и боевой тон. Все чаще раздавались призывы к усилению антиавстрийской деятельности. Так, пьемонтский либерал Джакомо Дурандо, находившийся в эмиграции в Швейцарии, в брошюре «Об итальянской национальности» утверждал, что следует поставить Австрию в такие условия, «чтобы она первая нарушила мирные договоры и напала на нас»¹⁶¹. В анонимной брошюре «О будущем Италии» говорилось, что «против Австрии, нашего единственного врага, мы должны выставить две силы — таможенный союз с мечом Карла-Альберта и душой Пия IX... Если Австрия, несмотря на протесты Пьемонта и папы, захочет вмешаться в дела Италии, мы либо принудим ее отказаться от этого, либо против нее начнется всеитальянская война»¹⁶². Непримируемую настроенность итальянского либерального лагеря почувствовал еще в конце 1846 г. Меттерних, писавший в своих «Записках»: «Все усилия либеральной партии направлены, в частности, на то, чтобы доводить даже чисто административные по своему

происхождению вопросы до масштабов национальной борьбы против иностранного гнета»¹⁶³.

Антиавстрийская тенденция туринской газеты «Mondo illustrato» подчеркивалась в рапорте главы венецианской полиции Калля правительству Вены от 1 марта 1847 г., где говорилось, что газета «преследует цель — изгнание австрийцев из Ломбардо-Венецианского королевства... Примечательна... тенденция каждой статьи, каков бы ни был ее предмет, выпячивать всегда политическую сторону в интересах принятого плана. Все они нацелены на революцию и именно против Австрии... Впечатление, производимое названной газетой в провинции, таково, что только в Падуе и Пьяченце она приобрела, как мне сообщили, около 300 подписчиков. Ее распространение приведет в конце концов к полному соращению умов (состояние коих и без того вызывает тревогу) студентов Падуи и молодежи вообще... Задерживать отдельные номера газеты представляется неосторожным, ибо это разожжет лишь еще большее любопытство и побудит приобретать эти номера тайком. Было бы лучше вообще запретить газету...»¹⁶⁴

Лето 1847 г. ознаменовалось новым обострением итало-австрийских отношений. Австрийское правительство, встревоженное повсеместным движением за реформы, которое принимало ярко выраженный национальный характер, самыми различными способами пыталось оказать давление на тех итальянских государей, которые проявляли склонность к либеральным уступкам. Не без основания начали распространяться слухи о возможном военном вмешательстве Австрии в итальянские дела: это подтверждалось концентрацией австрийских войск в Ломбардо-Венецианской области. В этот период начали открыто высказываться против Австрии и ломбардские публицисты. «Австрийское правительство при всех обстоятельствах остается нашим естественным врагом, врагом по выбору и врагом по необходимости», — писал Ч.Корренти в «Annali»¹⁶⁵.

17 июля австрийский военный отряд оккупировал г.Феррару, расположенный в Папском государстве. В другое, более спокойное время этот эпизод, быть может, остался бы незамеченным. Ведь по существу вступивший в Феррару отряд лишь усилил австрийский гарнизон, постоянно находившийся в Ферраре по решению Венского конгресса. Однако в условиях нарастания антиавстрийских настроений оккупация Феррары была воспринята итальянским общественным мнением как покушение Австрии на национальную независимость.

Чрезвычайно острой была реакция на оккупацию Феррары виднейших деятелей либерального движения. Массимо Д'Адзелио опубликовал памфлет «Протест против событий в Ферраре», где заявлял, что «единственным ответом на эту акцию должно быть объединение сил итальянских государей в защиту своей независимости»¹⁶⁶. «Насильственные действия Австрии,— писал тогда же Кавур,— вдвое усилили чувство ненависти, которое мы питаем к иноземцам. Это возбуждение, на мой взгляд, весьма отрадное явление. Оно пробуждает к жизни итальянскую нацию и скрепляет узы, объединяющие

национальные правительства и народ»¹⁶⁷.

«Занятие Феррары австрийскими войсками, — сообщил в своей депеше в Петербург А.П.Бутенев, — составляет постоянный предмет статей... которыми наполняются газеты, издаваемые теперь в огромном количестве как в Риме, так и в провинциях. В этом отношении печать в Тоскане еще враждебнее и уже не стесняется никакими приличиями». Русский посланник в Риме подчеркивал далее, что другая задача, «точно также неумеренно» проповедуемая в этих изданиях, «в связи, конечно, с их идеями о независимости Италии...,— это необходимость установления более тесного единства политических и коммерческих интересов между папским правительством, Тосканой и Пьемонтом... Мысль о единстве и независимости Италии... прежде составлявшая цель и повод секретных обществ, теперь составляет предмет желаний всего общественного мнения»¹⁶⁸.

Пий IX неоднократно заявлял австрийскому правительству протесты по поводу вступления в Феррару австрийских войск. В связи с этим римскому папе выражали свою солидарность и предлагали помощь жители всех итальянских государств. «По всей Италии, и особенно в Папском государстве, — писал в те дни Петитти, — чрезвычайно велик энтузиазм населения: все предлагают отдать средства и жизнь в защиту Пия IX». В Тоскане, по донесению русского консула, также царил атмосфера ненависти к Австрии и готовность к борьбе за национальное дело. К депеше от 11(23) августа прилагались две листовки, распространявшиеся «среди бела дня» на улицах Ливорно и Пизы. Лейтмотивом их был повторяющийся многократно призыв к вооружению, поскольку вступившая в Феррару австрийская армия могла двинуться дальше к Югу. Одна из листовок, призывавшая представителей имущих слоев «идти в народ и просвещать его относительно его долга», заканчивалась словами: «Да здравствует итальянская независимость! Да здравствует Пий IX! Смерть венскому правительству!»¹⁷⁰. О своей готовности сражаться во главе итальянского легиона, находившегося в Уругвае, в защиту Пия IX писал из Латинской Америки Дж. Гарибальди.

В сентябре 1847 г. к Пию IX обратился с письмом Дж.Мадзини, призывая папу возглавить движение за независимость и объединение Италии или по крайней мере благословить тех, кто борется за эти цели¹⁷¹. Однако Мадзини быстро осознал беспочвенность надежд на то, что Пий IX действительно захочет встать во главе общеитальянского движения. Уже в ноябре 1847 г., когда его письмо было опубликовано в Париже, он писал Жорж Санд, что папа ответил на его обращение в «своей речи перед членами Консульты, назвав утопией всякую мысль об ограничении или преобразовании папской власти... В одно прекрасное утро, — замечал Мадзини, — эта утопия проглотит его вместе с его нежизнеспособной политикой»¹⁷². Мадзини, таким образом, вновь утвердился в отношении к Пию IX, сложившемся у него вскоре после прихода папы к власти, когда он писал, что «доверять его намерениям и тем более восхвалять его — безумие»¹⁷³.

События в Ферраре содействовали дальнейшему ухудшению австро-

пьемонтских отношений. Позиция Карла-Альберта в этом вопросе была им сформулирована в письме к графу Кастаньетто, которое последний зачитал на конгрессе «Аграрного союза», проходившем в конце августа — начале сентября 1847 г. «Если когда-либо по милости господ нам суждено будет начать войну за независимость, — писал сардинский монарх, — то я сам встану во главе армии». Недалекое будущее покажет истинную цену заявлению Карла-Альберта. Однако сам факт подобного заявления, безусловно рассчитанного на публичность, являлся достаточно красноречивым. Либеральные газеты стали называть Карла-Альберта «шпагой Италии».

Надежды Карла-Альберта на то, что с помощью антиавстрийских жестов ему удастся отвлечь патриотическое движение от борьбы за либеральные реформы, не оправдались. В стране усиливалось брожение, в сентябре—октябре 1847 г. одна за другой происходили массовые манифестации. Особенно бурными были события в Генуе, где демонстрация 8 сентября закончилась составлением петиции на имя короля. Ее автором был один из предводителей манифестации — маркиз Джорджо Дориа. В этом адресе, при всем его верноподданническом тоне, содержались требования учреждения гражданской гвардии и свободы печати, «могущественного средства, чтобы уничтожить подозрения и недоверие и самым прочным образом — доверием и любовью — соединить монарха и граждан». Приглашенная в Турин депутация генуэзцев получила от беседовавшего с ней министра полиции Вилламарины ответ, что требование гражданской гвардии является «преждевременным», а свободы печати — «ненужным и опасным»¹⁷⁵.

Нежелание короля встать на путь реформ, его колебания в вопросах внутренней и внешней политики начали вызывать раздражение даже среди умеренных либералов. По всему Пьемонту распространялись стихотворения, высмеивающие позицию Карла-Альберта. В одном из них, носившем название «Нерешительный король», обыгрывался тот факт, что Карл-Альберт в письме к Кастаньетто сравнивал себя с Шамилем. Автор стихов называл короля «Шамилем из папье-маше»¹⁷⁶. Демонстрации, происходившие в Турине в течение октября 1847 г., разгонялись полицией, зачинщиков арестовывали. Эти расправы вызывали недовольство во всех слоях населения. «Все благонамеренные люди подавлены и боятся тяжких последствий, которые, быть может, приведут к новому 1821 году», — замечал по этому поводу И.Петитти¹⁷⁷.

Осознав, что стране угрожают серьезные беспорядки, Карл-Альберт решил наконец 29 октября на объявление программы административных и судебных реформ. Хотя все эти преобразования не затрагивали основ абсолютной монархии и не посягали на привилегии церкви, все же важнейшие из них — создание выборных муниципальных советов, ограничение всецелья полиции, некоторое ослабление цензуры — имели прогрессивное значение. Они давали либералам основание надеяться на то, что король в дальнейшем пойдет и на другие преобразования. Вскоре после опубликования в газетах программы реформ Карл-Альберт посетил Геную, где его восторженно встретили

местные либералы. Они вышли на улицы, сообщил русский генеральный консул в этом городе Бютцев 26 октября (7 ноября) 1847 г., со знаменами (в том числе и со знаменем, отбитым у австрийцев в 1746 г.), на которых можно было прочесть следующие слова: «Да здравствует новый реформатор король Карл-Альберт!», «Да здравствует союз между монархами и народами!», «Да здравствует независимость Италии!», «Да здравствует Италия!». Группа священников несла знамя со словами: «Да здравствует Джоберти!». Манифестанты на коленях просили короля амнистировать политзаключенных. (Король уклончиво обещал подумать над этим.) Многочисленные группы на улицах, рассказывает Бютцев, распевали гимн «Королю Карлу-Альберту», в котором славилась «звезда Альберта, сияющая в небесах», Пий IX и грядущее объединение Италии. Бютцев особо отметил два последних куплета гимна, носящих боевой антиавстрийский характер: «Если варвар покусится на нашу землю, меч Карла-Альберта заставит его пожалеть об этом... О, доблестные юноши! С любовью к Италии в сердцах берегите силы до дня битвы!»¹⁷⁸

В те же дни в Турине завершились длившиеся два месяца переговоры между представителями Пьемонта, Папского государства и Тосканы о заключении между ними таможенного союза. 3 ноября была подписана декларация, устанавливавшая введение в этих государствах единых таможенных пошлин и признававшая принцип свободы торговли. Таким образом, одно из центральных требований умеренных либералов, хотя и в виде общего предварительного обязательства, касавшегося пока лишь трех итальянских государств, все же оказалось принятым правительствами этих государств.

По всему Сардинскому королевству в ноябре—декабре 1847 г. проходили демонстрации, важнейшей особенностью которых был антиавстрийский и общеталианский характер выдвигавшихся требований. Так, во время демонстрации в Генуе 10 декабря распевались патриотические песни (гимн «Королю Карлу-Альберту» и др.), содержавшие призывы к единству и независимости Италии, выражалась готовность дать отпор чужеземным завоевателям. Активное участие в этой манифестации приняли студенты Генуэзского университета. Свыше 600 человек прошли по улицам с возгласами «Да здравствует свободная торговля!», «Да здравствует Италия!»¹⁷⁹

Российский консул в Генуе внимательно присматривался к тому, как вели себя во время манифестаций представители городских низов. В отличие от брошюр и статей умеренных либералов, где при описании этих событий подчеркивалось полное единодушие всех жителей в выражении восторгов по поводу реформ и готовности на борьбу с австрийцами, в донесениях Бютцева говорилось о попытках этих слоев выдвигать собственные требования. Рассказывая о празднестве 10 декабря, он замечал: «Чтобы вы представили себе, как восприняли вчерашнюю демонстрацию люди из народа, достаточно сказать, что целая толпа женщин и мужчин из низшего сословия, которая участвовала в общей процессии, подошла затем к дворцу Дориа с требованием заплатить им за их труд»¹⁸⁰.

Бютцев подметил также активизацию демократических сил и падение авторитета умеренных среди молодежи Генуи накануне 1848 г. «Недавно студенты, собравшиеся в театральном кафе,— сообщил он,— предали публичному сожжению первый номер газеты, которую Чезаре Бальбо, один из корифеев либеральной партии, начал только что издавать в Турине. Молодые люди находят, что этот листок, носящий название «Il Risorgimento d'Italia», имеет ретроградную тенденцию»¹⁸¹.

Приближение революционного кризиса остро чувствовалось на всем Апеннинском полуострове. Не удивительно, что в 1846 г. и особенно в 1847 г. чрезвычайно усилилось брожение в итальянских владениях Австрии. Сказывалось влияние событий в Папском государстве, Сардинском королевстве и Тосканском герцогстве. Весной 1847 г. по Ломбардо-Венецианскому королевству прокатились голодные волнения. Активное участие в них принимали, помимо ремесленников и рабочих, крестьяне, восстававшие не только против землевладельцев, но еще более бурно против австрийского гнета.

Летом и осенью 1847 г. недовольство всех слоев итальянского населения — от крестьян и городских «низов» до буржуа и аристократов — в этой части Австрийской империи еще более усилилось. «Идеи независимости и освобождения овладели умами ломбардо-венецианского народа», — говорилось в статье, перепечатанной «Русским инвалидом» от 10 сентября 1847 г. из «Кёльнской газеты» и посвященной отношениям Австрии и Италии. Австрия «не успела в деле примирения из-за ее наследственной политики, которая ищет повелевать Италию, и из Ломбардии и Венеции сделать цитадель, служащую ей для содержания в узде Апеннинского полуострова. Она никогда не медлила подавлять силу оружия каждое беспокойное движение общественного духа».

Сентябрьские события в Милане подтвердили сказанное газетой. 8 сентября ломбардская столица ликовала по поводу назначения новым архиепископом итальянца Ромилли. Внезапно полиция, придравшись к тому, что толпа распевала гимн в честь Пия IX, начала разгонять демонстрантов, обнажив сабли. В результате один человек был убит и около шестидесяти ранено¹⁸². Эпизод этот — пролог кровавых миланских событий 1848 г. — вызвал огромное возмущение и новый взрыв антиавстрийских настроений по всей Италии.

Попытки вести борьбу против австрийского гнета легальными методами предпринимались в конце 1847 г. как в Ломбардии, так и в Венеции. Среди авторов петиций с требованиями реформ, которые обеспечили бы подлинную автономию Ломбардо-Венецианской области, был, в частности, адвокат Даниэле Манин, один из руководителей демократического движения в Венеции. Однако австрийское правительство отказывалось идти на какие бы то ни было уступки. На рост антиавстрийских настроений оно отвечало увеличением оккупационной армии и усилением полицейского террора.

Другой «мирной» формой протеста, помимо подачи петиций, была так называемая табачная забастовка, организованная в Милане в конце декабря 1847 — первых числах января 1848 г. Жители города

отказывались от курения, чтобы нанести этим ущерб Австрии, получавшей громадные доходы от табачной монополии. 3 января по приказу австрийских властей кавалерия напала на толпу горожан, участвовавших в мирной манифестации против курения. Вновь, как и 8 сентября, в ход были пущены сабли. В результате — шестеро убитых и более 50 раненых¹⁸³. Эти события окончательно убедили патриотов Ломбардо-Венецианской области в том, что неизбежна вооруженная борьба. На стенах домов появлялись надписи: «Да здравствует свободная Италия!», «Смерть австрийцам!»

К середине 1847 г. крайней остроты достигла внутривнутриполитическая ситуация в Королевстве Обеих Сицилии. В отличие от других итальянских монархов Фердинанд II не желал считаться с духом времени и не шел ни на какие либеральные преобразования.

В июле 1847 г. в Неаполе подпольно вышла в свет и получила широкое распространение брошюра Л.Сеттембрини «Протест народа Королевства Обеих Сицилий», своего рода «прелюдия революции 1848 г.», где была подвергнута уничтожающей критике вся государственная система королевства — от короля и министров до духовенства и армии. «Ни одно государство в Европе не находится в худшем положении, чем мы, — утверждал Сеттембрини в этой книге. — В стране, называемой садом Европы, народ умирает от настоящего голода, живет хуже, чем скот... Другие итальянцы страдают тоже, но наши беды превышают всякую меру». И в этом повинна прежде всего система управления государством с ее невежеством, суевериями, деспотизмом и порочностью. Сеттембрини нападал на короля Фердинанда II, доказывая, что никакое добровольное соглашение между монархом и обществом, равно как и мирное осуществление реформ, невозможно в Королевстве Обеих Сицилии. «Этим бедным народам не остается ничего другого, как прибегнуть к крайнему средству — к оружию». Автор обращался к Пию IX, призывая его «поднять свой голос и сказать суеверному и глупому королю, чтобы он не вынуждал нас к пролитию крови, которая падет на его голову»¹⁸⁴.

Давая уничтожающие оценки каждому министру, Сеттембрини утверждал, что «правительство бессильное, беспорядочное, смешное, тупое, тираническое, позорящее как угнетателей, так и угнетенных» состоит «либо из злодеев, либо из глупцов». Полиция в королевстве — «всемогуща, всеведуща, она не признает никаких законов, священники и монахи — помощники правительства в его позорной деятельности, проповедники ложных максим, воспитывающие людей в невежестве и заблуждениях... Их заслуженно ненавидят и презирают»¹⁸⁵.

Сеттембрини нарисовал впечатляющую картину нищеты, в которой пребывала значительная часть населения королевства, упадка сельского хозяйства, промышленности и торговли. Ее результат — «бесчисленное множество бродяг, стекающихся отовсюду в Неаполь»¹⁸⁶.

Бедственное положение трудящихся усугублялось под влиянием неурожая и экономического кризиса. Это вызывало сильные народные волнения, охватывавшие и городское и сельское население. Крестьяне в

Калабрии, например, жгли помещичьи замки, амбары, захватывали общинные земли.

Летом 1847 г. значительно усилилась активность как либералов, так и демократов. Обе эти группировки в связи с жестоким полицейским террором находились в подполье. Странники умеренных методов борьбы всячески противодействовали тем заговорщикам, которые настаивали на необходимости восстания. Однако, как это не раз уже бывало, в разгар этих споров внезапно для руководителей подпольного движения в начале сентября вспыхнули восстания на Сицилии — в Мессине и на континенте — в г.Реджо (Калабрия). Отряд мессинских повстанцев после нескольких стычек с жандармами был разгромлен. Восстание в Реджо началось успешно: отряд численностью около 500 человек спустился с гор и захватил 2 сентября город. Сформированное там временное правительство намеревалось двинуть силы на Неаполь, чтобы добиться от короля провозглашения конституции. Восставшие славили Пия IX, выдвигали требование объединения Италии. Три дня город оставался в руках повстанцев, после чего прибывшие туда значительные военные силы восстановили порядок. Власти сурово расправились с участниками восстаний в Реджо и Мессине. Некоторые руководители были расстреляны, другие отправлены на каторгу и в тюрьмы¹⁸⁷.

Положение в королевстве и после подавления восстаний оставалось крайне напряженным. Виднейшие деятели итальянского либерального движения — Бальбо, Д'Адзелио, Кавур и другие, опасаясь революционного взрыва, обратились в декабре 1847 г. к Фердинанду II с призывом провести реформы по примеру Пия IX, Карла-Альберта и Леопольда II. Неаполитанский король ответил отказом.

Однако уже ничто не могло предотвратить революцию. 12 января 1848 г. восстанием в Палермо начался новый период итальянской и европейской истории — период революции 1848—1849 гг.

1 Mazzini Q. S.E.I., vol.9, p.430, 437; vol.10, p.24, 25, 313, 349, 375, 376, 421 etc.

2 Подробнее о «Молодой Европе» см.: Невлер В. Е. Мадзини и «Молодая Европа».— Вопросы истории, 1972, № 7; Delia Peruta F. Mazzini e i rivoluzionari italiani. Il «Partito d'azione» 1830—1845. Milano, 1974.

3 Mazzini G. S.E.I., vol.18, p.158, 160. Эти установки Мадзини объясняют его враждебное отношение к намерению Никола Фабрици, в прошлом ближайшего соратника Мадзини по «Молодой Италии», создать автономную революционную организацию «Итальянский легион» (подробнее об этом см. ниже).

4 Ibid., vol.19, p.117.

5 Цит. по: Delia Peruta F. Op.cit., p.330—331.

6 Mazzini G. S.E.I., vol.18, p.162—163.

7 Mazzini G. S.E.I., vol.14, p.230.

8 «Молодая Германия» — организация, созданная в 1834 г. в Швейцарии немецкими революционными эмигрантами как часть «Молодой Европы». Ее руководителям удалось установить связи с широким кругом немецких ремесленников, проживавших в Швейцарии. В 1836 г. «Молодая Германия» была разгромлена швейцарским правительством.

- 9 Кирова К.Э. Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830– 1840). – В кн.: История социалистических учений: Памяти акад. В.П.Волгина. М., 1964, с.263–264.
- 10 Материалы из «Apostolato popolare» излагаются по их перепечатке в кн.: Mazzini G. S.E.I., vol.25, p.3–20, 41–49, 109–120.
- 11 Цит. по: Delia Peruta F. Op.cit., p.359.
- 12 Delia Peruta F. Op.cit., p.235–237; АВПР, ф.Канцелярия, 1836 г., д.213, л.93–93 об., 96 об. В донесениях поверенного в делах России в Турине Виоллье в Петербург, относящихся к концу октября– началу ноября 1836 г., перечисляя имена арестованных членов «Молодой Италии», Виоллье делает любопытное замечание: «Меня заверили, что ни одна знатная персона до сих пор не была замешана в этом деле» (там же, л.93 об). Показательно почти полное совпадение данных полицейских документов, обнаруженных Ф. Делла Перута в итальянских архивах, со сведениями, содержащимися в донесениях русского дипломата, адресованных Нессельроде.
- 13 Delia Peruta F. Op.cit., p.263–264.
- 14 Берти Дж. Демократы и социалисты в период Рисорджименто М 1965, с.188–189.
- 15 Цит. по: Берти Дж. Указ.соч., с.190–192, 194–195.
- 16 Mazzini G. S.E.I., vol.15, p.267.
- 17 Delta Peruta F. Op.cit., p.292–295.
- 18 По-видимому, идея использовать Мальту как базу для революционных контактов прежде всего с Сицилией возникла у некоторых итальянских демократов еще до волнений на острове, в 1837 г. Так, в апреле 1836 г. русский дипломат Кривцов сообщал Нессельроде из Рима, что, по сведениям, полученным государственным секретарем кардиналом Ламбускини от своих агентов, «члены "Молодой Италии" намерены перебраться на остров Мальта, откуда они хотят воздействовать главным образом на Сицилию» (АВПР, ф.Канцелярия, 1836 г., д.180, л.55 об.).
- 19 Берти Дж. Указ.соч., с.441, 444.
- 20 Delta Peruta F. Op.cit., p.281–286, 345.
- 21 Берти Дж. Указ. соч., с.449–450.
- 22 Mazzini G. S.E.I., vol.14, p.411; Берти Дж. Указ. соч., с.454.
- 23 Mazzini G. S.E.I., vol.23, p.31. Мадзини переоценивал эту опасность, не зная о том, что в 30– 40-х годах в демократическом движении Сицилии идея единой Италии приобрела уже много сторонников и что на острове в этот период созревали условия, подготовившие народное восстание в январе 1848 г.
- 24 Mazzini G. S.E.I., vol.19, p.364.
- 25 Ibid., vol.24, p.264.
- 26 Ibid., vol.19, p.363; Берти Дж. Указ.соч., с.456.
- 27 Delia Peruta F. Op.cit., p.348–349.
- 28 Delia Peruta F. Op.cit., p.289.
- 29 Romeo R. Mezzogiorno e Sicilia nel Risorgimento. Napoli, 1963, p. 157 e sgg.
- 30 Delia Peruta F. Op.cit., p.291.
- 31 Ibid., p.298–299.
- 32 Подробнее об этом см. на с.201–202 настоящей работы.
- 33 АВПР, ф.Канцелярия, 1844 г., 116, л.131–133.
- 34 О братьях Бандьера см.: Канделоро Дж. История современной Италии. М., 1961, т.2, с.460–464; Невлер В. Е. Восстание братьев Бандьера и Мадзини.– Новая и новейшая история, 1972, № 3.
- 35 Delia Peruta F. Op.cit., p.371.
- 36 Ibid., p.372.
- 37 Канделоро Дж. Указ.соч., т.2, с.461. Этот пункт статута «Эсперии» привлек внимание А.Грамши, который выписал его в своих заметках, посвященных Рисорджименто. См.: Gramsci A. Il Risorgimento. Roma, 1971, p.204.
- 38 Mazzini G. Ricordi dei fratelli Bandiera. – S E I vol.31 p.22–24.
- 39 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.29.
- 40 Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al... 1848. vol.1–3. Capolago, 1851, vol.2, p.428.
- 41 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.55.
- 42 Petitti di Roreto I. Lettere di Petitti di Roreto a Vincenzo Gioberti (1841–1850). Roma, 1936, p.44.
- 43 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.49, 65.
- 44 Ibid., vol.31, p.78–80.
- 45 АВПР, ф. Канцелярия, 1844 г., д. 90, л. 224 об.
- 46 Barbiera R. I fratelli Bandiera. Genova, 1912, p.64.
- 47 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.74.
- 48 Petitti di Roreto I. Op.cit., p.44.
- 49 Mazzini G. S.E.I., vol.25, p.279–285.
- 50 Demarco D. Il tramonto dello Stato Pontificio. Torino, 1949, p.257
- 51 Delia Peruta F. Op.cit., p.250–251; Demarco D. Op.cit., p.260.
- 52 АВПР, ф. Канцелярия, 1837 г., д.190, л.71–72 об., 88 об.; Demarco D. Op.cit., p.261.
- 53 Delia Peruta F. Op.cit., p.253–254.
- 54 См. об этом на с.87 настоящей работы.
- 55 Delia Peruta F. Op.cit., p.386–387; АВПР, ф. Канцелярия, 1844 г., д.186, л.112–119.
- 56 АВПР, ф.Канцелярия, 1845 г., д. 134, л.287 с об.
- 57 Там же, л.299.
- 58 Delia Peruta F. Op.cit., p.430.
- 59 АВПР, ф. Канцелярия, 1845 г., д.134, л.296–296 об.
- 60 АВПР, ф. Канцелярия, 1845 г., д.59, л.70 об.
- 61 АВПР, ф. Канцелярия, 1845 г., д.134, л.301; Demarco D. Op.cit., p. 272–273; Farini L. C Lo Stato Romano dal 1815 al 1850. Firenze, 1853, vol.1, p.98–112. Мадзини отзывался об этом документе как о «памятнике низости, глупости и предательства национальной идеи» (Mazzini G. S.E.I., vol.28, p.163).
- 62 См. с.210 настоящей работы.
- 63 АВПР, ф.Канцелярия, 1845 г., д. 134, л.292 об., 297 об.–298.
- 64 D'Azeglio M. I miei ricordi. Roma, 1925, p.355–356, 360–361.
- 65 D'Azeglio M. Op.cit., p.373–374.
- 66 D'Azeglio M. Degli ultimi casi di Romagna. Italia, 1846, p.6, 11, 13, 17–20.
- 67 Аргументация Д'Адзелио по этим важнейшим аспектам брошюры была нами приведена выше (см. с.156, 168).
- 68 D'Azeglio M. I miei ricordi, p.376–377.

- 69 D'Azeglio M. Degli ultimi casi..., p.47–50, 93.
- 70 Vaccalluzzo N. Massimo D'Azeglio. Roma, 1930, p.105–106.
- 71 Petitti di Roreto I. Op.cit., p.16–18.
- 72 См. с 156 настоящей работы.
- 73 Carte segrete..., p.342,391.
- 74 АВПР, ф.Канцелярия, 1846 г., д. 188, л.107 об.— 108.
- 75 АВПР, ф.Канцелярия, 1846 г., д. 159, л.256 об., 275–275 об.
- 76 Capponi G. Sulle attuali condizioni della Romagna. См. в кн.: D'Azeglio M. Scritti postumi. Firenze, 1871, p.VIII–IX.
- 77 Anzillotti A. Movimenti e contrasti per l'unita italiana. Bari, 1930, p. 146–153.
- 78 Marshall R. Massimo D'Azeglio. An Artist in Politics. London, 1966, p. 86; Masi E. Il vescovo d'Imola. — In: La vita italiana nel Risorgimento. Firenze, 1898, vol.1, p.181.
- 79 Цит. по: Попов А. Рим в 1847 и в 1848 годах. СПб., 1871, с.17–18.
- 80 Канделоро Дж. Указ.соч., т.2, с.520.
- 81 Русский инвалид, 1847, 27 марта. В то время как «лучшая русская политическая газета» (так отзывался о «Русском инвалиде» В.Г.Белинский) с явным одобрением говорила об этом законе, А.П.Бутенев, напротив, писал о нем с раздражением и осуждением. По его словам, принятие закона «уже подорвало значение самой цензуры... Это видно из того, что при цензуре могут появляться в газетах такие странные статьи, как «Мадзони, Джоберти и Пий IX», представленные как триумvirат, предназначенный для перерождения Италии, в котором миланский поэт и пьемонтский философ поставлены впереди Пия IX» (цит. по: Попов А. Указ.соч., с.34).
- 82 D'Azeglio M. Lettera al signor N. N. Italia, 1846; Vaccalluzzo N. Op. cit., p.112; Marshall R. Op.cit., p.91.
- 83 Petitti di Roreto I. Op.cit., p.45, 53.
- 84 Дело петрашевцев. М; Л., 1937, т.1, с.285. Статья была обнаружена среди бумаг Момбелли в ходе следствия по делу петрашевцев. Приведенные слова оказались среди выписок, которые «обратили на себя особенное внимание», поскольку они «наполнены демагогическими выражениями» (см. там же, с 336)
- 85 ЦГАЛИ, ф. 450, он. 1, д. 11, л. 148 об,— 149.
- 86 Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30-ти т.М., 1955, т.5, с. 131.
- 87 См. об этом на с.238–239 настоящей работы.
- 88 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.32–33.
- 89 Monti A. L'idea federalistica nel Risorgimento italiano. Bari, 1922, p. 118.
- 90 Gramsci A. И Risorgimento. Torino, 1949, p.75. См. также: Берти Дж. Указ. соч., с.106.
- 91 Rota Ghibaudi S. Giuseppe Ferrari. L'evoluzione del suo pensiero. Firenze, 1969, p.159.
- 92 Rota Ghibaudi S. Op.cit., p. 159–160; Salvatorelli L. Il pensiero politico italiano, 1830–1870. Torino, 1949, p.377–378.
- 93 Ferrari G. La rivoluzione e i rivoluzionari in Italia (dal 1796 ai 1844). Palermo; Milano, 1901, p.122–123.
- 94 Берти Дж. Указ. соч., с.480.
- 95 Scrittori politici dell'Ottocento. A cura di F. Delia Peruta. vol.1. Mazzini e i democratici. Milano; Napoli, 1969, p.970.
- 96 Riccardi G. Conforti all'Italia. Ovvero preparamenti all'insurrezione. Parigi, 1846.
- Джузеппе Риччарди был сыном графа Риччарди Камальдоли, министра юстиции при Мюрате и в конституционном неаполитанском правительстве 1820–1821 гг. Верность южным рационалистическим и просветительским традициям XVIII в., атеизм, близость к карбонариям — все это отличало взгляды Риччарди от идейных установок мадзинизма. Однако горячая приверженность к демократическим и унитаристским идеалам привела его в 1832 г. в ряды «Молодой Италии», куда он вступил в Женеве, во время путешествия по Европе. В том же году он начал издавать в Неаполе журнал «Il progresso delle scienze, delle lettere e delle arti», ставший в известном смысле наследником «Antologia». Дж.Риччарди активно участвовал в подпольном движении в Неаполе, попытавшись возглавить подготовку к восстанию в 1834 г. Однако был арестован, а затем эмигрировал во Францию.
- 97 Scrittori politici..., p.920–921.
- 98 Mazzini A.L. De l'Italie dans ses rapports avec la liberte e la civilisation moderne. t.1–2. Paris, 1847.
- 99 Saitta A. Sinistra hegeliana e problema italiano negli scritti di A.L.Mazzini. Roma, 1968. Appendice. vol.1–2. Roma, 1967.
- 100 Ibid., p.26–27.
- 101 Переезд в Париж был вызван в основном бытовыми неурядицами.
- 102 Saitta A. Op.cit., p.60.
- 103 Mazzini A. L. Op.cit., t.1, p.XIX.
- 104 Mazzini A. L. Op.cit., t.p.344–345; t.2, p.546, 548.
- 105 Mazzini A. L. Op.cit., t.1, p.320, 353; t.2, p.80, 547.
- 106 Понятие «санфедизм» родилось в период неаполитанской революции 1799 г., когда возглавивший контрреволюционное движение кардинал Фабрицио Руффо выдвинул лозунг защиты «святой веры» (santa fede).
- 107 Mazzini A. L. Op.cit., t.1, p.358; t.2, p.132–133, 135.
- 108 Mazzini A. L. Op.cit., t.1, p.287, 391–392.
- 109 Mazzini A. L. Op.cit., t.1, p.393, 405, 408.
- 110 Mazzini A. L. Op.cit., t.1, p.84–85, 316, 324, 338–339; t.2, p.136, 491.
- 111 Ricciardi G. Discorso intorno alle norme da seguirsi dagli Italiani nel procacciare l'indipendenza, l'unita, e la liberta della patria. Parigi, 1843.
- 112 Mazzini G. S.E.I., vol.24, p.160–161.
- 113 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.96, 130, 141, 167, 169, 173–175.
- 114 Mazzini G. Italy, Austria and the Pope. London, 1845.
- 115 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.335.
- 116 Settembrini L. Opuscoli politici editi ed inediti (1847–1851). Roma 1969, p.LXII, LXV.
- 117 Scrittori politici..., p.969, 973.
- 118 Ibid., p.972; Берти Дж. Указ. соч., с.471–472.
- 119 Mazzini A. L. Op.cit., t.2, p.79, 98, 165–167, 205, 208, 212.
- 120 Carte segrete..., vol.3, p.92.
- 121 Брошюра написана в форме письма Джеймсу Грехэму, по инициативе которого после крушения экспедиции братьев Бандьера вся корреспонденция Мадзини подвергалась перлюстрации (что вызвало взрыв возмущения в прессе и парламенте).
- 122 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.204–205.

- 123 Ibid., p.236–237.
- 124 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.258, 277, 300.
- 125 Mazzini A. L. Op. cit" t.1, p.328; t.2, p.73.
- 126 Mazzini G. S.E.I., vol.31, p.353–354, 364, 426–427.
- 127 Scrittori politici..., p.968–969.
- 128 Ibid, p.273.
- 129 Scrittori politici..., p.971; Берти Дж. Указ.соч., с.481–482.
- 130 Берти Дж. Указ. соч., с.479.
- 131 Mazzini A.L. Op.cit., t.1, p. 44.
- 132 Mazzini A.L. Op.cit., t.2, p.129–130, 200.
- 133 Ibid., t.1, p.65.
- 134 Mazzini A.L. Op.cit., t.2, p.102, 104, 492.
- 135 Ibid., p.506.
- 136 Mazzini A. L. Op.cit., t.1, p.404; t.2, p.130–131.
- 137 Budini G. Alcune idee sull'Italia. Londra, 1843.
- 138 Scrittori politici..., p.895–897.
- 139 Ibid., p.884, 898. Будини уточнял в заключение своей книги, что размеры участка должны быть достаточными, чтобы обеспечить существование четырех человек, и что обрабатывать его должны сам хозяин и его семья (ibid., p.903).
- 148 Берти Дж. Указ. соч., с.482; Scrittori politici..., p.970.
- 141 Scrittori politici..., p.919.
- 142 Ricciardi G. Storia d'Italia dal 1850 al 1900. Parigi, 1842.
- 143 Scrittori politici..., p.890, 947–948.
- 144 Saitta A. Op.cit., p.114; Scrittori politic»..., p.952–955.
- 145 Settembrini L. Op.cit., p.XXIII.
- 146 Подробнее об этом см.: Кирова К. Э. Указ. соч., с.270-279.
- 147 Mazzini G. S.E.I., vol.25, p.204.
- 148 Mazzini A. L. Op.cit., t.2, p.531–535.
- 149 Mazzini A. L. Op.cit., t.2, p.486; Saitta A. Op.cit., p.233.
- 150 Герцен А.И. Указ.соч., т.5, с.106.
- 151 Во время революции 1848–1849 гг. Монтанелли вернется в ряды демократов и станет виднейшим борцом за республиканско-демократические идеалы.
- 152 Montanelli J. Memoires sur l'Italie specialement sur la Toscane de 1814 a 1850. Paris, 1857, vol.1, p.218.
- 153 АВПР, ф. Канцелярия, 1847 г., д. 60, л. 21, 26 об.
- 154 Там же, л. 22 об.
- 155 Quazza G. La lotta sociale nel Risorgimento. Classi e govern! dalla Restaurazione all'Unita. 1815–1861. Torino, 1951, p.108.
- 156 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.5, с.4–5.
- 157 Solaro della Margarita. Memorandum storico-politico, 1835–1847. Torino, 1852, p.297–299.
- 158 Канделоро Дж. Указ. соч., т.2, с.510–511.
- 159 Petitti di Roreto I. Op.cit., p.27–28.
- 160 Mazzini A. L. Op.cit., t.1, p. 328.
- 161 Durando D. Della nazionalita italiana. Saggio politico-militare. Losanna, 1846; Ciasca R. L'origine del programma per «L'Opinione nazionale italiana» del 1847–1848. Milano, 1965, p.335.
- 162 Цит. по: Ciasca R. Op.cit., p.336.
- 163 Metternich C Memoires, documents et ecrits divers. Paris, 1881, t. 7, p.300.
- 164 Берти Дж. Указ.соч., с.227–228.
- 165 Greenfield K. R- Economics and Liberalism in the Risorgimento. A Study of Nazionalism in Lombardv 1814–1848. Baltimore, 1934, p.326.
- 166 Marshall R. Op.cit., p.102.
- 167 Matter p.Cavour et l'unite italienne avant 1848. Paris, 1922, p.313–314.
- 168 Попов А.Н. Указ.соч., с.54.
- 169 Petitti di Roreto I. Op.cit., p.73.
- 170 АВПР, ф. Канцелярия, 1847 г., д.60, л.27–28.
- 171 Mazzini G. S.E.I., vol.36, p.225–233.
- 172 Mazzini G. S.E.I., vol.33, p.119.
- 173 Ibid., vol.30, p.161–162.
- 174 Канделоро Дж. Указ.соч., т.3, с.100.
- 175 АВПР, ф. Канцелярия, 1847 г., д. 48, л.96–98; Канделоро Дж. Указ.соч., т.3, с.101.
- 176 Petitti di Roreto I. Op.cit., p.93–94.
- 177 Ibid., p.103.
- 178 АВПР, ф.Канцелярия 1847 г., д.48, л.125–129, 237.
- 179 Там же, л.232–238.
- 180 Там же, л.230 об. Через несколько дней, рассказывал Бютцев в одном из последующих донесений, знатные дамы – участницы демонстрации 10 декабря «решили организовать банкет для женщин из народа, находившихся в рядах демонстрантов, но отказались от этого намерения после того, как последние потребовали возместить им стоимость обуви, которую они стоптали во время шествия. Маркиза Дориа, пламенная либералка, возмущенная таким отсутствием патриотизма, не без иронии писал Бютцев, воскликнула: "Но ведь я сама была во главе вашей колонны, и многие другие дамы высшего света были вместе с вами". На это женщины наивно отвечали: "Вы богаты, а мы бедны". Подобное напоминание о богатстве благородных дам – патриоток, кажется, повсюду отбивает у них охоту брататься с женщинами из народа» (Там же, л.41).
- 181 АВПР, ф. Канцелярия, 1847 г., д. 48, л. 339–340.
- 182 Канделоро Дж. Указ.соч., т.3, с.82–83.
- 183 Там же, с.199.
- 184 Settembrini L. Op.cit., p.LXVIII, 3–6.
- 185 Ibid., p.32, 36, 38, 87.
- 186 Ibid., p.61.
- 187 Tivaroni c.L'Italia durante il dominio austriaco (1815–1849). Torino; Roma, 1894, t.3, p.175.

Заключение

Особенности итальянского освободительного движения 30–40-х годов определялись существенными переменами, происшедшими в этот период как в самой Италии, так и в общеевропейском масштабе. Хотя Италия и оставалась по сравнению с передовыми государствами Европы отсталой аграрной страной, все же процесс капиталистического развития в 30-х и особенно в 40-х годах набирал и здесь темпы. Экономические позиции буржуазии, прежде всего земельной, торговой и банковской ее прослоек, укреплялись. Весьма значительным и влиятельным становился слой обуржуазившегося дворянства. Особенностью социальной структуры Италии определялось существование многочисленной мелкой буржуазии. Все эти социальные силы и являлись классовой базой складывавшихся в тот период течений освободительного движения. Сторонниками демократов были главным образом представители мелкой и средней буржуазии и вышедшая из этих слоев интеллигенция. В известной степени их поддерживали городские «низы». За либералами шли выходцы из обуржуазившегося дворянства и крупной буржуазии.

Что касается международных условий, то новая ситуация сложилась здесь в результате европейских революционных событий 1830–1831 гг., и прежде всего июльской революции 1830 г. во Франции, глубоко подорвавших систему Священного союза. Идеология французской буржуазии, укрепившей свои господствующие позиции в стране, оказывала большое влияние на соседнюю Италию. Значительным было воздействие французского республиканского движения на итальянских демократов.

Демократы с начала 30-х годов являлись ведущей силой в антифеодальном лагере Италии. Как и их предшественники карбонарии, они вдохновлялись идеями борьбы против отживших феодально-абсолютистских порядков и национального угнетения. Вместе с тем новая общеитальянская демократическая организация «Молодая Италия», созданная и руководимая Дж. Мадзини, пыталась преодолеть такие свойственные карбонарскому движению слабости, как непоследовательность и нерешительность руководства, разобщенность действий между отдельными революционными очагами. Идеологи «Молодой Италии» впервые выдвинули в качестве главной общенациональной задачи завоевание единства страны, без которого нельзя было добиться ни независимости, ни свободы. Вместе с тем они публично провозгласили и ввели в сферу конкретной политической борьбы строго засекреченные ранее у карбонариев демократические и республиканские идеи. Таким образом, «Молодая Италия» открыла новые, более широкие возможности и перспективы перед итальянским национально-освободительным движением. Единственным приемлемым путем достижения единства и независимости, по мысли Мадзини и его сторонников, был путь национально-освободительной революции, важнейшим компонентом которой является всеобщее восстание.

«Молодая Италия» в отличие от карбонариев открыто делала ставку на народ как на главную и решающую силу революции, без которой не приходится рассчитывать на успех. Социальный вопрос, нередко трактованный в духе утопического социализма (особенно было велико влияние сенсимонизма), занимал существенное место как в сочинениях Дж. Мадзини и его единомышленников (в частности, Г. Модены) начала 30-х годов XIX в., так и в политических концепциях многих представителей демократического лагеря, относящихся к концу 30-х – первой половине 40-х годов (таких, как Б. Музолино, Дж. Феррари, Дж. Будини, А. Л. Мадзини и др.). Однако, декларируя необходимость «народной инициативы», мадзинисты (как, впрочем, почти все идеологи демократического течения последующих лет) игнорировали насущные материальные интересы крестьянства, основной массы итальянского народа. Они уклонялись от постановки аграрного вопроса и тем самым отдалили от себя массы. Эта глубоко противоречивая позиция демократов определялась, с одной стороны, их нежеланием оттолкнуть от национально-освободительного движения либералов и стоявшие за ними социальные силы. С другой стороны, демократы опасались того, что национальное движение перерастет в классовую борьбу народных «низов».

Провал попыток «Молодой Италии» организовать революционные выступления в 1833–1834 гг. и крушение революционных планов Н. Фабрици, братьев Бандьера и других в конце 30-х – начале 40-х годов были обусловлены как позицией руководителей демократического течения в отношении народных масс, так и их нереалистическим подходом к организации всеобщего восстания. Надеясь, что достаточно внести искру извне, чтобы вспыхнул пожар, они не учитывали в достаточной мере реальную ситуацию в той области, где предполагалось начать восстание, и не вели необходимой «длительной политической и идеологической подготовки» к нему.

Хотя республиканско-демократическим силам и не удалось надолго сохранить в своих руках инициативу в освободительном движении, тем не менее именно благодаря демократам, и прежде всего их вождю Дж. Мадзини, национальное движение в 30-х годах поднялось в идейном плане на более высокую ступень. Дальнейшему развитию и обогащению демократической мысли способствовал опыт трагической борьбы и уроки поражений.

В конце 30-х – начале 40-х годов перевес сил в антифеодальном лагере оказался на стороне умеренно либерального течения. Этому способствовали главным образом успехи экономического развития и упрочение капиталистических отношений, особенно на севере Италии, чрезвычайно укрепившие позиции крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Росту популярности либералов в итальянском общественном мнении в немалой степени содействовали также провалы мадзинистских выступлений.

Установки умеренно либерального течения совпадали с программой демократов лишь в самой общей формулировке центральных задач

освободительного движения — завоевания независимости и единства Италии. Отвергая мадзинистскую революционную стратегию, либералы хотели добиться осуществления этих задач «сверху», путем реформ, исключая революционные потрясения и развязывание инициативы народных масс. Прогрессивные тенденции умеренного течения имели, таким образом, весьма ограниченные пределы, определявшиеся прежде всего страхом перед революцией, перед массовыми выступлениями трудящихся. Либеральная политическая программа нашла свое выражение в трудах идеологов этого направления К.Кавура, В.Джоберти, Ч.Бальбо, М.Д'Адзелио и др. Она сводилась к отстаиванию тезиса о необходимости во имя достижения национальной независимости и единства пойти на компромисс с консервативно настроенными правящими кругами при условии принятия ими программы экономических и политических реформ.

Широко разработанная либералами программа экономических преобразований (признание принципа свободной торговли, создание единой сети железных дорог, таможенного союза итальянских государств и др.) должна была привести в конечном счете к созданию единого национального рынка. Политические преобразования в их трактовке сводились в основном к созданию единого независимого государства и проведению ряда весьма ограниченных буржуазных реформ (судебной, административной, ослаблению цензуры и пр.).

В противоположность преобладавшей среди демократов идее создания централизованного итальянского государства либералы, как правило, отстаивали проект федеративного устройства Италии, по-разному решая вопрос о том, кто из итальянских монархов возглавит федерацию. Так, представители либерально-католической идеологии (в первую очередь В.Джоберти) полагали, что объединение Италии возможно лишь на основе союза либерального движения с папством. Именно в папе они видели главу будущей итальянской конфедерации. Большинство итальянских либералов (среди них преобладали выходцы из Пьемонта) сходились на том, что решающая роль в борьбе за воссоединение Италии будет принадлежать Сардинской монархии, представлявшей политическую и военную силу. Реформы Карла-Альберта и усиление антиавстрийских тенденций в его политике в середине 40-х годов еще более усилили эти надежды и способствовали известному сближению между умеренными и сардинским королем.

Активная и разносторонняя деятельность либералов привела к тому, что в 40-х годах умеренный либерализм из чисто идеологического течения превратился в широкое и влиятельное политическое движение. Ему удалось оказать существенное воздействие на экономическое и культурное развитие Италии. Несомненно, что под давлением умеренных были проведены некоторые преобразования в либеральном духе в Сардинском королевстве и Тосканском государстве. С вступлением на папский престол Пия IX, казалось, началась эра претворения в жизнь либеральных идей и в Папском государстве.

Итальянская действительность середины 40-х годов XIX в. была

отмечена обострением социальных противоречий и, как следствие этого, возросшей активностью трудящихся масс. В 1846—1847 гг. по всей Италии происходили голодные бунты, стихийные выступления против дороговизны и безработицы, крестьянские волнения. Поэтому «либеральная эра» отражала не только стремление буржуазии и обуржуазившегося дворянства к прогрессивным преобразованиям, но и страх перед «социальными потрясениями», и попытки с помощью реформ предотвратить социальный взрыв.

Накануне революции 1848 г. возросла не только социальная, но и политическая активность масс, поддерживающих требования руководителей национально-освободительного движения и прежде всего антиавстрийские лозунги. Однако массовое движение быстро начало перехлестывать рамки мирных, легальных форм борьбы. Весьма ограниченные уступки итальянских монархов, вызвавшие на первых порах широкий энтузиазм, вскоре перестали удовлетворять демократические круги и народные «низы». Антиавстрийские выступления и демонстрации в Ломбардии и Венеции, революционные вспышки в Королевстве Обеих Сицилии, все нарастающее брожение в остальных итальянских государствах в 1847 г. ясно обнаруживали несостоятельность надежд либералов на возможность мирного решения проблем, стоявших перед Италией. Приближался революционный взрыв.

Революция 1848—1849 гг. подвергла исторической проверке основные силы итальянского национального антифеодального лагеря, окончательно обнажив носившие дотолее более или менее скрытый характер противоречия между демократическим и либеральным течениями. Противостояние демократам становится с той поры одной из центральных задач умеренного течения. В борьбе двух течений, развернувшейся как в ходе революции 1848—1849 гг., так и в последующие годы, вплоть до решающих боев Рисордзимо 1859—1860 гг. и завершения этого процесса в 1870 г., в конечном счете всегда одерживало верх умеренное течение, опиравшееся на реальную силу савойской монархии. Именно в таком смысле и следует понимать слова Грамши о том, что «фактически Кавур и король "косвенно" руководили демократами»². И хотя «Италия была свободна и по существу объединена» благодаря революционному движению масс³, ставших под знамена передовой демократической буржуазии, итальянская буржуазно-демократическая революция осталась незавершенной. Пережитки феодализма сохранились в экономике и политической структуре единого Итальянского королевства. Господствующие позиции в объединенной Италии оказались в руках умеренной партии.

1 Грамши А. Избранные произведения: В 3-х т. Т. 3. Тюремные тетради. М., 1959, с.204.

2 Грамши А. Указ.соч., с.244.

3 Маркс К., Энгельс Ф., соч. 2-е изд., т.21, с.430.

Библиография

- Маркс К. Письмо редактору газеты «Alba». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5.
- Маркс К. Покушение на Франца-Иосифа. — Миланское восстание. — Британская политика. — Речь Дизраэли. — Завещание Наполеона. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8.
- Маркс К. Революционная Испания. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10.
- Маркс К. К критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13.
- Маркс К. Письмо Иосифу Вейдемейеру (11.IX 1851 г.). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27.
- Маркс К., Энгельс Ф. Третий международный обзор. С мая по октябрь. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7.
- Энгельс Ф. Движения 1847 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4.
- Энгельс Ф. Начало конца Австрии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4.
- Энгельс Ф. Три новых конституции. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4.
- Энгельс Ф. По и Рейн. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13.
- Энгельс Ф. Роль насилия в истории. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
- Ленин В. И. Заметки публициста. — Полн. собр. соч., т. 19.
- Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25.
- Ленин В. И. Под чужим флагом. — Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И. Империализм и социализм в Италии. — Полн. собр. соч., т. 27.

Источники

Архивные материалы

- Архив внешней политики России (АВПР), Канцелярия, 1830—1847 гг., оп. 469, ф. Посольство в Риме, д. 12, 68, 318, 323, 481, 529.
- Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР).
ф. 109 (Третье отделение тайной его императорского величества канцелярии); ф. 828 (А. М. Горчаков).
- Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ).
ф. 195, оп. 1 (Вяземские); ф. 1337, оп. 1—2 (коллекция дневников и мемуаров); ф. 501 (Тургеневы); ф. 172, оп. 1 (З. А. Волконская).
- Центральный государственный исторический архив (ЦГИА).
ф. 1101, оп. 1, д. 963—965.

- Архив Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).
ф. 309 (Архив братьев Тургеневых); ф. Онегинское собрание; ф. 274, оп. 1 (Архив М. И. Семевского); ф. 265, оп. 2 (Архив журнала «Русская старина»); ф. 26 (Архив С. П. Шевырева).
- Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ф. 850 (С. П. Шевырев); ф. 167 (П. А. Вяземский); ф. 124 (Собрание П. Л. Вакселя); ф. 539 (В. Ф. Одоевский).
- Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.
ф. 340, д. 12; ф. 607 (Бутеневы); ф. 231 (М. П. Погодин); ф. 233 (С. Д. Полторацкий); ф. 183 (Собрание иностранных автографов).

Пресса

Газеты

- Литературная газета, 1831, 1840—1846.
- Московские ведомости, 1831—1847.
- Московский телеграф, 1831—1834.
- Русский инвалид, 1831—1847.
- Санкт-Петербургские ведомости, 1831—1847.
- Северная пчела, 1831—1847.
- Сын отечества, 1831—1844, 1847.

Журналы

- Библиотека для чтения, 1834—1847.
- Европеец, 1832.
- Молва, 1831—1835.
- Отечественные записки, 1839—1847.
- Санкт-Петербургский вестник, 1831.
- Современник, 1836—1847.
- Телескоп, 1831—1836.
- La Giovine Italia, 1832—1834.
- L'Apostolato popolare, 1840—1843.

Публикации документов, публицистика, дневники, мемуары, переписка

- Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. СПб., 1922.
- Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963.
- Волков М. Отрывки из заграничных писем (1844—1848). СПб., 1857.
- Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. — Собрание сочинений. Т. 5. М., 1955.
- Орсини Ф. Воспоминания. М.; Л., 1934.
- Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872.
- Полов А. Н. Рим в 1847 и 1848 годах. СПб., 1871.
- Стендаль. Прогулки по Риму. — Собр. соч. Т. 10. М., 1959.
- Balbo C. Delle speranze d'Italia. Capolago, 1844.
- Balbo C. Lettere politiche di Cesare Balbo. S. I., 1847.
- Balbo C. Meditazioni storiche. Firenze, 1854.
- Bandiera A., Bandiera E. Lettere inedite dei fratelli Bandiera, pubblicate da F. Guardione. Catania, 1894.
- Barante Cl. de. Souvenirs du baron de Barante. Vol. 4. Paris, 1894.
- Buonarroti F. Riflessi sul governo federativo applicato all'Italia. — In: Galante Garrone A. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento. Torino, 1951.

- Capponi G.* Lettere di Gino Capponi e di altri a lui. Vol. 1—5. Firenze, 1882—1887.
- Capponi G.* Scritti inediti. Firenze, 1957.
- Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1848. Vol. 1—3. Capolago, 1851—1852.
- Cavour C. B.* Epistolario. Bologna, 1962.
- Cavour C.* Scritti di economia (1835—1850). Milano, 1962.
- D'Azeglio M.* Degli ultimi casi di Romagna. Italia, 1846.
- D'Azeglio M.* Lettera di Massimo D'Azeglio al signor N.N. Italia, 1846.
- D'Azeglio M.* I miei ricordi. Roma, 1955.
- D'Azeglio M.* Scritti postumi. Firenze, 1871.
- D'Azeglio M.* The Present Movement in Italy. London, 1847.
- Dialoghetti sulle materie correnti nell'anno 1831, S. I., 1832.*
- Ferrari G.* La rivoluzione e i rivoluzionari in Italia (dal 1796 al 1844). Palermo: Milano, 1901.
- Gioberti V.* Del primato morale e civile degli italiani. Vol. 1—2. Bruxelles, 1845.
- Gioberti V.* Ricordi biografici e carteggio di V. Gioberti. Torino, 1860.
- Gioberti V.* Scritti scelti. Torino, 1954.
- Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Paris, 1859.
- Laffitte J.* Mémoires de Laffitte (1767—1844). Paris, 1932.
- Marochetti J.-B.* Indépendance de l'Italie; moyen de l'établir dans l'intérêt général de l'Europe: ou partage de la Turquie. Paris, 1830.
- Mazzini A. L.* De l'Italie dans ses rapports avec la liberté et la civilisation moderne. T. 1—2. Paris, 1847.
- Mazzini G.* Scritti editi ed inediti. Vol. 1—36. Appendice, Vol. 1—3. Imola, 1906—1939.
- Mémoires sur la Jeune Italie et sur les derniers événements de Savoie. Vol. 1—2. Paris, 1834.
- Metternich C. W. L.* Mémoires, documents et écrits divers. T. 5—7. Paris, 1882—1883.
- Misley H.* L'Italie sous la domination autrichienne. Paris, 1832.
- Montanelli J.* Mémoires sur l'Italie spécialement sur la Toscane de 1814 à 1850. Paris, 1857.
- Note e documenti per la storia delle idee sociali in Italia. 1830—1849. A cura di F. Della Peruta.— In: Annali dell'Istituto G. Feltrinelli. 1962. Milano, 1963.
- Palmieri di Miccichè M.* Il duca d'Orléans e gli emigrati francesi in Sicilia o gli italiani giustificati. Parigi, 1831.
- Petitti di Roreto I.* Lettere di Petitti di Roreto a Vincenzo Gioberti (1841—1850). Roma, 1936.
- Protocollo della Giovine Italia (Congrega centrale di Francia). Vol. 1—6. Imola, 1916.
- Ruffini G.* Mémoires d'un conspirateur. Paris, 1855.
- Scrittori politici dell'Ottocento. Vol. 1. Mazzini e i democratici. A cura di F. Della Peruta. Milano; Napoli, 1969.
- Settembrini L.* Opuscoli politici editi ed inediti (1847—1851). A cura di M. Themelly. Roma, 1969.
- Sismondi G. C. L.* Epistolario. Vol. 3. Firenze, 1936.
- Solaro della Margarita C.* Memorandum storico-politico. 1835—1847. Torino, 1852.
- Vicini G.* La rivoluzione dell'anno 1831 nello Stato Romano. Memorie storiche e documenti editi ed inediti. Imola, 1889.

Литература

- Грашви А.* Тюремные тетради.— Избранные произведения. Т. 3. М., 1959.

История Италии. Т. 2. М., 1970.

- Кирова К. Э. Дж. Мадзини и утопический социализм (1830—1840).— В кн.: История социалистических учений: Памяти акад. В. П. Волгина. М., 1964.*
- Кирова К. Э.* Концепция итальянской революции в работах Мадзини (1831—1833 гг. Первый период «Молодой Италии»).— В кн.: Из истории социально-политических идей: Сборник статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., 1955.
- Ковальская М. И.* Движение карбонариев в Италии. М., 1971.
- Кучеренко Г. С.* Сен-симонизм в общественной жизни XIX века. М., 1975.
- Мизиано К. Ф.* Некоторые проблемы истории воссоединения Италии.— В кн.: Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации. М., 1956.
- Невлер В. Е.* Мадзини и «Молодая Европа».— Вопросы истории, 1972, № 7.
- Невлер В. Е.* Восстание братьев Бандьера и Мадзини.— Новая и новейшая история, 1972, № 3.
- Обзор новейшей истории Италии, составленный из различных иностранных источников. СПб, 1861.
- Революции 1848—1849 гг. Т. 1—2. М., 1952.
- Сказкин С. Д.* Кавур и воссоединение Италии.— Историк-марксист, 1935, № 5/6.
- Тарасова В. И. Н. И. Тургенев в Западной Европе в 30—50-х годах XIX века и его общественно-политические связи.— Учен. зап. Марийского гос. пед. ин-та, т. 28, 1960.*
- Anzilotti A.* Movimenti e contrasti per l'unità italiana. Bari, 1930.
- Arese F.* Cavour e le strade ferrate. Milano, 1953.
- Barbagallo C.* Le origini della grande industria contemporanea. Firenze, 1951.
- Barbiera R.* I fratelli Bandiera. Genova, 1912.
- Beales D.* The Risorgimento and Unification of Italy. London; New York, 1971.
- Benedetto L. F.* Uomini e tempi. Pagine varie di critica e storia. Milano, 1952.
- Berti G.* I democratici e l'iniziativa meridionale nel Risorgimento. Milano, 1962. (Имеется русский перевод: *Берти Дж.* Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965).
- Berti G.* Russia e stati italiani nel Risorgimento. Torino, 1957. (Имеется русский перевод: *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959).
- Bianchi N.* Storia documentata della diplomazia europea in Italia. Vol. 3—4. 1830—1846. Torino, 1867.
- Bosio F. F. D.* Guerrazzi e le sue opere. Livorno, 1865.
- Candeloro G.* Il movimento cattolico in Italia. Roma, 1953. (Имеется русский перевод: *Канделоро Дж.* Католическое движение в Италии. М., 1955).
- Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. Vol. 2—3. Milano, 1958—1960. (Имеется русский перевод: *Канделоро Дж.* История современной Италии. Т. 2—3. М., 1961—1962).
- Cantimori D.* Utapisti e riformatori italiani. 1794—1847. Firenze, 1943.
- Carmignani R.* Storia del giornalismo mazziniano. Pisa, 1959.
- Catalano F., Moscati R., Valsecchi F.* L'Italia nel Risorgimento. Milano, 1964.
- Ciampini R.* Gian Pietro Vieusseux. I suoi viaggi, i suoi giornali, i suoi amici. Torino, 1953.

- Ciampini R.* Studi e ricerche su Nicolò Tommaseo. Roma, 1944.
- Ciasca R.* L'origine del programma per «L'Opinione nazionale italiana» del 1847—48. Milano, 1965.
- Codignola A.* Mazzini. Torino, 1946.
- Credali A.* Idee e uomini del Risorgimento. Parma, 1964.
- Croce B.* Storia della storiografia italiana nel secolo XIX. Vol. 1—2. Bari, 1947.
- Della Peruta F.* Democrazia e socialismo nel Risorgimento. Saggi e ricerche. Roma, 1965.
- Della Peruta F.* Mazzini e i rivoluzionari italiani. II «Partito d'azione». 1830—1845. Milano, 1974.
- Della Peruta F.* Il pensiero sociale di Mazzini.—Nuova rivista storica, 1964, N 1/2.
- Demarco D.* Il tramonto dello Stato Pontificio. Torino, 1949.
- De Ruggiero G.* Il pensiero politico meridionale nei secoli XVIII e XIX. Bari, 1946.
- De Sanctis F.* Mazzini e la scuola democratica.—Opere, Vol. 12. Torino, 1951.
- Farges L.* Stendhal diplomate. Rome et l'Italie de 1829 à 1842 d'après sa correspondance officielle inédite. Paris, 1892.
- Farini L. C.* Lo Stato Romano dall'anno 1815 al 1850. Vol. 1—4. Torino, 1850—1853.
- Ferrari A.* L'Italia durante la Restaurazione (1815—1849). Milano, 1935.
- Ferretti G.* Esuli del Risorgimento in Svizzera. Bologna, 1948.
- Filipuzzi A.* Pio IX e la politica austriaca in Italia dal 1815 al 1848. Firenze, 1958.
- Fontana G.* La tradizione unitaria in Italia. Bologna, 1868.
- Francovich C.* Albori socialisti nel Risorgimento. Firenze, 1962.
- Francovich C.* Idee sociali e organizzazione operaia nella prima metà dell'800 (1815—1847). Milano; Roma, 1959.
- Galante Garrone A.* Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento (1828—1837). Torino, 1951.
- Gambaro A.* Sulle orme del Lamennais in Italia. Vol. I. Il lamennaisismo a Torino. Torino, 1958.
- Garin E.* Storia della filosofia italiana. Vol. 3. Dall'Illuminismo al Risorgimento. Torino, 1966.
- Gentile G. G.* Capponi e la cultura toscana nel secolo XIX. Firenze, 1926.
- Gentile G.* Rosmini e Gioberti.—Opere complete. Vol. 18. Firenze, 1955.
- Ghisalberti A. M.* Orsini minore. Roma, 1955.
- Giusti W.* Cesare Balbo e i problemi del mondo slavo. Trieste, 1957.
- Giusti W.* Il Mazzini e gli slavi. Milano, 1940.
- Gramsci A.* Il Risorgimento. Roma, 1971.
- Greenfield K. R.* Economics and Liberalism in the Risorgimento. Baltimore, 1934.
- Gualterio F. A.* Gli ultimi rivolgimenti italiani. Vol. 1—4. Firenze, 1852.
- Hales E. E. Y.* Mazzini and the Secret Societies. London, 1956.
- Harding A. M.* Italy and Austria. Chicago, 1919.
- Hobsbawm E. J.* The Age of Revolution. 1789—1848. Cleveland; New York, 1962.
- Kauchtschischwili N.* Silvio Pellico e la Russia. Un capitolo sui rapporti culturali russo-italiani. Milano, 1963.
- Leoni F.* Storia della controrivoluzione in Italia. 1789—1859. Napoli, 1975.
- Levi A.* La filosofia politica di Giuseppe Mazzini. Napoli, 1967.
- Lo Gatto E.* Russi in Italia. Dal secolo XVII ad oggi. Roma, 1971.
- Lovett C. M.* Carlo Cattaneo and the Politics of the Risorgimento. 1820—1860. The Hague, 1972.
- Luzio A.* Carlo Alberto e Giuseppe Mazzini. Torino, 1923.
- Luzio A.* Giuseppe Mazzini carbonaro. Torino, 1920.
- Mario J. W.* Della vita di Giuseppe Mazzini. Milano, 1908.
- Marshall R.* Massimo D'Azeglio, an Artist in Politics 1798—1866. London, 1966.
- Mastellone S.* Mazzini e la «Giovine Italia». (1830—1834). Vol. 1—2. Pisa, 1960.
- Mastellone S.* Victor Cousin e il Risorgimento italiano. Firenze, 1955.
- Matter P.* Cavour et l'unité italienne (avant 1848). Paris, 1922.
- Maturi W.* Interpretazioni del Risorgimento. Torino, 1963.
- Maturi W.* Il principe di Canosa. Firenze, 1944.
- Mazzini e mazzinianesimo.* Atti del 46 congresso di storia del Risorgimento italiano. (Genova, 24—28 sett. 1972). Roma, 1974.
- Michel E. F. D.* Guerrazzi e le cospirazioni politiche in Toscana dall'anno 1830 all'anno 1835. Roma; Milano, 1904.
- Mondolfo R.* Il pensiero politico nel Risorgimento italiano. Milano, 1959.
- Monti A.* L'idea federalistica nel Risorgimento italiano. Bari, 1922.
- Morandi R.* Storia della grande industria in Italia. Bari, 1931.
- Morelli F.* L'Assemblea delle Province unite italiane (1831). Firenze, 1946.
- Natali G.* La rivoluzione italiana del 1831—32 e le sue immediate conseguenze. Bologna, 1956.
- Omodeo A.* Difesa del Risorgimento. Torino, 1951.
- Omodeo A.* L'opera politica del conte di Cavour. Firenze, 1945.
- Paladino G.* Una congiura mazziniana a Napoli nel 1833.—Archivio storico per le provincie napoletane, 1924, vol. 10, fasc. 1—4.
- Passamonti E.* Il giornalismo giobertiano in Torino nel 1847—1848. Milano; Roma, 1914.
- Passerin d'Entreves E.* Ideologie del Risorgimento. Pt 1—2. Torino, 1966—1967.
- Petrucelli della Gattina F. G.* Storia della idea italiana. Napoli, 1882.
- Piglione E.* Il Piemonte dalla rivoluzione di luglio alla spedizione di Savoia (1830—1835) secondo documenti dell'Archivio segreto vaticano.—Risorgimento italiano, 1929, vol. XXII, fasc. 1—2.
- Pitocco F.* Utopia e riforma religiosa nel Risorgimento. Il sansimonismo nella cultura toscana. Bari, 1972.
- Prato G.* Fatti e dottrine economiche alla vigilia del 1848: l'Associazione agraria subalpina e Camillo Cavour. Torino, 1921.
- Quazza G.* L'industria laniera e cotoniera in Piemonte dal 1831 al 1861. Torino, 1961.
- Quazza G.* La lotta sociale nel Risorgimento. Classi e governi dalla Restaurazione all'Unità. 1815—1861. Torino, 1951.
- Quazza R.* Pio IX e Massimo D'Azeglio nelle vicende romane del 1847. Vol. 1—2. Modena, 1954.
- Questioni di storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia.* Milano, 1951.
- Raulich I.* Storia del Risorgimento politico d'Italia. Vol. 1—5. Bologna, 1920—1927.
- Ravenna L.* Il giornalismo mazziniano. Note ed appunti. Firenze, 1967.
- La Restaurazione in Italia. Strutture e ideologie.* Atti del XLVII congresso di storia del Risorgimento italiano. (Cosenza, 15—19 sett. 1974). Roma, 1976.

- Romeo R. Cavour e il suo tempo. Vol. 1—2. Bari, 1969—1977.
- Romeo R. Dal Piemonte sabaudo all'Italia liberale. Roma; Bari, 1974.
- Romeo R. Mezzogiorno e Sicilia nel Risorgimento. Napoli, 1963.
- Romeo R. Risorgimento e capitalismo. Bari, 1959.
- Rosselli N. Inghilterra e Regno di Sardegna dal 1814 al 1847. Torino, 1954.
- Rota Ghibaudi S. Giuseppe Ferrari. L'evoluzione del suo pensiero. (1838—1860). Firenze, 1969.
- Rota E. Gli svolgimenti storici di due forze costruttive-liberalismo e nazionalità.— In: Questioni di storia contemporanea. Vol. 2. Milano, 1952.
- Saitta A. F. Buonarroti. Contributo alla storia della sua vita e del suo pensiero. Vol. 1—2. Roma, 1950—1951.
- Saitta A. Sinistra hegeliana e problema italiano negli scritti di A. L. Mazzini. Roma, 1968.
- Salvatorelli L. Pensiero e azione del Risorgimento. Torino, 1950.
- Salvatorelli L. Il pensiero politico italiano. 1830—1870. Torino, 1949.
- Salvatorelli L. Spiriti e figure del Risorgimento. Firenze, 1961.
- Salvemini G. Scritti sul Risorgimento. Milano, 1961.
- Sciacca M. F. Il pensiero italiano nell'età del Risorgimento. Milano, 1963.
- Soldani S. Il 1830 in Europa: dinamica e articolazioni di una crisi generale.— Studi storici, 1972, N 1/2.
- Solmi A. Ciro Menotti e l'idea unitaria nell'insurrezione del 1831. Modena, 1931.
- Solmi E. Mazzini e Gioberti. Milano, 1913.
- Sorbelli A. Libro dei compromessi politici nella Rivoluzione del 1831—1832. Roma, 1935.
- Soriga R. L'idea nazionale italiana dal secolo XVIII all'unificazione. Modena, 1941.
- Soriga R. Le società segrete, l'emigrazione politica italiana e i primi moti per l'indipendenza. Modena, 1942.
- Spellanzone C. Storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia. Vol. 1—3. Milano, 1933.
- Storia d'Italia. Vol. 3. Dal primo Settecento all'Unità. Torino, 1973.
- Tivarone C. L'Italia durante il dominio austriaco (1815—1849). T. 1—3. Torino; Roma, 1892—1894.
- Toesca P. M. I grandi libri del Risorgimento. Torino, 1960.
- Vaccaluzzo N. Massimo d'Azeglio. Roma, 1930.
- Vannucci A. I martiri della libertà italiana dal 1794 al 1848. Firenze, 1860.
- Venturi F. La circolazione delle idee tra l'Europa e l'Italia nel Risorgimento.— Rassegna storica del Risorgimento, 1954, fasc. 2—3.
- Verucci G. Francia e Piemonte tra Restaurazione e rivoluzione di luglio. Roma, 1969.
- Vidal C. Louis-Philippe, Mazzini et la «Jeune Italie» (1832—34). Paris, 1934.
- Vidal C. Mazzini et les tentatives révolutionnaires de la «Jeune Italie» dans les Etats sardes. Paris, 1928.
- La vita italiana nel Risorgimento. Firenze, 1898.
- Weill G. L'éveil des nationalités et le mouvement libéral. 1815—1848. Paris, 1930.
- Woolf S. J. The Italian Risorgimento. London, 1969.